

9
1972

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

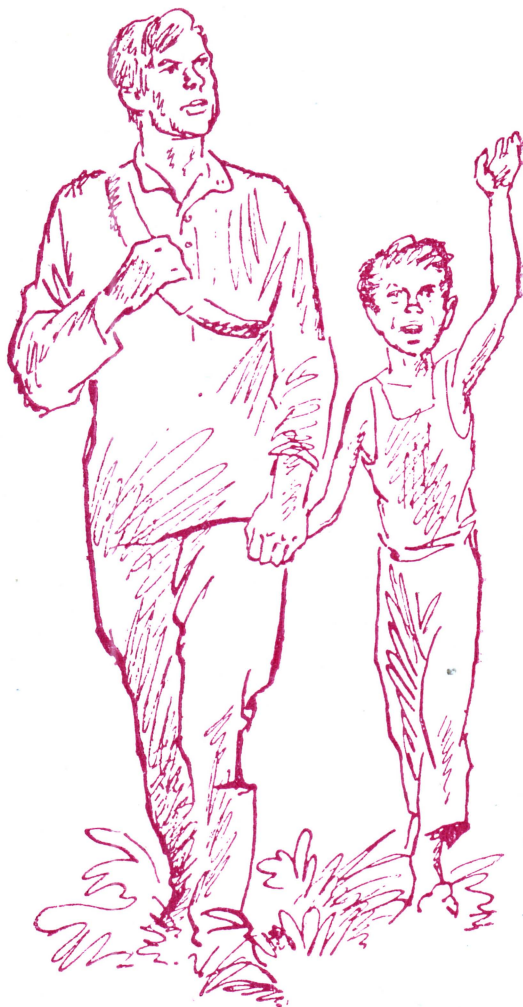
В НОМЕРЕ.

В. Банькин СЧАСТЛИВОЕ ЛЕТО. Повесть	2
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	17
В. Губарев ПЕРВЫЙ МАРСИАНИН	18
А. Нагибин ЧЕРЕЗ ПЕСКИ И ЛЕСА	31
З. Лихачева ПОТАПКА. Рассказ	35
Л. Шкавро, Г. Пятков СТИХИ	44
О. Савин СКАЗАНИЕ О СОВИРАТЕЛЕ КНИГ ДОСЕЛЬНЫХ	46
Е. Бугаенко ОРДЕН	50
М. Ергина ФРОНТ В ТЫЛУ	53
Ю. Немиров СТЕПАНУ РАЗИНУ	55
Д. Биленкин ЧУЖАЯ ПРИРОДА. Рассказ. Фантастика	56
А. Коровин ПЕРВЫЕ ИХТИОЛОГИ	60
Г. Сушкова ПО ТРОПАМ ДЕРСУ УЗАЛА	61
Н. Блинников «УРОКИ» АРСЕНЬЕВА	63
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ	64
В. Турунтаев МАШИНИСТЫ. Очерк	67
А. Беляев БЕЛЫЙ ГУСЬ	73
Л. Тимашева ОЗЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ	75
В. Головкин ТАК НАЧИНАЕТСЯ... ОПЕРАЦИЯ «Ч»	77
РАССКАЗЫ У КОСТРА	78
Е. Замятин МАГНИТ ОСОБОГО ЧУВСТВА	79
ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна
На второй странице обложки
фото Л. Баранова «Родимая сторона»

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТШЧИК 9
1972

СЧАСТЛИВОЕ ЛЕТО

Повесть

Виктор БАНЬКИН

Рисунки Н. Мооса.

Раздвигая ветви, Женька нырнул в горьковато душные заросли ветьельника. А чуть погода, выбравшись из кустарника к отвесному обрыву, маханул с кручи, не долго думая, на манящую своей нетронутой белизной песчаную косу заводи.

В этом овражке в обнажившихся пластах перегноя всегда водились крупные жирные черви — самая лакомая приманка для прожорливых язишек, густеры, подлещиков.

Дед Фома, сосед, сказывал: лет сорок назад на этом месте стоял хутор одного ермаковского богатея, разводившего племенной скот. Но однажды весной началось небывалое половодье, причинившее людям большие бедствия. Уровень воды в Усе, тишайшей речушке, в двух километрах от Ермаковки, впадавшей в Волгу, поднялся метров на пять. Затопило все низинки, ложки. В воде оказались даже банешки, приткнувшиеся тут и там вдоль песчаного берега. С Волги же верховый ветер все гнал и гнал в Усу бельводу — бурые пенные потоки. Как-то в ночь верховец достиг ураганной силы, и вспученная, взбесившаяся Уса яростно обрушилась на неустойчивый берег, подмывая его, опрокидывая целые глыбы в кипящую пучину. В ту самую ночь и не стало богатого хутора, ураганом разнесло по бревнышку мужицкие банешки, рухнула в речку и древняя деревянная часовенка, помнившая, как говорят легенды, еще Ермака Тимофеевича.

Кучи навоза, оставшиеся на месте хутора, занесло со временем песком, из песка полез ветьельник, и ничто уже не напоминало здесь о былой жизни. Многие ермаковцы забыли о хуторе, прозванном когда-то Бирючьим, да три года назад, тоже в половодье, берег подмыло, и обнажились слежавшиеся пласты перегноя, кишащие, к удовольствию рыбаков, червями.

Женька любил уединенный овражек. Вытащив из-за пазухи жестянку с крышкой, он спросил себя: «А что если я сначала искупаюсь? А уж потом покопаю? Никуда они, эти черви, от меня не денутся. Денек-то нынче душный-предушный был. Все тело горит. А побултыхаться времени не было — плетень на огороде чинил».

Облизывая солонатово-сухие, спекшиеся

Прежде чем юркнуть в заросли ветьельника над речным обрывом, Женька с опаской огляделся по сторонам.

Ни души вокруг. Ни птичьего звеньканья. Одурающе сонная, предвечерняя тишь. Не шелхнется даже сурепка, истомленная дневным зноем.

«А мне почудилось: крадется кто-то за придорожным орешником», — подумал Женька. Вертелось в голове: «Не Санька ли Жадин?»

Санька повстречался на бугре возле ветряка. И так зыркнул ехидно раскосыми зенками! Надо бы по морде вредному съездить, да с ним опасно схлестываться. Что там ни говори, а Жадин на два года старше. И здоровущий дузо-то вон какое отрастил!

губы, он глянул из-под руки на полноводную еще и в июне Усу. Садившееся позади обрыва, за Усольскими отрогами, солнце акось золотило водную гладь без единой морщиночки до противоположного горного берега. Отвесные склоны кургана Семь братьев на той стороне, которые не под силу было взять приступом островерхим соннам, сверкали в закатных лучах прожилками розоватых, пепельно-серых, пунцовых и мерцающе-белых доломитов.

Но как ни велико было желание поскорее сбросить с себя майку и штаны и кинуться вниз головой в речку, Женька сдержался.

«Нет уж, сперва накопаю червяков для зоревой рыбалки, а потом и накупаюсь всласть», — решил он и, присев на корточки, сразу же приступил к делу.

Не обращая никакого внимания на острокрылых стрижей, носившихся бешено над его головой, Женька палкой ковырял податливый, табачного цвета, перегной, собирая из-под ног в банку извивающихся змейками чернильно-лиловых червей, стремящихся поскорее зарыться в песок.

— Экие хитрюги! — говорил червям Женька. — Нет уж, у меня не спрячешься — всех соберу!

«Это вы теперь стали безвредными глупышамми, — продолжал он про себя, — а когда-то — давно-давно, когда ни мамы моей не было, ни бабушки, ни бабушкиной матери... тогда вы были большущими страшными полозьями. Верно-наверно! Я знаю!» Женька вспомнил, как дед Фома сказывал: раз его прапрадед припозднился, возвращаясь домой из Комаровки, а ночь светлая стояла — в мае было дело, и ехал он через Леший овраг. Глухой Леший овраг между горами и по сю пору дурную славу имеет. Ехал, ехал родич Фомы по оврагу, и вдруг лошаденка его всхрапнула, и ну давай назад пятиться. Приподнялся на телеге мужик, смотрит, а через дорогу — совсем близехонько — бревно серое движется. Словно его, бревно, кто-то волоком по земле тащит. Потом уж, дома, догадался дальний родич Фомы: то полож ему дорогу преградил. А они, эти полозья, и овец заглывали запросто, и свиней, да и телятами не гнушались. Ну, когда длиннуший полоз скрылся между дремучими деревьями, мужичонко и пустил лошадь вскачь. До самой Ермаковки перепуганная животины неслась галопом.

Женька подержал на ладони свившегося в тугое кольцо червя и бросил его в жестянку.

...А потом полозья в Жигулях как-то сразу пропали. Куда они подевались? То ли заговорил их какой-нибудь добрый колдун. И превратились страшные полозья в навозных и дождевых червей. В те давние времена один колдун славился на все Поволжье — из мордовского поселка Шелехметь. Фома про него как-то тоже сказывал. Может, этот колдун и превратил полозьев в червяков?

Увлеченный работой, Женька и не видел, как все ближе и ближе подкрадывались к нему четверо босоногих мальчишек, прижимаясь к нависшему над головами уступу. Уже двое из них, похожих друг на друга, отделившись от приятелей, перебежали на противоположную сторону овражка, чтобы отрезать Женьке отступление, а тот, ничего-то не подозревая, беспечно напевал песенку, только что им самим придуманную:

Что нам луна, что нам луна?

Мы Марса схватим за рога!

В этот миг и крикнул зычно Санька Жадин — самый драчливый мальчишка в Ермаковке:

— Хватайте его, крапивное семя!

С кошачьей ловкостью вскочил на ноги Женька.

Вот их сколько! Прямо перед ним статуей красовался длинноногий Санька, предводитель наспех сколоченной ватаги, выпятив барабаном пузо и щуря нахально мышинные глазки. Чуть позади него почесывался трусоватый Петька Свищев, закадычный приятель Жадина, по-стариковски горбятая мосластую спину. Справа же стояли Хопровы — братья-одногодки: Гринька и Минька. Наверно, хитрющий Санька посулил что-то смиренным братьям, жившим неподалеку от Женьки. Ведь он, Женька, никогда отроду не ссорился с Хопровыми.

«Ничего не скажешь, ловко они меня обложили!» — пронеслось в голове у Женьки. Сердце бухало кузнечным молотом, поясницу покалывало ледяными иголками. Стараясь не выдавать своей тревоги, Женька спросил с твердостью в голосе: — Чего вылупились?

— А ты чего? — тотчас выкрикнул Минька Хопров.

— Помолчал бы, христопродавец! — презрительно сплюнул Женька.

У его старенькой бабушки Фисы это слово было самым ругательным.

Заливаясь до ушей краснотой, Минька заморгал белесыми ресницами.

На выручку Хопрову пришел Петька Свищев: — Хочешь, Женюля, я тебе на сопатку клеймо поставлю?

— А ты хочешь? — вопросом на вопрос ответил Женька.

— Нет, сперва ты скажи: хочешь? — хорхорился Петька, кривляясь и так, и эдак.

Но тут Санька, отмахнувшись от приятеля рукой: «Заткнись, мол!», пошире раздвинул ноги и по-боксерски выставил вперед свои большущие, в цыпках, кулачищи. И, в упор глядя на Женьку, процедил сквозь зубы:

— Сейчас мы из тебя бешбармак сварганим! Будешь наперед знать, как брехать языком!

— А я и не брешу! — Женька тоже раздвинул ноги, как бы стремясь враси в землю.

— Не брешешь? — усмехнулся зловеще Жадин. — А кто трепанул прорабу со стройки? Прото, что нам во двор...

— А что — не правда? Не правда это! — возмущенно выпалил Женька.

— Тебе-то какое дело? — опять заюлил дворягой Петька Свищев. — Не твое же добро...

— Эти ворюги Жадины... — начал было Женька, но побелевший до синевы Санька не дал ему договорить. Рывком бросившись на Женьку, он, не размахиваясь, сунул ему кулачищем под самый подбородок. Лязгнув зубами, Женька рухнул навзничь.

— Ну, а вы чего? — зарычал Санька, понукая приятелей. — Действуйте в том же духе!

Но ни Петька, ни братья Хопровы не сдвинулись с места. Тогда Санька, чертыхаясь, снова пошел на Женьку.

Когда же пузан чуть ли не вплотную приблизился к Женьке, все еще лежавшему на песке, тот не медля ни секунды, вдруг изо всей силы пнул его ногами в живот.

И тут уже Санька, совсем не ожидавший ответного удара, полетел на землю.

Проворно вскочив и отчаянно крича: «Всех 3

с копыт свалю, только суньтесь!».— Женька бросился наутек.

Метрах в ста от оврага в гору карабкалась крутая тропинка.

«Лишь бы успеть подняться наверх! Если погонятся, на стройку припущу,— думал Женька, увязая в песке.— Туда они не сунутся».

Уже поднявшись на кручу и глянув на миг вниз, Женька увидел тяжело топавшего Саньку. Его трусливая армия гуськом тянулась за ним.

«Прибавь, машина, ходу! — приказал себе Женька.— Жадин хотя и брюхат, да ноги у него длиннее. И бегают, что тебе колхозный иноходец Метеор!»

Вдали маячила белая коробка строящегося санатория. Женька частенько наведывался на стройку, чтобы посмотреть, как с помощью крапа на легко скользили вверх преогромные панели, как рабочие ловко крючками подтягивали к себе тяжеленные махины и так же ловко, точно играя, устанавливали их на свое место. Проходил час, другой, и прямо-таки на глазах вырастала стена этажа с окнами и балконными дверями.

В сторону стройки и несся птицей Женька. Длинноногий Жадин, взобравшись в гору, весь вытянулся в струнку, преследуя дерзко одурачившего его щуплого пацаненюшу.

С каждой минутой расстояние между Женькой и Санькой все уменьшалось и уменьшалось. Женька уже слышал свистяще-сиповатое дыхание запыхавшегося вконец преследователя.

«Умру, а не дамся! — с непреклонным отчаянием думал он, напрягая последние силы.— Мне бы только вон до котлована дотянуть... только бы до котлована добежать!»

У котлована, выбираемого под будущую котельную, стояло три самосвала. Поставив свой «МАЗ» в очередь, Серега зашагал не спеша к первой машине, тяжело шаркая о землю подошвами кирзовых сапог.

Присев на поросший тощим полыньком бугор, шоферы от нечего делать дымили. И нет-нет, да снисходительно, с ленцой гоготали, слушая злоязыкого Урюпкина, красавца-пустозвона, начиненного неисчерпаемым множеством всякого рода историй и побасенок.

Анисим, хозяин головной машины, покладистый круглолицый парень, кивая подходившему Сереге, сказал:

— Приземляйся. Загорать придется. Грунт видишь какой пошел?

Серега остановился у края котлована. Вместо клыкастого ковша к тросу экскаватора был подвешен многопудовый клин. Тупоногая чушка то натужно, со скрипом, подтягивалась к вершине хобота ажурной стрелы, то стремительно падала вниз и ухала так, что в разные стороны пенными брызгами разлетались осколки известняка.

— Кончай лупоглазить, молчун! — крикнул весело и развязно Урюпкин.— Иди швартайся, я новую былинку начну разматывать из своей многогрешной жизни.

Не слушая надоедливового болтуна, Серега вытащил из кармана солдатских брюк помятую пачку дешевеньких сигарет, но закурить ему не пришлось.

От Ермаковки с крестами антенн над крышами изб, видной отсюда с увала, как на ладони, бежала с гиканьем и свистом стайка голопятых мальчишек. Впереди ребят, улепетывая от погони,

несся вихрастый шустряк. Ничего словно не видя, он летел прямо к воронке котлована.

— Эй! Куда ты? — заорланил предостерегающе Серега, но было уже поздно.

Споткнувшись о булыжину, мальчишка, куврыкаясь, полетел на дно котлована.

Многопудовый клин, только что подтянутый к вершине стрелы, навис, чуть раскачиваясь, казалось, над самой головой мальчишки.

За секунду-другую до того, как туша клина ринется черной молнией вниз, Серега прыгнул в котлован.

Он не помнил, как сграбастал в охапку мальчишку и метнулся в сторону.

Парни потом уверяли: ухнувший затем клин врезался в ту самую выемку, где несколько мгновений назад распластался, скатившись сверху, вихрастый парнишка.

Взметнувшись к небу комья и густая белая пыль скрыли на какое-то время воронку котлована.

— Ты жив, Серега? — прокричал Анисим, подбегая к обрыву. И, не дожидаясь, когда оседет едучая муть, прыгнул вниз.

Он-то и взял из рук Сереги щуплого, перепуганного насмерть мальчишку.

— Я тебя сейчас! — сказал незлобиво Анисим, ставя на ноги голопузого проказника с задрожавшей до плеч линялой грязной майке.

Чихнув раз-другой и обретя прежнюю прыть, тот вдруг бросился вон с горушки. А когда медлительный Серега вылез из котлована, мальчишки и след уже простыли.

Из кабины экскаватора выглянул перепуганный машинист:

— Живы?

— А чего ему делается, этому медведю? — усмехаясь ответил Урюпкин.— Я думал, он своими плечами яму эту всю в прах разворотит! Право слово!

Бледный Анисим укоризненно покачал головой:

— Хватит тебе скалиться!

Повеселевший экскаваторщик пошутил:

— Серега, с крестником тебя! Не спросил, как его звать?

Серега только махнул рукой. С трудом ставив с себя гимнастерку, он принялся подолгом вытирать лицо, шею.

— Да ты, шайтан, иди искупайся! У тебя и в волосах с пуд землищи и щербня,— посоветовал третий шофер.

И Серега побрел через кустарник, минуя укатанную дорогу, к разнежившейся от тепла и солнца Усе. Его слегка пошатывало.

Раздевшись, Серега постоял на сыром песке, глядя вприщур на жарко пламенеющие на той стороне горы. Натруженные, созревшие в сапогах ноги ласкали шаловливые волны.

В это время он и услышал позади себя натужное посапывание. Оглянувшись, а неподалеку стоит вихрастый мальчишка, сцепив на затылке руки.

— Это ты и есть? — спросил Серега, с любопытством, в упор разглядывая головастого, с оттопыренными ушами паренька.

— Ага, я! — охотно кивнул тот.

— Звать тебя как?

— Женькой... А тебя?

— Серегой.— Шофер усмехнулся и почесал широко развернутую, напруженную грудь.— Пойдем искупаемся, что ли?

Женька опустил руки. По-серьезному, испытующе глянул Сереге в глаза.

— А за уши меня не будешь драть?

— За уши? Да за что же?

— Ну, за это... сам знаешь за что!

— Не буду,— пообещал Серега. И вошел в речку.

Не успел он сделать и пяти шагов, как Женька, опережая его, бросился вниз головой в теплую воду. А вынырнув метрах в десяти от шофера, отфыркиваясь, пылко закричал:

— Догоняй!

Тут уж и Серега кинулся в Усу. Он плыл тяжело, саженьками, и за увертливым мальчишкой ему, пожалуй, не такто просто было угнаться.

В эту ночь Сереге не спалось. Не спалось, хотя и леграно, лег лицом к щелявой, засыпной стене, чтобы как-то избавиться от колючих, неумных насмешек подвыпившего Урюпкина.

Уже кончили чаевничать и улеглись на свои постели и немногословный Анисим, и глуховатый, в летах, бетонщик Кислов, с лицом желтым, точно репа, четвертый жилец комнаты, наконец, утихомирился и несносный Урюпкин, досыта напаясничавшись за долгий вечер, а Серега все разглядывал и разглядывал от нечего делать на скорую руку отсруганнные доски простенка.

Июньские ночи на Волге поразительно коротки, настоуженно светлы: перевалило за двенадцать, а сучки и сучочки на стене до того отчетливо были видны, что их можно было без труда пересчитать.

Сначала Серега думал о головастом Женьке, в минуту смертельной опасности так доверчиво, так по-сыновьи прильнувшего к нему тщедушным телом, потом почему-то вспомнил свое безрадостное детдомовское детство.

Сереге было лет восемь-девять, как, наверно, и этому вот мальчишке из Ермаковки, когда их детдом перекочевал из шумного, прокопченного рабочего городка в большое степное село.

Прямо за окнами длинного кирпичного корпуса — когда-то в давние времена здесь находилась графская конюшня — нежно розовело бескрайнее гречишное поле, а справа по муравчатозеленому склону упрямо карабкались в гору махонькие березки. В березовой роще на полянке стоял великан дуб, подпиравший своей кудлатой головой небо. Из-под обнажившихся корней дуба, похожих на щупальцы страшного спрута, бил

светлый журчащий ключ. Местные жители считали источник целебным.

Сережка первым среди детдомовской саранчи обнаружил в лесу прозрачный неиссякаемый ключ. Однажды он прибежал к источнику со своим дружком — пучеглазым Илюшкой. Подивясь лесному чуду, Илюшка вдруг воскликнул: «А давай, Серый, на спор: кто больше выпьет воды? По рукам?» Загорелся и Сережка: «По рукам!»

И первым подставил рот под журчащую струю. Вначале он пил с жадностью студеную светлую водицу. Потом у него заломило зубы,

по спине забегали колючие мурашки, но из боязни, как бы в споре не победил Илюшка, все глотал и глотал ледяную струю, глотал до тех пор, пока не захлебнулся.

— Ну и слабак же ты! — сказал насмешливо Илюшка. — Аж посинел весь. Вот погляди, как я буду.

Тут Илюшка наклонился к источнику. Но после первых же глотков надрывно закашлялся.

— У меня нынче чтой-то с горлом... вроде как пробку в него засунули, — схитрил пучеглазый, не глядя на дружка. — Давай в другой раз...

— Проспорил, проспорил, проспорил! — закричал Сережка. А чтобы хоть чуть-чуть согреться, принялся дико прыгать вокруг смущенного Илюшки.

Вдруг откуда ни возьмись на детдомовцев налетела стайка сельских мальчишек. Кто-то из них пронзительно завопил:

— Бей, робя, бездомовцев!

Илюшка и Сережка отчаянно защищались, но силы были неравные, и дружкам пришлось улепетывать во все лопатки под улюлюканье и свист победителей.

Перед самым детдомом ребята залезли в кусты бузины, чтобы передохнуть.

— Ладно хоть хари не раскровянили, аспиды трухлявые, — прошептал Илюшка, зализывая на руке кровотокащую царапину.

— Пусть уж лучше б синяков наставили. Они-то сойдут, а вот рубашку у меня... глянь как разорвали, — вздохнул опечаленно Сережка.

Илюшка утешил приятеля:

— Авось Самураиха пока не заметит. А ночью твою рубаху подсуну Сеньке-рыжему из соседней комнаты, а его тебе... Он, ябедник проклятуший, пусть тогда попляшет!

После обеда воспитательнице кто-то нашептал о случившейся драке в лесу. И она позвала на суд праведный сбывшихся дружков. Илюшка вскоре был отпущен с миром, а Сережке «Самураиха» строго сказала:

— Вот тебе игла, вот тебе нитки. Зашивай сам, не барин. А мы всей группой пойдем купаться на озеро.

Сережку заперли одного в комнате.

От слез, застилавших глаза, он не видел ни иглы с ниткой, ни дырищи на новой туалъденоровой рубашке, еще пахнувшей фабричной краской. Исколов в кровь пальцы, Сережка в отчаяньи бросил рубаху на пол, а сам взобрался на подоконник.

Высохли слезы, приутихла горечь обиды. А стремительные ласточки, носившиеся над полевым простором, будто нарочно развлекали невезучего мальчишку.

Распахнув настежь створки, Сережка искрошил хлебный завалыш, припрятанный в тумбочке на всякий случай и, поудобнее усевшись на подоконнике, все протягивал и протягивал руку с крошками в сторону мельтешивших вблизи ласточек. Но они, похоже, не нуждались в хлебе, охотясь рьяно за мошкаррой.

Когда же вдали, в дрожащем мареве жаркого полдня появился легкий силуэт направлявшегося к селу человека, Сережка забыл про ласточек.

По струившейся ручейком тропе, невидимой отсюда, шла женщина.

Внезапно Сережку пронзила сладостно-жуткая мысль: «А не моя ли это мама идет? Узнаю, в каком детдоме, вот и приехала за мной!»

Не помня себя от возбуждения, он перемахнул через подоконник и припустился со всех ног навстречу женщине с плетушкой. Высокая, легкая на ногу, она подходила к околице, когда разгоряченный, запыхавшийся Сережка остановился как вкопанный. Он остановился в нескольких шагах от незнакомки, поразившей его лилово-алым праздничным сарафаном.

Она тоже встала, глядя с удивлением на голлобого, босопятого мальчишку в непростиранной мешковатой майке с перекрученными плечиками и больших, до колен, трусах.

— Обознался? Думал, мама? — чуть погодя сказала женщина с доброй улыбкой на добрых губах. — Ты чей?

И тотчас признав в Сережке детдомовца, покраснела.

Моргая ресницами, страшно боясь, как бы ему не разрыдаться, Сережка попятился назад.

— Подожди, я тебе сейчас гостинец городской дам, — засуетилась женщина, нашаривая что-то рукой в корзине, но Сережка, помотав головой, сорвался с места и побежал, побежал к белешему на бугре детдому, уже ничего не видя полными слез глазами...

Вдруг с потолка дробинами посыпались на Серегу комки окаменевшей глины.

«Руки бы отсохли у тех, кто ляпал этот барак!» — подумал он сердито, возвращаясь к действительности.

Лег на спину. На койке напротив по-медвежи похрапывал Урюпкин. Он завалился на постель поверх мягкого байкового одеяла в засаленном комбинезоне и пропыленных ботинках.

«Неужели мне на роду написано всю жизнь маяться по детдомам, казармам и таким вот воюничим опостылевшим баракам? — спросил себя Серега. — Неужто у меня никогда ни своего угла не будет, ни семьи?»

В ногах, вплотную к его койке довоенного образца, местами облупившейся от краски, местами поржавевшей, стояла точь-в-точь такая же, и на ней сладко, по-младенчески посапывал тихий Анисим.

«Счастливей! — позавидовал соседу Серега. — Характер у парня покладистый, мухи не обидит. Ему не в шоферы бы идти — собачья работенка, а куда-нибудь... эдакую бы деликатную профессию подыскать, допустим, брадобрея или еще выше — официанта в ресторане. И спит Анисим всегда отменно, стоит лишь до логова добрести. Таким же вот по нраву и мой детдомовский дружок Илюшка был».

Вдруг Урюпкин озверело прокричал: «Кому говорю? Отчаливай, отчаливай, змей!»

И, как бы отвечая ему, забормотал жалобно, скороговоркой Кислов: «Померла Венедиктовна, и душу мою... зачем она... в могилу унесла?»

«Бесплатный концерт! — горько про себя усмехнулся Серега. — Анисим, а ты чего молчишь?»

А потом он сизнова думал о Женьке. Что-то сходное было в их невеселых судьбах. Не потому ли и не выходил из головы Сереги этот шустрый, большеголовый мальчонка?

Бабушка Фиса слегка поворчала. Поворчала больше по старческой привычке, подавая шатущему внуку кружку козьего молока и горбуху ржаного хлеба, когда он в сумерках, крадучись, заявился домой.

Благоразумно помалкивая, Женька в два сче-

та расправился с едой и, чмокнув бабушку в дряблую, обвисшую щеку, побежал во двор. В это лето отвоевал он себе право спать на сеновале. Сарайшко стоял в конце двора, на границе приусадебного участка.

Заслышав Женькины шаги, заблела тоненько Милка, тычась рогами в дверь.

— Не балуй! — строго сказал Женька. Чуть приоткрыв дверь, сунул Милке хлебную корку.

Как бы благодаря хозяина за лакомое угощение, коза помотала белой — клинышком — бородой.

— Сластина,— теперь уж добродушнее пробурчал Женька, запирая дверь на засов.

По крутой лесенке поднявшись на сеновал, он ползком добрался до постели. И, не долго раздумывая, укрылся с головой дубленой шубой, пахнущей самой малостью квасной кисличкой.

Уснул Женька сразу же, едва коснулся головой жесткой подушки. Сновидения беспокоили его не часто, ночь пролетала точно один миг, и каждое утро бабушке Фисе стоило большого труда докричаться до Женьки.

Случалось, выйдя из себя, она поднимала с земли чурку или старую калашу — что попадет под руку,— и бросала в дранковую крышу сарая.

— Христос милосердный! — призывала старая на помощь бога.— И за какие грехи наказал ты меня таким лежебоким внуком!

Но в это утро Женьку разбудила не бабушка Фиса, а молодой котикша Дымок, вернувшийся после ночного бродяжничества. Дымок подлез под шубу и, преданно мурлыча, принялся старательно лизать Женьке подбородок.

— А ну тебя, Саньк! — забормотал Женька.— Отстань же, кому говорю!

Тут Женька очнулся. Сбросив с головы полу жаркой шубы, он увидел, к своему удивлению, пушистого шельмеца, щурящего умильно огненно-зеленые глазки.

— У-у, бессовестный! — заворчал Женька, отталкивая от себя кота.— Нет, чтобы в ногах скромненько притулиться, он лизаться лезет!

Смущенный Дымок попятился, юркнул под шубу. Немного погодя он и на самом деле покорно свернулся клубком в ногах у хозяина.

А Женька, подложив руки под белесую свою голову, принялся глядеть на струившийся сквозь дырявую крышу веселый солнечный лучик.

«И приснилось же такое: будто Санька Жадин с мировой ко мне лез,— подумал Женька.— Да только дудки! Я с ним мириться не буду. Ни за какие монеты! Он теперь будет знать, как задираться.— Крупные Женькины губы растянулись в улыбке до самых ушей.— И трусливые Санькины приятели хвосты подожмут. Ну, а если еще сунутся, за меня Серега заступится. Шофер вон какой здоровущий. Мускулы на руках горой выпирают. Увидел корягу у берега — илом и песком ее подзанесло — увидел Серега коряжищу, поднатужился, и как рванет ее из воды! А потом над головой поднял — в коряге, поди, пудиков десять было, и на берег выбросил. Вот он какой, Серега! Он как даст, как даст... целый полк Санек в Усе утопит! Ему это все равно что раз плюнуть.— Женька снова заулыбался.— После купанья вчера Серега со мной за руку прощался. На той неделе уговорились рыбалить с ночевкой смататься. На Гаврилову косу. Чай, дед Фома одолжит лодку, не пожадничает».

Женька почесал искусанную комарами шею

(вот, злыдни, неужто они под шубу ночью забрались?). Потом повернулся на бок, лягнул нечаянно Дымка, и тот недовольно мякнул.

— Я тебя, нежное созданье! — огрызнулся Женька на кота.

Потянулся было, чтобы схватить Дымка за жирный загривок, да напала лень.

Неподалеку от подушки, по вздыбившейся торчком травинке ползла вверх божья коровка. Взгромоздившись на самую макушку хрупкого стебля, божья коровка приподняла красные в черных точках лакированные надкрылья, собираясь куда-то лететь.

«Обожди! — попросил Женька букашку.— Куда торопишься, утро только начинается».

И крохотная эта букашка послушалась мальчишку — не улетела. Сложив яркие свои надкрылья, она замерла на макушке стебля, поводя туда-сюда еле приметными усиками-антеннами.

«Надо же! — подивился Женька.— Малая козьявка, а на тебе — соображает! Мозгов нет, а соображает! А вот если б у человека вынули из головы мозги, как он? Обошелся бы без них? Когда бабушка сердается, она меня все так корит: «Эх ты, безмозглая твоя головушка! О чем ты думал?»

Тут Женька вспомнил, что вчера привезли из соседнего совхоза старые рваные мешки в починку, и сегодня бабушка собиралась их стирать. Хотя совхозное начальство и скупилось, платя гривенник за выстиранный и залатанный мешок, а что оставалось делать? Сам он, Женька, и копейки еще не зарабатывал, а пенсию от колхоза бабушка получала мизерную. В месяц на нее двоим не прожить.

— «Хватит валять дурака, пора вставать да воду из колодца чалить,— упрекнул себя Женька.— Эти проклятущие мешки до того всегда грязны, на них водищи не напасешься. Ведер пятьдесят, а то и больше уйдет!»

Тут он рывком отбросил в сторону шубу, перекувырнулся через голову, раза три перекувырнулся на мягко пружинящем сене, распугав голубей, мирно ворковавших под застрехой.

На землю Женька спустился в один миг. Так же вмиг он проскакал на одной ноге и расстояние от сарая до избы.

Бабушка Фиса возилась у печки, разжигая лучинку для самовара. Рядом с прозеленевшим от времени бокастым самоваром валялась на боку плетушка, а вокруг сосновые шишки.

— Доброе утро, ба! — пробормотал скороговоркой Женька. Присел на корточки и принялся собирать рассыпанные по полу крупные ощерившиеся шишки.

— Ай, яй, яй! — протянула удивленно старая.— На чем же нам зарубку сделать? На матице, что ли?

— Какую зарубку? — не понял Женька.

— Да как же! — продолжала напевно, с улыбкой, бабушка.— В кои-то веки золотой-перламутровый мой внучек сам встать соизволил. И звать-будить не пришлось!

— Ладно тебе, ба, причитать как по покойнику,— поморщился Женька, не поднимая головы.

— А похороны-то, слышко, не за горами были,— сказала старая, отходя к окну. Самовар теперь весело гудел от занявшихся дружно в его нутре светлым пламенем сухих смолчих шишек.— Люди сказывают, еще бы один секунд промедления, и от твоего кормилица, Анфиса Андреевна, ничего бы не осталось и в помине.

Пригорюнилась, печально завздыхалась.
Страшась бабушкиных слез — у нее теперь глаза частенько на мокром месте были,— Женька с досадой проговорил:

— Ни свет ни заря, а уж набухвостил тебе кто-то! Слушай всех, набрешут всякое... целый воз и маленькую тележку.

Бабушка махнула сухонькой рукой, отвернувшись.

А Женька, чтобы увильнуть от неприятного разговора, сунув в подпечек корзину с шишками, воровато выскользнул в дверь. Из сеней он прокричал:

— Ба, пока самовар то да сё, пойду воды в бочку потаскаю!

«Кто натрезвонил старой? Кто? — возмущенно гадал Женька, направляясь с бренчащими ведрами к колодцу в конце улицы.— Кроме Сеньки и его шати... кому же еще? Они, наверно, раззвонили по всей Ермаковке. Да еще приукрасили!»

Было бы удобнее и легче носить ведра с водой на коромысле. Об этом Женьке и бабушка Фиса не раз говорила. Но он и слушать не хотел.

— Не мужское дело с разными коромыслами возжаться,— кривил он губы.— Пусть девочки и прочий женский пол... им сподручнее!

До завтрака Женька вылил в бочку, стоявшую позади избы, у куста радостно-улыбчивой калины, ведер двенадцать. А когда заглянул в ее сумрачное нутро, дышащее в лицо старым замком дубом, то чуть не ахнул от огорчения.

— Ну и утроба! — присвистнул Женька, вытирая липкую испарину со лба.— До самого вечера таскать мне не перетаскать.

После завтрака на скорую руку он снова отправился к колодцу с огромным скрипуче-визгливым колесом. На лужайке перед своим домом играли в «ножички» братья Хопровы.

— А такое, Миня, видел? А? — азартно выкрикнул Гринька.

И с ловкостью циркача, картинно приставив перочинный нож острием к подбородку, бросил его так, что тот, перевернувшись в воздухе, воткнулся в землю чуть ли не до половины блестящего лезвия.

Если б года два назад, а может, и все три, Гринька не упал с осокоря на Усе, отделавшись легкими ушибами и глубокой ссадиной на виске, протянувшейся бруснично-пунцовым ремешком наискосок от грязно-пегих жестких волос к надбровью, братьев Хопровых было бы нелегко отличить друг от друга не только посторонним, но даже и матери. Оба лобастые. Оба беловекие. Оба приземистые крепьши одного роста.

Поравнявшись с братьями, Женька отавернулся. Возвращаясь от колодца с полными ведрами воды — холодно-прозрачной, прямо-таки родниковой, он старался идти по самой середине просторной улицы, и тоже не смотрел на Хопровых. Куры, зарывшись в дорожную пыль, блаженно квохтали, нисколечко не боясь проходившего рядом Женьки.

Когда Женька опять направился к колодцу, Минька и Гринька уже затеяли борьбу. Наскакивая друг на друга как драчливые перволетчикочетки, они подзадоривали себя:

— Слабоват, брат!

— Нет, это ты, Гринь, мало каши ел!

— Вот положу на обе лопатки...

— А... а такое видел?

Хопровы прыгали на самой дороге, поднимая

облака удушливо-теплой пыли. Куры, громко негодуюя, разбегались в разные стороны.

«Хряки краснорожие!» — выругался про себя Женька, обходя братьев.

Вдруг Минька, увернувшись от Гриньки, отскочил в сторону и чуть не вышиб из рук Женьки ведро.

Не успел Женька огрызнуться, как Гринька, щерясь в улыбке, сказал так, будто они и не были вчера врагами:

— Женьк, глянь-ка на Миньку! Крепко его Санька облобызал? Кулаком под самый глаз!

Женька намеревался пройти мимо, но мстительное любопытство взяло верх, и он поднял от земли взгляд.

Под левым глазом у Миньки и правда красовался багровым тавром здоровенный синяк.

— Это вчера его Санька, когда мы со стройки домой вертались,— продолжал словоохотливо Гринька.— Я, говорит, Минь, так пламенно в тебя втрескался...

— Хватит накручивать, вруша! — перебил брата Минька.— Он тебя собирался по морде съездить, да я заступился.

— Заступи-и-лся!

— Из-за чего не поладили с Санькой? — вырвалось у Женьки как-то помимо воли.

Гринька замялся, прикидывая, стоит ли говорить правду, а Минька, не умея скрытничать, выпалил без утайки:

— Санька обещал новый крючок с блесной, если мы пойдем с ним и Петькой...

— Меня бить, да? — подсказал Женька.

Кивнув, Минька продолжал:

— А когда ты свалился в котлован, а мы бросились назад... Ну, идем, значит, в Ермаковку, я и говорю Саньке: «Давай обещанный крючок с блесной». А тот кукиш показывает: «А этого не хочешь? За какое геройство я вам крючок с блесной выложу?»

Женька усмехнулся:

— Не зря сказал я вечер на Усе, что вы продались Саньке!

Взмахнув пустыми ведрами, он собрался уходить, но тут его поймал за руку Гринька.

— Мы теперь с этим Жадиным не водимся.

— В жизни не будем водиться! — подтвердил и Минька.— А знаешь, Женьк, на залильном огороде у нас... Знаешь, что мы там нашли?

Минька сделал большие глаза.

— Ну? — поторопил Женька.

Перебивая друг друга, братья заговорили оба сразу:

— Нору!

— Крысиную нору!

— Водяной крысы. Хочешь, вместе пойдем?

— Ее, вражину, расшибись, а надо поймать.

А то, тятя говорит, спасу никакого не будет от отравы.

— Тоже мне невидаль — крыса! — как можно равнодушнее протянул Женька, хотя предложение братьев Хопровых было куда заманчивее его скучной, однообразной работы.

— Такой крысы — лопни мои глаза! — ты не видел,— убежденно выпалил Гринька.— Нора во-о какая. Прямо барсучья.

— Махнем, Женька? Втроем мы с крысой в момент расправимся,— не отставал и Минька.— А потом поиграем.

Женька раздумчиво почесал затылок. И все с тем же притворным безразличием сказал:

— Ей-ей, что-то нет охоты,

Чуть помолчав, прибавил, кивая на ведро:

— Да и время не подходящее. Воды бочку — тресни, а натаскай. Бабушка стирку затеяла.

Братья переглянулись:

— А у нас ведер нет? Чай, подмогнем!

— Мы мигом! Сбегаем за ведрами и мигом натаскаем твою бочку!

Женька намеревался отказаться от помощи братьев Хопровых, но не успел и слова вымолвить. Минька и Гринька, обгоняя друг друга, рысью помчались к себе во двор.

В одной руке у Сереги бутерброд с колбасой, в другой — эмалированная кружка с чаем, а на коленях толстая растрепанная книга. Книгу эту без начала и конца он выпросил у бетонщика Кислова. И вот уже который вечер зачитывается описанием рискованных походов отважных, никогда не унывающих мушкетеров.

Напротив Сереги за шатким столиком ужинал не спеша, основательно Анисим. Прикончив миску вареной в мундире картошки, он аппетитно тянул теперь из такой же, как у Сереги, кружки крутой кипяток, изредка бросая в рот стеклянные карамельки-подушечки. Обжигался, фыр-кал, хмуря блаженно васьковые, не омраченные невзгодами, глаза.

— Серега, — уже в третий раз окликнул Анисим товарища по комнате. — У тебя, чумной, крайницы ледяные в кружке выросли! Но Серега и ухом не повел.

— Почаевничал бы со вкусом, а потом баловался бы книжкой, — ворчал осуждающе Анисим, отрезая от пышной булки внушительный ломоть. — Ни малейшего проку организму человеческой личности от этой рассеянной еды. Напрасный перевод пищи.

Бетонщик Кислов, отдохавший на койке после ужина — он раньше других вылез из-за стола, — спросил Анисима, приставляя ладонь к уху:

— Чего ты все долдонил?

— Лежи себе, глухарь! — отмахнулся Анисим от Кислова. Отпив из кружки, продолжал все так же рассудительно: — А по мне, эти книги... какая от них конкретная польза? Никакой! Газеты там — туда-сюда. В газетине про всякие новости мирового кругосветного масштаба можно прочесть. Или происшествия. Да только не часто происшествиями нас балуют.

Анисим вновь наполнил кипяток кружку, вытер полотенцем отросчески малиновое — колесом — лицо. И лишь собрался спросить Кислова, много ли у того в объемистом чемодане еще всяких романов, как дверь резко распахнулась, и на пороге появился Урюпкин — черномазый дикоглазый красавец с нервными тонкими губами.

— Там грамотея нашего спрашивают, — сказал он зычно и ухмыльнулся.

— Кого надо? — переспросил Кислов.

— Па-авторяю: ученого мужа... какой-то паценок вызывает!

Анисим подошел к койке Сереги, потряс его за плечо.

Серега поднял на Анисима глаза — всегда затененные пушистыми ресницами.

— К тебе кто-то пришел, — сказал Анисим.

Положив на кровать книгу, а кружку сунув на стол, Серега, дожевывая бутерброд на ходу, направился к двери, не замечая кривляний Урюпкина, отдающего ему честь.

По узкому коридору, полутемному даже днем, шофер шагал по-солдатски размашисто.

На лавочке у входа сидел, болтая грязными босыми ногами, Женька.

Завидев показавшегося в дверном проеме Серегу, он прыгнул на землю и сказал не бойко, но и не боязливо:

— Здравствуй!

Женька обещался забежать в общежитие к шоферу к концу недели, а вот нате вам — прискакал раньше.

— Привет, — кивнул Серега, хмуря слегка брови — больше от смущения и радости: нашлась же на свете хоть одна живая душа, которой он стал нужен!

— Я... я не помешал? — тоже тушуясь вдруг, проговорил с запинкой Женька.

— Не-е, — протянул Серега. И спросил ни с того ни с сего: — Есть хочешь?

Пунцовая, Женька решительно затряс головой.

— Я показать что-то тебе хочу.

— Тогда пошли в нашу халупу.

Женька вновь мотнул головой.

— Лучше... пойдём куда-нибудь.

Помешкав чуть, Серега сказал:

— Обожди тогда минутку. Я сейчас.

И скрылся в дверях. Женьке слышно было, как тяжёлый на ногу Серега шлепал по хлябающим половицам сумрачного коридора.

Когда немного погодя Серега вышел из барака с газетным свертком в руке, они, не сговариваясь, зашагали по пыльной, разбитой грузовиками дороге. Барак этот, на скорую руку сооруженный под общежитие для строителей, стоял при дороге — между Ермаковкой и возводимыми корпусами санатория.

Вначале и Серега, и Женька чувствовали себя как-то неловко. После происшествия в котловане это была всего-навсего вторая в их жизни встреча — взрослого и мальчишки, совсем еще недавно даже не подозревавших о существовании друг друга.

Первым нарушил смущающее молчание Женька. Легонько потянув Серегу за рукав клетчатой рубашки, он сказал:

— Пойдем лучше через Галкин колок. А то по дороге скучно как-то.

— А куда? — спросил шофер.

— Махнем давай... знаешь куда? К Ермакову ерику. Там Уса не такая, как тут.

Оживляясь, Женька сбежал с дороги на чудосочный пропыленный мятлик.

— Я тебе сейчас дуб старый покажу. Его молния обожгла. А на вершинке гнездо коршуна. Да вот как санаторий тут заладили, коршун бросил гнездо. Наверно, в горы подался.

— А почему лесок Галкиным прозывается? — поинтересовался Серега.

У Женьки смешно наморщилась переносица. Сбросив со лба сивую прядку, обгоревшую на благодатно жарком волжском солнышке, он небрежно зачистил:

— Девка одна в Ермаковке была... Галина. Заневестилась, и уж, кажись, даже просватали ее за Усольского избача, да война тут грянула. Погиб на фронте Галкин жених, а она после того заговариваться стала. А потом совсем ума лишилась. Все по этому колку ночами плутала и его, своего Валерку, звала. Потому как они оба здесь раньше миловались. Бродила, бродила Галка по березнячку, а осенью взяла и повесилась на березе... Так бабы наши судачат.

И сразу же, без перехода, Женька весело выпалил:

— Ястребок! Гляди, гляди, как он за вороной истребителем мчится. Да вправо смотри, куда ты уставишься?

К березовому колку летела всклокоченная обезумевшая ворона, отчаянно махая крыльями, а ей наперерез стремительно неслась большая светло-голубая птица.

Серега и Женька остановились, следя заходом неравного поединка.

Казалось, миг, еще миг — и острые сильные когти ястреба вонзятся хищно в свою добычу.

И тут случилось непредвиденное. Ворона нырнула в стоявший на опушке ветхий шалашик с почерневшей соломой. А ястребок, распутив упругие свои крылья, с той же стремительностью пропарил совсем низко над шалахом.

Тут Серега, придя в себя, схватил из-под ног гладкий увесистый голыш. И, разбежавшись, запустил его в ястреба.

— Я тебя, бандюга!

Хищник невозмутимо и царственно взмыл ввысь, нестерпимо поблескивая в лучах солнца кипенно-белыми подкрыльями.

— Ну, и хитрющая! Даром что ворона! Оставила с носом ястреба! — засмеялся от души Женька, глядя из-под руки на величаво парившую в поднебесье одинокую птицу.

А потом, спохватившись, поддернул штаны и припустился бегом к унылому шалашику. Но пока Женька бежал к опушке, ворона, придя в себя, выпорхнула из шалаша и скрылась в березняке.

Поджидая шагавшего к нему Серегу, любопытный Женька не поленился заглянуть в заброшенный шалаш с нависшей над лазом ломкой соломой.

Не обнаружив в шалаше ничего мало-мальски примечательного, он подхватил валявшийся рядом тонкий гибкий прут. Вообразив себя гарцующим на горячем скакуне чапаевцем, Женька принялся размахивать направо и налево острой своей «сабелькой», поражая насмерть ненавистного «врага».

Не часто в последнее время у Женьки было такое приподнято-резвое настроение, когда даже сам не знаешь, чего тебе хочется! Парить ли вольной птицей в беспредельно голубом небесном океане? Или нестись на быстрой «Ракете» по Усе и Волге? А может, прижать к своей груди и кудрявый звенящий от солнечных бликов березовый колок, и синеющие на той стороне Жигулевские горы, и родную Ермаковку, где ему, Женьке, неумолимая судьба взвалила на неокрепшие еще плечи непомерно тяжкие испытания?

— И от тебя улинула ворона? — улыбнулся, подходя к Женьке, Серега.

— А ну, прямо! — Женька пренебрежительно мотнул головой и как-то нечаянно, совсем незаметно для себя, взял шофера за руку. Два-три года назад он до слез завидовал своим сверстникам, шагавшим по Ермаковке рука об руку с отцами. — Я тебе сейчас... верно-наверно... такое покажу! — добавил Женька, увлекая за собой шофера.

— Ну, покажи! — опять улыбнулся Серега, добрая сердцем. Брести с этим непоседливым, говорливым мальчишкой, сжимать в своей огурбелой пятерне его руку — такую до смешного малую, было на диво легко и весело.

И вот они в Галкином колке, насквозь просвеченном совсем уже низким, и совсем уже кроваво-кумачовым солнцем. Шагали и шагали между призадумавшимися к ночи березками, минуя пригорки и буераки, тучные от цветов и трав, кое-где доходивших даже Сереге до пояса.

На другом конце колка, в сухом вечернем тепле, колдовала загадочно и печально вечная бездомница кукушка, а в сырелесье комариного овражка пробовал сладчайший свой голос соловей.

Пока брели до Ермакова ерика, Женька показал Сереге не только одряхлевший дуб, когда-то опаленный молнией, с грустно чернеющим на его вершине никому-то не нужным теперь гнездом грозного коршуна, но и хомякову нору под корнем пошатнувшегося осокоря, и грибную полянку, где в середине лета можно насобирать целую плетушку крепеньких маслят. Не забыл.

Женька подвести Серегу и к зарослям дикой малины, обдав их дурманяще-медовым духом.

— Этой ягоды тут каждый год... ешь не хочу! — говорил с жаром Женька, стараясь как можно с лучшей стороны показать приезжему свои родные места.— А на Гавриловой косе... на Гавриловой косе ежевики урево родится. Сам увидишь, когда рыбалить отправимся.

В одном месте над тропкой дугой нависла тонюсенькая березка.

— Здорово согнулась? — сказал Женька.— А ежели туда вон в сторону податься... к такой же осинке выйдем.

— Отчего они гнутся? — спросил шофер.— От снега?

Чуть помешкав, Женька смущенно, с улыбкой промолвил:

— Бабушка говорит: лешата потешаются ночью. Ухватятся за макушку молодого деревца и раскачиваются в свое удовольствие! Что тебе на качелях!

— Какие лешата? — ничего не понял Серега. Конфузясь еще больше и уже краснея, Женька пояснил:

— Детки лешего... или черта. Все по-разному называют рогаато.

Серега засмеялся.

— Ну, уж это она загнула, бабушка твоя! — Старая,— примирительно вздохнул Женька.— Она и в бога и в черта верит. Вертятся космонавты вокруг шарика, а баба Фиса Николучудотворца просит даровать им благополучное возвращение на землю. А когда молодые годы станут вспоминать, ну, скажем, про то, как к ней муж ее первый после смерти в глухую полночь прилетал, жуть даже берет.

— Галлюцинации у нее тогда были,— пояснил Серега.

— Ага, галлюцинации,— охотно согласился Женька.

— Выдумщица она, видать, у тебя,— покрутил головой Серега все с той же доброй усмешкой.— Мастерца сказки придумывать.

Они сидели над самым обрывом. А внизу кипела, колобродила суводь, штопором закручивая мутную, в бездонных яминах воду. Сорвись нечаянно с бугра — глинистого, в осклизлых трещинах,— и поминай, как тебя звали. Не мало было случаев, когда тонули здесь даже лихие, удалые головы. Родители всегда стращают ребятшек Ермаковым ериком.

Но Женька не из пугливых, и уж не раз нырял с обрыва. А сейчас рядом с ним Серега. И уплетая за обе щеки колбасу и непропеченный сельповский хлеб, он беспечно поглядывал на дрожащий, точно в ознобе, куст вербовника, каким-то чудом прилепившийся к самому подножью яра.

— Экая вку-усняющая колбаса,— сказал Женька с придыханием, отправляя в рот последний кусочек.— Баба Фиса обещала: «Получу за мешки денежки, разорюсь, внучек, а уж колбаски тебе куплю. Тут и матери будет година».

Помолчав, добавил:

— Может, и вправду купит.

Серега, от нечего делать вырезавший острым перочинным ножиком замысловатый кружевной узор на вязовой палке, сбоку глянул на Женьку:

— А давно она у тебя, мать-то...

— Два года через месяц будет. Он ей, вар-

нак каторжный, все печенки отбил, когда заявился раз пьяным ночью. А мы с бабой Фисой к соседям убежали. Он и нас грозился задушить. Наутро маму в больницу отвезли, а его арестовали. И к тюрьме присудили.

Женька собрал с колен хлебные крошки, бросил их в рот и тыльной стороной руки вытер губы. Вздохнул:

— Бабу Фису бессердечной каргой зовут.

— За что же? — поколебавшись, спросил Серега.

— Как за что? Мама долго болела, а когда померла, он, Тихон-варнак, бабушке письмецо прислал: «Попроси,— говорит,— маманя, начальство: нас, мол, теперь — и старого и малого — некому поить-кормить. Освободите сына из заключения, он единственная наша опора».— Женька нахмурился и не по-детски зло сплюнул сквозь зубы под яр.— Одиннадцать лет колобродил по свету, ни слуху ни духу не было, ни про мать свою, ни про жену ни разочка не вспомнил. Ну, и мама моя за другого вышла, за моего отца. Да только через год после моего рождения погиб мой папа. Вертался по осени с рыбалки, а на Волге штормище разыгрался — света вольного не видно. Лодку у него волной перевернуло, а до берега далече было. В тот ураган еще двое рыбаков утонуло из соседней Климовки. Волга, она кого любит, а кого — губит.— Помолчав, продолжал: — Варнак Тихон как появился в Ермаковку, так первым делом маму отдубасил. За то, что верность ему не блюла, с другим сошлась. И меня с ним прижила. Он нас всех колотил... и бабушку тоже. Она, баба Фиса, мою маму любила, даром что свекровью ей доводилась. А родному сыночку она так отписала в тюрьму: «Нет и нет, не проси и не моли. Не будет тебе от меня никакого прощенья до самой гробовой доски. И ты мне, кровопивец, больше не сын!» Наши кумушки и прозвали теперь бабушку поломной старухой с каменным сердцем. А меня... а меня крапивником дразнят. Даже от иных мальчишек проходу нет. Будто мой папа... стыдно даже сказать, кем он будто маме был.

Надолго приумолк Женька. Кажется, за всю свою небольшую жизнь впервые он так разоткровенничался, нараспашку открыл свою душу стороннему человеку.

Молчал и Серега. И сызнав ему подумалось, как и в тот вечер, после смертельно опасной встречи с Женькой в котловане, что судьба ни того, ни другого из них пока еще не баловала. У того и у другого за плечами сиротское, неприласканное детство. Тот и другой чувствовали себя в этом большом мире одинокими.

Вдруг Женька достал из глубокого кармана стареньких заплатаанных штанов, где он хранил самые бесценные свои сокровища, небольшой сверточек. Покосившись на Серегу, еле слышно промолвил:

— Хочешь, я тебе покажу... только чтобы ни-ни... ни словечка никому! Хочешь?

Задерживая вздох и с радостью дивясь мальчишеской отходчивости, Серега кивнул:

— Псхажки.

— Но ты правда... не проболтаешься?

— Ни-ни!

— Честно-расчестно?

— Честно-расчестно!

Подозрительно оглядевшись вокруг, Женька плотнее придвинулся к шоферу. Развернул осторожно чистую тряпицу.

— Руками, смотри, не вздумай прикасаться. На его ладони лежал пористый камешек — пепельно-зеленый, с еле приметными прожилками купороса.

Уставясь на Серегу лучисто жгучими глазами, Женька таинственным голосом спросил:

— Угадал... что это за камень?

Серега пожал плечами.

— Никогда не приходилось видеть такой диковины.

— То-то же мне! — торжествовал счастливый Женька. — Лунный. Настоящий лунный камень!

— Лунный? — как можно серьезнее переспросил шофер, за мохнатыми ресницами тая ласковую улыбку.

— Верно-наверно! Но не пытайся спрашивать, как он у меня очутился. — Женька приставил к Серегину уху губы: — Большая тайна! Пока об этом никто не должен знать!

Тот понимающе кивнул, а Женька тем временем принял с предосторожностями завертывать удивительный этот камешек в дырявую тряпицу.

Немного погодя Серега спросил:

— Ты в какой класс перешел?

— В шестой еле перепопс.

— Отчего ж так?

— И сам не знаю. Учительница говорит: ленью.

— А книги любишь читать?

Помолчав, Женька невзасело проговорил:

— Не больно-то. Да и книжки наша школьная библиотекаря все скучные под нос сует. То про дружбу мальчика с девочкой... Как он ей портфель до самого дома носит, а она... а она ему задачки помогает решать. Или какую-нибудь книжку о перевоспитании хулигана. Наваливаются на него всем классом, и он к концу книжки непременно отличником становится. Гордостью школы! А спроси «Последнего из могикиан», всегда один ответ: «На руках. Запишись на очередь». Записался прошлой осенью и до сих пор не получил. Очередь дойдет, наверно, когда у меня борода вырастет.

И Женька рассмеялся своей шутке. Оживляясь, он продолжал:

— У нас прошлым летом новая агрономша стояла на квартире. Месяц какой-то. И дала мне одну книжку. Про Магеллана. Не читал?

— Нет.

— Вот это книга, так книга! Про великого путешественника. Он, этот Магеллан, с целой армадой парусников кругосветное плавание совершил. Самое-самое первое в истории! И знаешь, когда? В одна тысяча пятьсот... уж точно не помню сейчас. Чуть не четыре года плывал. И бунты случались на кораблях, и голодали... Столько всего натерпелись моряки, зато весь свет повидали, новые земли и проливы разные открыли. Ты прочти, я у нее, у Таисии Сергеевны, попрошу для тебя эту книгу.

— Спроси, — кивнул Серега. — А я сейчас про трех мушкетеров читаю. Тоже занятная. У нашего бетонщика Кислова взял. Прочту, тоже для тебя попрошу. Скупущий, правда, этот Кислов, дрожит над своими книжками, да я уломаю его.

12

И снова они долго молчали, теперь уже тесно прижавшись друг к другу. Никогда еще после смерти матери на душе у Женьки не было так отраднo.

Хороша Уса в разгар пылающего лета, хо-роши и лесистые глухие отроги на той стороне. На ветельник позади Сереги и Женьки, на береговой обрыв и даже на неспокойную в этом месте позеленевшую Усу легли тяжелые вечерние тени, а вершины Жигулей все еще холили последние — беспокойно шарящие — нежаркие лучи уходящего на покой солнца, так притомившегося за долгий-долгий день.

Вывернувшуюся из-за Гавриловой косы бударку — легкую рыбацкую лодчонку, — черную от густо просмоленных бортов, первым заметил Женька.

Он пристально глянул раз, еще раз на бесшумно скользившую посудину и наконец сказал:

— Похоже, неугомонный Фома с уловом вертается.

Поймав на себе вопросительный взгляд Сереги, добавил:

— Дед один, наш сосед. За семьдесят старому, а рыбака удачливее во всей округе не сыщешь. Баба Фиса все пророчит: «Фома Митрич и до ста дотянет. Он весь насквозь, до последней косточки прокопченный. И зуба ни одного вставного не имеет».

Стоило бударке, обогнув острое песчаной косы, устремиться наперерез реки к этому берегу, как Женька, приставив к губам рупором сложенные руки, протяжно и голосисто прокричал:

— Де-еда-а Фо-ома-а!

А когда старик помахал шапкой, Женька снова — уже весело-задорно — прогорланил:

— Сю-уда, сю-уда правь!

Ниже обрыва раскинулась широкая удобная бухточка, в нее и завернула увертливая бударка, врезавшись в песок острым носом.

— Честной компании! — басовито прогудел Фома, молодцевато спрыгнув на отлогий берег.

Могуч и крепок был этот статный бывалый волгарь. Думалось, не властны над ним годы. И веяло от него завидным здоровьем: забористой махрой, деготьком от сапог, живой рыбой, речным зноем, дымком от костра.

— Зорюете? — спросил он, помолчав. — Для приезжего человека — со стройки, чай? — у нас тут особливо хорошо.

— Да, — смущенно промолвил Серега. — Ваша правда: душа тут отдыхает.

— Одно страшусь: построят дыхательную эту санаторию, и крышка придет нашей благодати. Верное слово говорю! Гидрострой-то на Волге... эко и напортил тут. Заливные луга наши на весь плес славилась. И колхозный, и свой скот, бывало, на всю зимушку отменной травой обеспечивали, а когда море повсеместно разлилось, затопило сенокосные угодья, и остались мы на ефесе, ножки свеса. И рыба тоже... перевелась на средней Волге рыба. Вот лишь на Усе мелко-той разной балуемся.

Фома достал из кармана брезентовых штанов кисет из сыромятной кожи, скрутил сигарку и протянул кисет Сереге.

— Дыми.

Присели на бесцветно-тусклый в этот час остывающий песок. Скупко погладив Женьку по вздыбленным, непокорным вихрам ладонью — широко, с желваковатыми длинными пальцами, — дед снова прогудел:

— А ты, быстроногий, уж новым знакомством обзавелся?

Краснея почему-то, Женька пригнул голову.

— Евгений, соколик наш, правильным растет

человеком. Весь в мать-заботницу пошел. Та куска чужого в жизни не прикарманила. И правду любому в глаза резала.

Обращаясь к шоферу, Фома прибавил:

— Иные наши ермаковцы: выгоду норуют от стройки заполучить. Кто там лешишко тягает, кто кирпичишко, а кто и на грузовиках норовит по хозяйственной своей надобности туда-сюда смататься.

По обветренному, жгуче-кирпичному лицу Фомы в окладистой сиво-рыжей бороде скользнула презрительная усмешка.

— Но, само собой, не все такие. Тот же наш Евгений...

Пуще прежнего алая, Женька умоляюще протянул:

— Деда Фома, ну... ну не надо.

— Помолчи, когда старшие гуторят. Есть у нас в деревне хомяки-хапуги Жадины. Один ваш шофер — усатый такой — Жадиным этим самым кирпичу со стройки задарма привез по ночному времени. А Евгений наш возьми да прорабу про то намеки. Так Санька — младший Жадин — решил проучить ходатая за правду.

— А какой толк от моих слов? — не вытерпев, взорвался Женька. — Никакого! Мне нынче Минька и Гринька Хопровы шепнули: этот самый прораб со стройки вчерась у Жадиных гостевал до полночи. И курочкой жареной ублажали, и рыбкой копченой, и, само собой, горькой за

белой головкой. От всякой снеди, слышь, стол ломился!

Крякнул бывалый рыбак.

— Жареной курочки у меня не предвидится, согревательной тоже нет, а вот ущицей... ущицей из живой рыбы могу попотчевать. Малость поймал за Шоркиным буераком. Даже соменка заарканил. — И не дав сказать никому и слова, Фома распорядился: — Беги, Евгений, за сухим валежником для костерка, а ты, добрый человек — как тебя звать-величать прикажешь?.. Ну, а ты, Серега, рогульки осиновые для котла готовь. Сварим ущицу — на воле она ох какая сладкая, и Ермака Тимофеевича помянем. Он, атаман — вольная душа, покоритель Сибири, любил, балакают, в этом ереке со своей отчаянной ватажкой пировать-гулять опосля удачной добычи. И кумачом дорогим поляну эту разукрашивать приказывал. Широкой натуре и государственной умственности был грозный атаман!

Женька еще помнил, как мать частенько говаривала, бывало, про свою свекровь, говаривала с ласковой застенчивостью:

— У нашей мамыши до чего же легкая рука! Ткнет в землю прут, а по весне глянешь ненароком, а прутик-то ожил: усики пустил! Или, к слову, уродится плохонький козленок. Думаешь: «Не жилец». А мамаша с недельку на особицу попоит

хилого парным молоком, пошепчет ему на ушко всякие задушевные слова, и уж носится глупыш по двору! Истинное слово!

Да и сам Женька знал, какая у бабушки Фисы «легкая рука».

Как-то прошлым летом дед Фома порану перевез бабушку с внуком на своей легкой бударке на Гаврилову косу. Самая пора подспела собирать ежевику.

Вошла бабушка Фиса в ежевичник и ахнула. Все кусты сверху донизу были осыпаны крупными спелыми ягодами, слегка подернутыми дымчато-сизым налетом.

— Казистая ягодка! — умильно воскликнула старая, осторожно поднимая тяжелую плеть, поблескивающую холодной росой. — Эдакого преобилия да-авно не помню.

Задолго до полудня они вдвоем насобирали ежевики три большие корзины (одна предназначалась в дар Фоме). А потом, перекусив, отдыхали на берегу, поджидая лодку.

Бабушка прикорнула в тени осокоря, а Женька в свое удовольствие плавал, нырял, ловил майкой увертливых мальков в застругах с ленивой стоячей водой. А когда выскочил на берег, до черноты лиловый, весь в крупных гусиных мурашках, то порезал об осколок бутылочного стекла большой палец на правой ноге. Из глубокой раны забила алая кровь.

— Ба-а, — взревел Женька, прыгая на здоровой ноге. — Смотри-ка, я порезался!

Очнувшись от дремы, бабушка Фиса спокойной проговорила:

— Сядь и зажми рану пальцами. А я сей момент...

Охая, она поднялась с земли и засеменила к заводу с высоким камышом.

Вернулась бабушка с гибкой камышинкой. Промыв водой рану на ноге внука, она ободрала с камышинки кожицу и приложила к все еще кровоточащему порезу белоснежную, ровно вата, мягкую сердцевину. И туго обвязала ногу своим головным платком.

— Не хнычь, ты ведь у меня мужик, — сказала бабушка. — К вечеру, стрикулист, бегать зачнешь.

Рану и вправду затянуло за день...

Стоило старой выйти поутру на крыльцо с клошкой месива, как ее тотчас окружали куры и цыплята. А иной петушишко даже на плечо взлетит и, хорохорясь, прокукарекает хрипло, совсем еще несноровисто.

Не боялись бабушку Фису и выпавший из гнезда галчонок, и голубь — слеток с перешибленным крылом, и беззащитный и глупый сирота зайчишка. Все они находили у старой приют и заботу. Один грачонок прожил в избе всю зиму и научился даже говорить.

Каждое утро Гришка голосил, усевшись на подтопок:

— Ка-ашки! Гр-ришке ка-ашки!

— Обожди, торопыга, — ворчала добродушно бабушка. — Вот внука провожу в школу, и кашку свою получишь.

В закутке за печкой, в чулане, в сенях у бабушки Фисы висели пучки всевозможных целебных трав. Варила она из них отвары и настоики и — странное дело — спасала иных односельчан от разных немочей.

Однажды нагрянул к бабушке из районной больницы поджарый очкарик, долго с ней о чем-то судачил, дотошно выпытывая целебные свой-

ства трав, которые она собирала по лесам и долам. Напоследок очкарик выпросил у старухи несколько пучочков. А уезжая, сказал председателю колхоза:

— Годков бы ей сбавить... этак десятка четыре, вашей Анфисе Андреевне, да подучить малость — цены бы не было женщине!..

Бодливого быка Кольку, страшилище всей Ермаковки, когда тот, разъярясь, срывался с привязи и мыкался по деревне, могла усмирить лишь бабушка Фиса.

Держа в руке невзрачные стебельки никому неведомой травы, она бесстрашно шла навстречу обезумевшему Кольке, рывшему копытами землю. Шла неспешным шагом, ласково приговаривая:

— И не совестно тебе, бугай ты глупый? Не топочи ножищами, не ворочай бельмами, не испугалась я тебя нисколечко! Ну, кому я говорю?.. Утихомириться, батюшке, ведь я к тебе с добром иду!

Замирал бык на месте, испуская тяжкий вздох. А потом поднимал от земли слюнявую морду и тянулся к бабушкиной руке за травкой.

А она, вплотную подойдя к черномастому, в репьях, Кольке, гладила его между острыми — ухватом — рогами, поднимала обрывок цепи и вела присмирившего быка на скотный двор.

Был и такой случай. Как-то прошлой осенью сидели внук и бабушка на трухлявом своем крыльце, грузди готовили к засолу, и вдруг, откуда ни возьмись, ежик подкатился. И прямо в бабушкины ноги носом тычется.

— Ежик, ба, видно ручной? — подивился Женька. — У Хопровых, поди, из клетки улизнул. Покачала головой старая.

— Не то балабонишь, внучек. С бедой, похоже, пожаловал колючий. Выручай, мол, человек, ты разумнее меня.

Взяв на колени доверчивого ежа, бабушка принялась терпеливо перебирать острые его иголки.

— Так оно и есть, — сказала она чуть погодя. — Во какие здоровенные пиявки присосались к телу. Они и не давали живой душе покоя.

Пораженный Женька минуту-другую сидел не шелохнувшись. А потом удивленно и даже с обидой протянул:

— Почему же он непременно к тебе? А почему не ко мне сунулся? Я бы тоже этих пиявок-паразиток раздавил.

Посмеиваясь благодушно, бабушка Фиса степенно промолвила:

— А откуда мне знать, горячая твоя голова?

Пожевала иссохшими губами и раздумчиво-горестно заговорила:

— Примечаю, внучек, приветливости и душевности в человеках мало стало. А они, животины всякие да птахи бессловесные, чуют — кто к ним с добром, а кто с лихостью. Сколько тварей полезных без нужды изничтожается. А дубравы? А реки? Опять же не бережем. Грибов — примечаешь? — год от году все меньше и меньше родится. И ягод тоже. Рыбу, почитай, всю перевели. А сколько было ее, рыбы, на Волге!.. — Помолчав, положила на худое плечо Женьки невесомую свою руку. — Мне скоро помирать, но ты, Евгений, помними мои слова: ежели вы, молодежь, не впряжетесь в оберегание природы, людей окружающую, горькая будет ваша жизнь. — Снова помолчала, обирая теперь с кро-

шечного груздочка сосновые иголки.— Днями по радио слышала: икру на заводах несамоделешную начали делать. Дойдет и до того, что ученые умы и мясо с рыбой таким же манером состряпают. Одна от того, может, будет польза — без костей обойдется дело...

К бабушке Фисе частенько забегали и соседки, и молодайки даже с другого конца Ермаковки. Одна просила подсказать, как надежнее солить грузди, другая — много ли надо тратьте сахарного песку на ежевичное варенье, третья сомневалась: вкусны ли будут яблоки, если их положить в кадушку с квашеной капустой?

Учила старая заневестившихся девчонок и вязанию кружев крючком и на спицах, а также цветному вышиванию крестом и гладью.

Прошлую зиму, вспомнив молодость свою, бабушка связала белый пуховый платок необыкновенной красоты — весь в «морозовом узоре». Этот невесомый платок можно было свободно протянуть через обрубальное, колечко.

Гостившая в ту пору в Ермаковке жена директора крупного саратовского завода предлагала бабушке за ее чудо-платок большие деньги, да та наотрез отказалась продавать свое рукоделье. Платок она подарила телятнице Нине, внучке кумы, вышедшей замуж за механика совхоза.

В последнее же время к бабушке Фисе почти никто не навдывался, кроме давней ее приятельницы горбатой чернички Мелаша да деда Фомы — дружка покойного мужа.

Потому-то и старая и Женька были прямо-таки поражены, когда в ненастный дождливый вечер к ним вдруг пожаловала Анюта — сестра Саньки Жадина.

Слабеющая глазами бабушка Фиса не сразу узнала вытянувшуюся за последний год девчурку, мнилось, еще вчера игравшую в куклы.

— К вам можно, баба Фиса? — от порога спросила стеснительная девушка, в волнении тербя пальчиками перекинутую на грудь толстую косу.

— Заходи, заходи, ягодка! — затараторила старая. — Вот господь и гостью нам к ужину послал. Бери-ка табурет да присаживайся, присаживайся к столу. Немудрящий у нас ужин: сухарник на козьем молоке, да угощаем от души... чем богаты.

Смущаясь пуще прежнего, Анюта прижала к груди сдернутый с плеч плащико. И сказала, опуская ореховые, жаркие свои глаза:

— Спасибо. Я... я только что отужинала.

— А может, подать стакашек молочка холоденького? Прямо из погреба? — не унималась хозяйка. — Оно, козье-то, страсть как пользительное.

Женька молчал, лишь изредка косясь на заалевшую Анюту. В десятый класс перешла девчонка, а выглядела прямо-таки невестой. И ростом, пожалуй, перегнала своего старшего брата — криворотого Игоря, женившегося по весне.

«Зачем, лиса, прискакала? По какому такому делу? Эти гордецы! Жадины ни разочка в жизни к нам не заживали, — думал Женька, сгорая от любопытства. Он даже потерял всякий интерес к пышному, ноздреватому сухарнику в глиняной жаровне. — Уж не отец ли прислал Анютку на меня жаловаться? Из-за кирпичей этих самых?»

Анюта же тем временем, обойдя таз, в который монотонно шлепались и шлепались с потолка свинцовые капли, скромненько присела на

краешек старого сундука, прикрытого домотканой дерюжкой. Сложила на коленях руки, и то бледнея, то пунцовея, все еще собиралась с духом, с чего бы ей начать разговор, ради которого она пришла.

Робеющую девчурку выручила словоохотливая хозяйка.

— На-ко, глянь, ягодка, глянь-ко, краля писаная, какой я ноне продукт природы в огороде выкопала,— суетилась старая, неся от печки и в самом деле редкостно уродливую морковку, похожую на голову бульдога.

Анюта так и приснула от смеха, разглядывая бабкин «продукт природы».

— А я, баба Фиса, однажды боровичок на вырубках нашла... тоже, знаете ли, такой чудной! — повеселевшим голосом заговорила девушка.— Ровно три братца за руки взялись. Средний повыше, с шапкой набекрень, а двое по бокам — толстенные карапузы. Ну, хоть на выставку посылай.

— Она, природа, всякое чудо сотворить способна, — поддакнула старая.

Анюта положила на стол уродливую морковку и сказала:

— Вы уж извините меня за беспокойство. Но если можете, одолжите на завтра валеk. Белье с Ритой Суховой собрались постирать на речке, а валька у них нет.

— Также мне разговор! — с веселой беспечностью проговорила бабушка.— Бери хоть на неделю. Что ему, вальку-то, делается? Только мне помнится, Анюта, матушка твоя одно время похвлялась, будто у нее в хозяйстве целых три вальки. И один другого сподручнее. Или сношеньке-молодуче матушка вальки пожаловала? На улице в последнее время только и говорю про вас: раздули, мол, Жадины кадилло! Мало одних хором стало, еще Игорю родитель пятистенник громоздит всей Ермаковке на загляденье.

Опуская глаза и снова вся пунцовея, девушка еле слышно сказала:

— Ушла я, Анфиса Андреевна, от родителей. Рита пока приютила. Работую уже в колхозе, а десятый... десятый класс, может, в вечерней школе закончу.

И встала. Бабушка Фиса не успела даже руками всплеснуть от поразившей ее новости.

Да и не до этого было: внезапно над Ермаковкой, с заката поливаемой лениво дождичком, грохнул гром, да такой ужасающей силы, что изба дрогнула, а на землю обрушился шквалистой силы ливень.

Крестясь, старая бросилась в чулан за ведрами и кастрюлями. Кажется, не прошло и минуты, как начался ливень, а уж с потолка тут и там потекли бойко ручьи. Неунывающий Женька тоже принялся помогать бабушке расставлять по полу разную посуду.

— Такое наказание, — причитала бабушка Фиса.— Как непогодица, так хоть беги из дома от потопа на все четыре стороны! Крыша-то у нас — дыра на дыре. А починить некому. И в совет на поклон ходила, и опять же в колхозное правление. Все сулятся помочь. Пятый год обещаниями потчуют.

Шельмец Женька назидательно заметил:

— Недогадливая ты, ба! Поставила бы передо посудину за белой головкой, как иные делают, и

крышу давно бы отремонтировали. Верно-наверно!

Скорбно вздыхая, бабушка Фиса ответила:

— Также мне пряткий! Думаешь, я не намеркала Илюшину? А он и слушать не захотел. «Жди, мол, бабка, очереди. И в другой раз не мог даже вякать о всяких своих глупостях!» Вот когда Мордашкин сидел на месте Илюшина, то тут бы, глядишь, и помогла поллитровочка.

Зловеще зеленые молнии ежесекундно озаряли избу нестерпимо ядовитым пламенем. И тогда струившиеся с прочерневшего потолка потоки представлялись стальными нитями.

Наполненные пузырявшейся водой ведерки и кастрюли Женька и Анюта выплескивали в распахнутую настежь сенную дверь.

— А ты тоже хорош гусь! — уловив момент, шепнула Анюта мальчишке.— Сказал бы своей пионервожатой, а та на комитете комсомола поставила бы вопрос. У нас в девятом и десятом вон какие лобаны! Давно бы перекрыли вам крышу.

— Как бы не так — перекрыли! — усмехнулся язвительно Женька.— Держи карман шире!

Через полчаса или чуть позднее ливень прекратился, прекратился так же внезапно, как и начался.

Когда Женька по настоянию бабушки Фисы отправился провожать гостью, на небе уже проклюнулись колючие звездочки, а из-за Усольских гор тяжело поднималась кровавая луна.

Неся под мышкой валеk, Анюта какое-то время молчала, бросая изредка косые взгляды на дичившегося при девчонках Женьку. А потом, как бы между прочим, спросила его, спросила подчеркнуто равнодушным тоном:

— Ты давно знаком с этим... ну, шофером со стройки?

— С каким шофером? — прикидываясь протачком, переспросил хитрый Женька.

— Да с этим... вроде как Сергеем его звать?

— А-а, с которым ты в субботу в клубе танцевала?

В темноте не видно было, как зарделись у Анюты тугие округлые щеки.

— Да. Он такой высокий и... и...

— Красивый? — с подковыркой подсказал мальчишка.

— Я... я не знаю,— растерянно пролепетала Анюта.— Я просто так... просто слышала, ты, говорят, с ним встречаешься. Говорят, он из армии недавно вернулся.

— Ага, из армии. И еще к тому же холостой! — почему-то со злостью вдруг выпалил Женька.— Меня не одна ты про то пыталась. И еще некоторые другие!

Про себя смекалистый мальчишка подумал: «Никакого валька тебе не надо, артистка! А прибежала ты за тем, чтобы про Сергея у меня выведать».

Тут они как раз поравнялись с невысоким плетешком, огораживающим двор Суховых.

Теперь уж спросил в свою очередь Женька, стараясь казаться как можно солиднее:

— Чего это ты, Ань, из дома сбежала? Блажь что ли напала?

Ткнув пальцем Женьку в нос, девушка уклончиво сказала:

— Много будешь знать, скоро состаришься! И хлопнула калиткой.

Искусство

советских республик

Н. РОДЗИН

ВЕСНА НАД ДНЕПРОМ

ДАР ЧУСОВОЙ

Течение тащило лодку прямо к Шайтану — скале, почти отвесно уходящей в глубину. Он был грозен и величествен, этот чусовской «боец». Немало караванов с демидовским железом уходили от него с большими потерями, немало плотогонов расстались здесь с жизнью. Каменный исполин был красив. Руки сами потянулись к фотоаппарату...

— Гребите, гребите! — закричал рулевой. — Заносит!

Мы стремительно проскочили мимо, и «боец» стал маленьким, уже неинтересным. Опять ползут наши плоскодонки от излучины к излуцине. Завели нескончаемый плач уклучины, и гребцы с завистью поглядывают на байдарку инструктора.

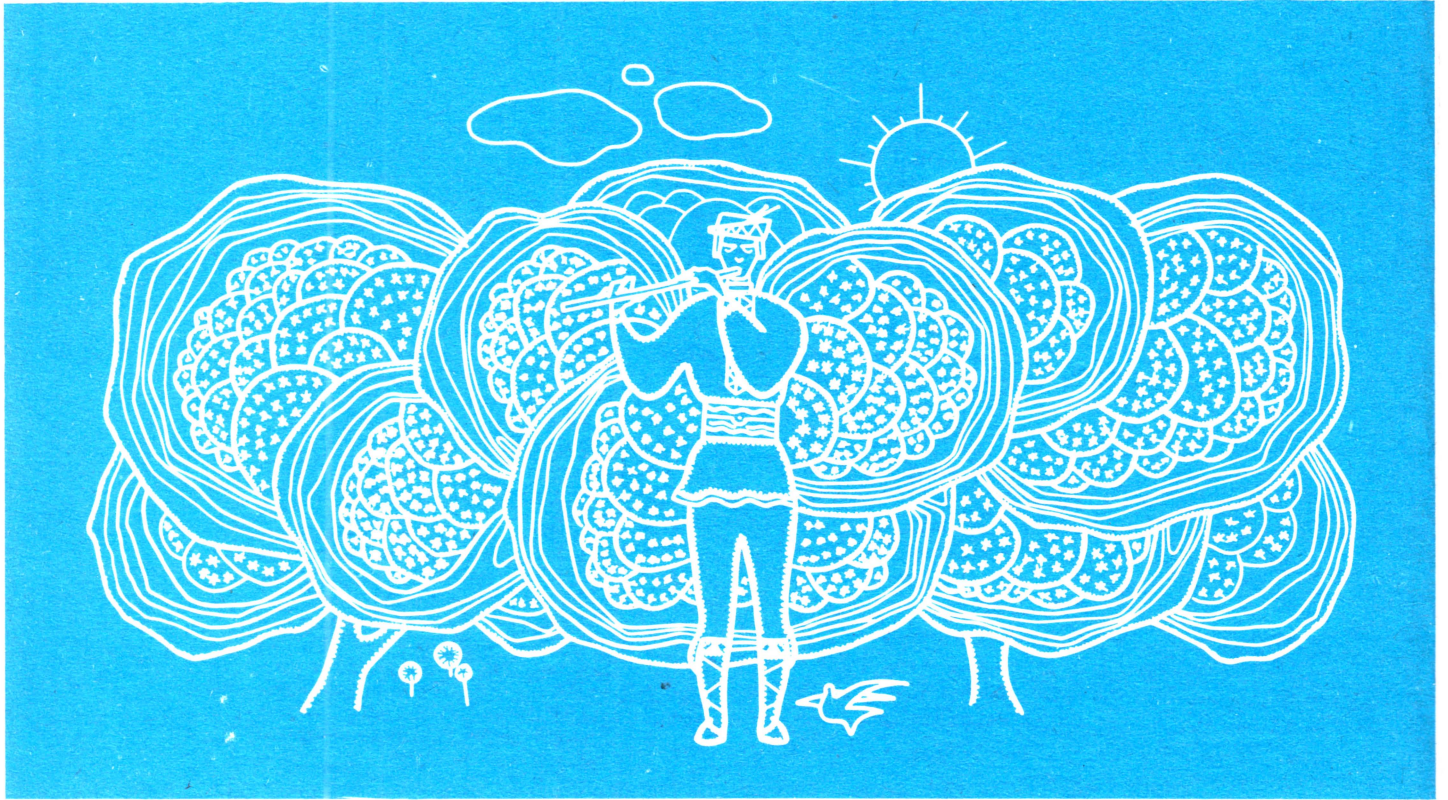
Людмила, чуть касаясь веслом воды, то уходит далеко вперед, то возвращается к нам, оповещая о мелях, подводных камнях, протоках, сжатых стеной камыша. На своей байдарке Людмила прошла против течения и у Шайтана. Не знали мы тогда, что наш инструктор пятый раз идет по Чусовой. Сначала — на таких же плоскодонках, а потом — на байдарках различных конструкций.

Солнце садилось. Пристала к берегу и наша флотилия. Через несколько минут весело стрелял угольками костер, в ведрах закипала вода для долгожданного ужина. Далекый лес посинел, приблизился к бивуаку. На небе высыпали звезды. А у камней по-прежнему недовольно ворчали буруны.

Не любит Чусовая равнодушных. А любознательных берет в полон и щедро одаривает. Людмила получила от нее в дар мечту — сконструировать свою байдарку, такую, чтоб была безопасной, удобной и быстрой. Может, темой дипломного проекта Людмилы и станет такая лодка! Может, и появится на реках байдарка уральского производства, разработанная дизайнером первого выпуска художников-конструкторов Уральского филиала Московского архитектурного института Людмилой Боровинских!

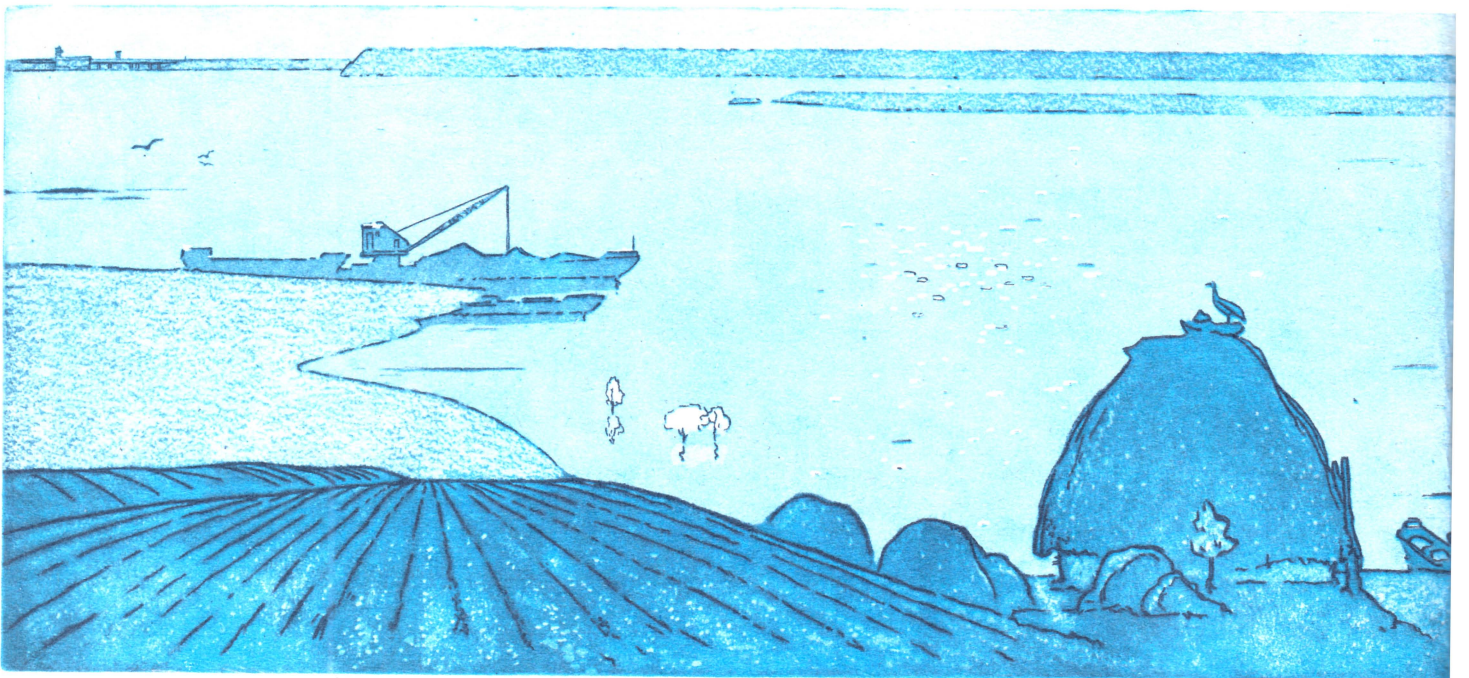
*А. Нагибин
Фото автора*

Н. РОДЗИН

МУЗЫКА

Н. РОДЗИН

ДИДОВА КЛУНЯ

В Жижикской средней школе Псковской области на родине М. П. Мусоргского следопыты открыли музей имени великого композитора. Открытие музея состоялось четыре года назад, летом 1968 года. Тогда в его экспозиции уже насчитывалось более двухсот экспонатов. Но все эти годы ребята продолжали свой поиск.

Они узнали, что в Рязани живет дальняя родственница композитора Татьяна Георгиевна Мусоргская. Следопыты связались с ней, потом побывали в гостях у Татьяны Георгиевны. И в итоге — в музее появилась мебель из квартиры Мусоргских и альбом с фотографиями писателей, художников, композиторов.

Как свидетельствует собственноручная надпись Модеста Петровича, альбом был подарен жене его брата Филарета — Тамаре Мусоргской в 1874 году после первого представления оперы «Борис Годунов».

Ребята совершают походы по местам, где родился и жил композитор. В деревне Камено в доме одной старушки они обнаружили старинное кресло из поместья Мусоргских. Хозяйка отдала его гостям. Следопыты привезли кресло в школу, реставрировали его и выставили в музее.

Узнали школьники, что к бухте Находка приписан теплоход «Мусоргский». Они списались с командой теплохода и помогли создать на судне филиал музея.

Работает в Жижикской средней школе музыкальный лекторий. Ежегодно здесь проводится День искусства, посвященный великому земляку. Приезжают гости из Москвы и Ленинграда, из Уральской государственной консерватории имени Мусоргского в Свердловске.

Героической жизни Мусы Джалиля посвятили свой поиск следопыты школы № 70 города Закамска Пермской области. Они связались с людьми, знавшими поэта, написали письма в Казань, Уфу, Ташкент, Берлин [ГДР], Тарлемон [Бельгия]. И вот появились первые ответы и первые экспонаты музея. Из Москвы, из Центрального архива прислали фотопленку рекомендации Мусы Джалиля в Коммунистическую партию. Факсимиле свидетельства казни поэта получили ребята от немецкого публициста Леона Небенцеля. Пришло письмо от Андре Тиммермана, который сидел с Джалилем в одной камере и спас 2-ю Моабитскую тетрадь стихов.

Ребята собрали двенадцать тонн металлолома и вырученные деньги сдали на постройку агитавтобуса «Джалилец». В автобусе они оформили выставку, посвященную поэту-герою. Первую свою экскурсию на автобусе следопыты совершили на родину Мусы Джалиля в деревню Мустафино.

Искусство родного края — так назвали свой музей учащиеся Мелеховской средней школы Владимирской области. Ребята собрали материал по темам: фольклор и местные диалекты, старинные обряды, изделия народных умельцев, предметы народного быта дореволюционной России.

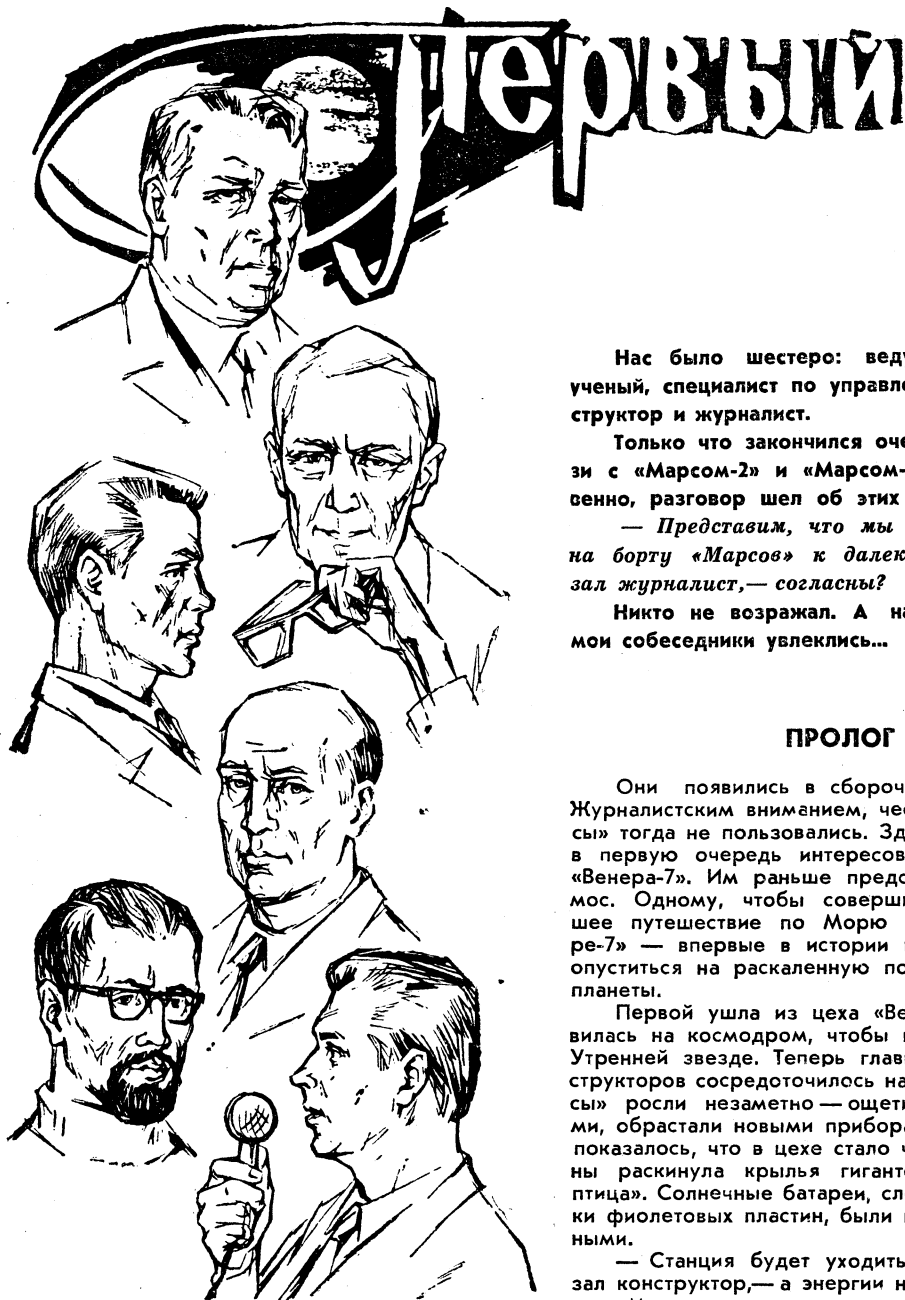
Записали они немало неизвестных народных песен, составили картотеку диалектных слов.

В школьном музее можно увидеть кружева, вышивки, вязание, корзиночки и шкатулки, сделанные руками народных мастеров.

Несколько экспедиционных отрядов работают в Камбулевской средней школе Северной Осетии. Юные географы и биологи изучают свой край, его животный и растительный мир. Юные геологи ведут разведку сырья для местной промышленности. Так во время похода по реке Камбилеевке они нашли залежи торфа, белой глины, известняка.

Давно уже в леса республики завезены олени, алтайские белки, американские норки, енотовидные собаки, зубры. Ребята принимают активное участие в охране этих животных. К зиме заготавливают корм. Под руководством специалистов ведут наблюдения за жизнью «переселенцев».

Школа шефствует над питомником, заложенным к Комсомольском лесничестве. Следопыты выращивают здесь сеянцы и саженцы для парков и аллей городов и сел Северной Осетии.

Владимир ГУБАРЕВ

Рисунки В. Сыскова

Нас было шестеро: ведущий конструктор, ученый, специалист по управлению, связист, конструктор и журналист.

Только что закончился очередной сеанс связи с «Марсом-2» и «Марсом-3». Вполне естественно, разговор шел об этих станциях.

— Представим, что мы экипаж, летящий на борту «Марсов» к далекой планете, — сказал журналист, — согласны?

Никто не возражал. А начав рассказывать, мои собеседники увлеклись...

ПРОЛОГ

Они появились в сборочном цехе давно. Журналистским вниманием, честно говоря, «Марсы» тогда не пользовались. Здесь, в центре зала, в первую очередь интересовали «Луноход-1» и «Венера-7». Им раньше предстояло уйти в космос. Одному, чтобы совершить увлекательнейшее путешествие по Морю Дождей, а «Венере-7» — впервые в истории цивилизации мягко опуститься на раскаленную поверхность далекой планеты.

Первой ушла из цеха «Венера». Она отправилась на космодром, чтобы начать свой путь к Утренней звезде. Теперь главное внимание конструкторов сосредоточилось на луноходе. А «Марсы» росли незаметно — ошестинивались антеннами, обрастали новыми приборами. Однажды мне показалось, что в цехе стало чуть темнее. У стены раскинула крылья гигантская «космическая птица». Солнечные батареи, сложенные из мозаики фиолетовых пластин, были непривычно огромными.

— Станция будет уходить от Солнца, — сказал конструктор, — а энергии нужно много. Солнце у Марса крохотное и холодное.

— «Венере» легче?

— У каждой машины свои особенности. «Венере» ждет мощная атмосфера — гигантские давления и температуры. На Марсе же атмосфера слишком разрежена. Ну, а луноход ее не встретит вообще...

Три иных мира встретились в одном цехе. Какие они? Пока конструкторы и ученые имели лишь смутные представления о том, что ждет их подопечных. Слишком много неясного. И особенно для этой гигантской «космической птицы».

Земля приняла сигналы с Венеры. Почти год мы смотрели на лунные пейзажи глазами лунохода. Пришла очередь и «Марсов».

МАРСИАНИНЫ

Слово ведущему конструктору:

«МЫ НЕ МОГЛИ ПРЕДУСМОТРЕТЬ ВСЕГО...»

Иногда я думаю: а если бы не стал конструктором, какую профессию выбрал бы? Мне кажется, я предпочел бы стать архитектором. Почему?

Перед зодчим чистый лист ватмана. На нем должны появиться очертания будущего сооружения. Но это может быть стандартный пятиэтажный дом, чей вид сегодня вызывает лишь раздражение из-за убогости своих форм, или дворец, которым люди восхищаются столетиями и который не может умереть, потому что он приносит человеку радость. Архитектура — это искусство, понятное, пусть неосознанно, каждому. И в этом ее могущество.

Сидя за кульманом, на котором намечены контуры будущей станции, я чувствую себя архитектором. И пусть машины, рождающиеся в нашем коллективе, погибают где-то на других планетах, они остаются не только в памяти своих создателей, но и тех, кто впервые слышит о них по радио или видит фотографии на страницах газет. Так уж получается, но с таких космических машин, как «Марс-2» и «Марс-3», начинается новая страница в человеческой цивилизации. И поэтому они сразу же становятся достоянием истории, точно так же, как Парфенон или Лувр. Только те памятники говорят о юности человечества, а наши — о его зрелости.

Конструктор был настроен несколько философски. И мы, его собеседники, невольно улыбались, когда он говорил столь торжественно и даже высокопарно.

Потом я догадался: конструктор легко вошел в ту роль, которую я сам и предложил. В эти минуты он словно прощался с Землей, собираясь отправиться на Марс. Он оценил сделанное им и его товарищами. А в такие минуты хочется говорить торжественно, не правда ли? Ученые прошлого обычно писали оды. В наше время все предпочитают прозу.

А если серьезно, конструктор прав. Почему мы боимся «высоких» слов, если события заслуживают их? Правомерна ли ложная скромность?

В нашей работе я чувствую себя архитектором. Особенно в те минуты, когда видишь пригтовившуюся к старту ракету. Там за обтекателем, на самом верху, — наша станция. В ней много агрегатов, элементов, систем, конструкций. Она словно украшена ими и иногда мне напоминает новогоднюю елку. «Елку» хрупкую и элегантную, но способную выдержать перегрузки, возникающие при работе ракеты-носителя, который выводит нашу станцию за пределы земной атмосферы, способную выдержать и вибрации.

Мы немало «помучили» в лабораториях конструкцию, добиваясь ее вибропрочности. Все наземные испытания, а они были разнообразными, станция прошла блестяще. Мне кажется, в этом плане конструкция решена классически. Любой человек, сталкивающийся с конструкторской работой, отчетливо понимает, насколько это сложная проблема.

Конечно, есть легкий путь в борьбе за вибропрочность. Достаточно усилить узлы, утяжелить аппаратуру. Но дело в том, что за пределами Земли они не будут испытывать таких ускорений, как при старте. А следовательно, надо пройти участок выведения с минимальными «затратами» веса. И мы настойчиво искали тот единственный оптимальный вариант, который в конце концов позволил создать конструкцию и прочную, и сравнительно небольшого веса. Все данные, полученные по телеметрии во время выведения станции на орбиту, совпали с теми, что мы получали во время наземных испытаний. И за это нас, конструкторов, можно хвалить — станцию мы «не перегрузили».

Время старта известно с точностью до секунд. Его диктует астрономия: расположение планет, предполагаемый район встречи с Марсом. Изменить его невозможно — минута опоздания может обернуться лишними тысячами километров пути.

Время старта словно Дамоклов меч постоянно висит над создателями марсианских станций. А когда времени не хватает, тут уж не до праздников.

Когда конструктор заговорил о «новогодней елке», я вспомнил один эпизод. Мне рассказал о нем Юрий Марков, тоже конструктор.

До мая было еще далеко — более пяти месяцев. А испытания шли по графику «тик в тик». В случае, если бы случилось непредвиденное (а оно таки вскоре произошло!), станции могли опоздать на космодром к заветной минуте старта.

Испытатели решили встретить Новый год в цехе. Утром проанализировали проведенную работу, потом наметили план на ближайшее будущее. Вечером сделали перерыв. Достали домашние пироги, яблоки. Подняли вверх стаканы с лимонадом — в честь Нового года, поздравили друг друга. Второй тост, конечно, — за успешный полет «Марсов».

В космосе станция расправляет свои «крылья» — солнечные батареи и антенны. В раскрытом положении они не могут выдержать тех нагрузок, которые испытывает «Марс» при выводе на орбиту.

Начинается проверка всех систем и аппаратуры. «Земля» анализирует их состояние. «Марс-2» и «Марс-3» чувствуют себя великолепно — наземные испытания проведены правильно.

В земных лабораториях они прошли традиционный для космических машин путь испытаний. Узлы станции побывали в глубоком вакууме, имитирующем космическое пространство, на специальных стендах, где изучалось влияние работы научных приборов друг на друга.

Такие испытания проходят все межпланетные автоматы, но для «Марсов» они были все-таки особые. Ведь им предстояло преодолеть гигантское расстояние.

— Если бы меня спросили, какие дни были самыми трудными при подготовке «Марсов», — рассказывает Юрий Марков, — я бы, не задумываясь, ответил — 13 февраля и 13 мая.

Сначала — 13 февраля. В сборочном цехе стояло несколько машин — технологических и штатных. Они работали нормально, скоро двум из них предстоял путь на космодром. И вдруг сообщение — на одной из машин сработала токовая защита — в электрических цепях неполадка. Только мы подошли к «Марсу», новый доклад: один из научных приборов дает неверную информацию.

Проходит еще несколько минут — на тепловой машине «молчат» температурные датчики. Воистину: беда не приходит одна.

Лишь через несколько дней машины вновь начали работать «без сучка и задоринки».

А ровно через три месяца, уже на космодроме, отказал один из блоков бортовой системы. До старта оставалось совсем немного. Запуск «Марса-3» оказался под угрозой срыва.

— Тут свое веское слово сказали наши асы, — с гордостью говорит Юрий Марков, — рабочие-монтажники, не раз выручавшие нас в трудную минуту, — Василий Максимович Огоньков, Николай Александрович Конев, Сергей Иванович Разумов. Они вскрыли гермоотсек, расстыковали электрические разъемы, сняли монтажную раму. Затем демонтировали «больной» блок и на его место установили «здоровый».

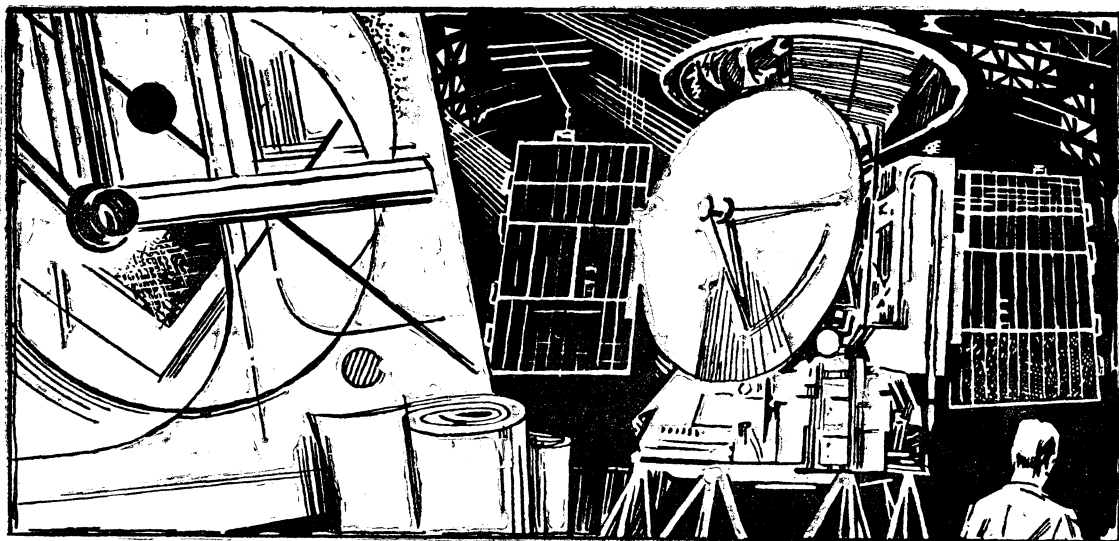
Мне кажется, станция очень красиво выглядит в полете. Она не столь экзотична внешне, как, к примеру, лунные машины. Ее формы простые и лаконичные. Они мне нравятся своей целесообразностью. Еще на первом этапе конструирования все было продумано, и хотя «Марсу» предстояло выполнить сложнейшую задачу, мы старались сделать станцию, если можно так выразиться, попроще.

Чего же мы больше всего опасались? Честно говоря, нас беспокоила герметичность. Длительное пребывание в космосе — вот что требовалось от машин! А опыта у нас не было, ведь тогда луноход еще не покинул сборочного цеха, он только готовился к своему полету.

А «Марс-Т» уже в третий раз «летел» к красной планете. Дважды он пережил старт и долгие месяцы пути. Электронные вычислительные машины внимательно следили за работой аппаратуры, контролировали показания приборов.

Третий полет начался сразу после старта «Марса-2» и «Марса-3». Только «Марс-Т» чуть опережал эти станции. К примеру, надо проводить коррекцию. Но прежде, чем команды будут выданы на борт, «Марс-Т» опробует несколько вариантов, и создатели станций выберут наилучший, чтобы передать его в космос.

22 варианта опробовал «Марс-Т» при подлете

ном сеансе! Он словно прокладывает путь «Марсам» по их неведомой космической дороге.

Все эти месяцы «Марс-Т» летал в лаборатории завода. В трудные минуты к нему всегда обращались за советом...

Сразу после старта «Марса-3» я ушел на несколько дней в отпуск. Отдыхать поехал в Крым. Дня через три выбрался в Крымскую обсерваторию, хотел посмотреть на Марс. Приезжаю, и кого, вы думаете, встречаю! Своих коллег по КБ? Вместе и пошли смотреть. Хотелось увидеть снежные шапки, но не удалось. Было почему-то очень обидно...

«ПРОЩАЙТЕ, МАРСИАНЕ!»

Внешне марсианин выглядит не очень привлекательно. Судите сами:

«Показалась голова марсианина в шапке яйцом, с длинным козырьком. На глазах — очки. Лицо кирпичного цвета, узкое, сморщенное, с острым носом. Он разевал большой рот и пищал что-то... Марсианин был как человек среднего роста, одет в желтую широкую куртку. Сухие ноги его, выше колен, туго обмотаны».

Но несмотря на свой неказистый вид, обитатели планеты вели достаточно полноценную жизнь. Их интересы распространялись не только на научные исследования.

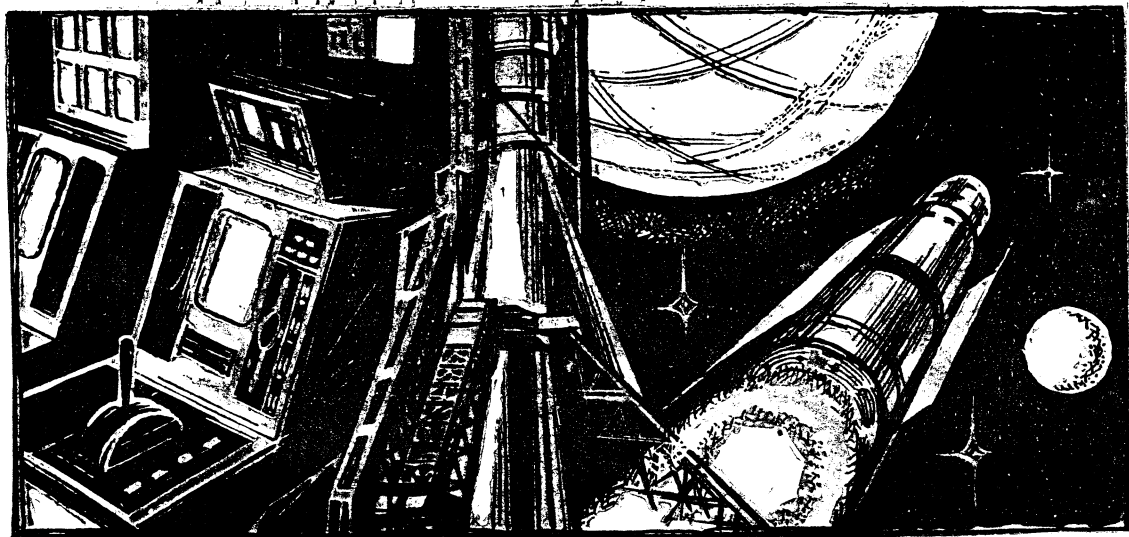
«Люди стояли кучками в каменных галереях, растворяясь в тени между голубыми холмами. Звезды и лучезарные марсианские луны струили на них мягкий вечерний свет. Позади мраморного амфитеатра, скрытые мраком и далью, раскинулись городки и виллы, серебром отливали неподвижные пруды, от горизонта до горизонта блестя каналы. Летний вечер на Марсе, планете безмятежности и умеренности. По зеленой влаге каналов скользили лодки, изящные, как бронзовые цветки. В нескончаемо длинных рядах жилищ, извиляющихся по склонам, подобно оцепеневшим змеям, в прохладных ночных постелях лениво перешептывались возлюбленные. Под фа-

келами на аллеях, держа в руках извергающих тончайшую паутину золотых пауков, еще бегали заигравшиеся дети. Тут и там на столах, булькающих серебристой лавой, готовился поздний ужин. В амфитеатрах сотен городов на ночной стороне Марса смуглые марсиане с глазами цвета червонного золота собирались на досуге вокруг эстрад, откуда покорные музыкантам тихие мелодии, подобно аромату цветов, плыли в притихшем воздухе».

Так описывают наших соседей по космосу два писателя — советский и американский. И хотя у Алексея Толстого и Рея Бредбери путешествие по Марсу всего лишь повод для того, чтобы рассказать о проблемах, волнующих нас, землян, не может не настораживать одно: описание марсиан почти одинаково. Они представлены очень похожими на людей, правда, для вящей убедительности пришлось изменить окраску тела — как-никак там все-таки холоднее — и чуть «переконструировать» организмы.

Ловлю себя на мысли, что перечитывая «Аэлиту» или «Марсианские хроники», я невольно верю, что действительно на красной планете есть и эти существа, и города, ими построенные, есть тот удивительный мир, нарисованный воображением талантливых писателей. Но воображением ли только? А почему нет столь же убедительных жителей Венеры или Меркурия, юпитериан или даже лунитов (те, которые появлялись, всегда казались смешными и вымышленными)?

На мой взгляд, «виновата» наука. За историю человечества известны имена более ста именитых ученых, которые были глубоко убеждены, что в пределах Солнечной системы, кроме людей, есть еще разумные существа. Письмена древних хранят не только описания празднеств, но и утверждения, что «считать Землю единственным населенным миром в бесконечном пространстве было бы столь же неразумно, как и верить, что на громадном поле растет всего один пшеничный колос». Эти слова и сегодня звучат актуально, под ними с чистой совестью подпишется любой действительный член Академии наук СССР. Но при чем здесь Марс и марсиане?

Об этой планете слишком мало известно, а нехватка знания всегда порождает домысел. Особенно, если для него есть «фундамент». Краеугольный камень марсианских иллюзий — знаменитые «каналы».

В Центре дальней космической связи я разговаривал с одним из астрономов — специалистов по Марсу. Зашла речь и о «каналах».

— Когда на фотографии я увидел цепочку кратеров, — признался он, — мне никак не верилось, что это те самые «каналы». Так и живет в сознании: реальные кратеры и легендарные «каналы», угрюмый пейзаж Марса, который вырисовывает воображение ученого, и прекрасная Аэлиа. Они сосуществуют вместе, но когда принимаем сигналы от «Марса-2» и «Марса-3», все-таки мы представляем эту планету без марсиан...

Сегодня, да. Но еще шестьдесят лет назад очень почтенный ученый профессор В. Мейер, проанализировав все данные науки того времени, утверждал:

«Таким образом, мы приходим, наконец, к убеждению, которое кажется нам неизбежным, что только разумные существа могли создать прямо или косвенно эти каналы Марса. И далее: судя по тому, что сеть дорог покрывает всю планету по единому стройному плану, мы приходим к убеждению, что существа, работу которых мы видим на расстоянии, отделяющим мировые тела, должны обладать высокой степенью разумности».

Когда И. Скиапарелли, проводя наблюдения Марса во время великого противостояния 1877 года, увидел четкие прямые линии, пересекающие сушу и соединяющие моря, он не подозревал, что его открытие — начало «великого нашего шествия марсиан». Итальянский ученый взял лист бумаги и, поглядывая в окуляр телескопа, перенес на нее все увиденное. Как и положено добросовестному наблюдателю, он сообщил своим коллегам о новых данных. Скиапарелли не подозревал, что этот рисунок и обесмертит его имя, и всколыхнет не только научный мир.

Первая реакция была довольно спокойной. — Это марсианские реки, — решили астрономы.

— Но почему у них нет изгибов? — возражали другие.

— Ошибка в наблюдениях, — сделали вывод третьи.

Немногим удалось вновь увидеть «каналы», но те счастливицы, у которых было ясное небо (земное, конечно) над головой и хорошая аппаратура, сразу подтвердили: Скиапарелли прав, «каналы» изгибов не имеют...

Гипотеза о марсианских реках сразу поблекла.

А «каналы» продолжали удивлять исследователей. Чем подробнее становились карты, тем ожесточенней споры. А потом они почти прекратились: большинство ученых пришло к единому мнению — такую систему соединений морей на Марсе могли создать только разумные существа. «Каналы» острова Эллады, безусловно, подтверждали этот вывод.

Остров Эллады пересечен двумя «каналами». Один проходит с севера на юг, другой — с запада на восток. Они пересекаются под прямым углом в центре острова.

В одной из областей Марса находится Солнечное озеро. Оно соединяется на юге с морем, а на север уходит два «канала», по которым из

озера можно попасть в другую «канальную систему». Трудно придумать более рациональное сообщение между Солнечным озером и марсианским океаном!

Еще в начале века некоторые ученые предполагали «войти в контакт» с марсианами. Вот мнение известного ученого В. Ферстера: «В пользу того, что системы линий на Марсе могут быть обязаны своим происхождением планомерной технике живых существ, говорит то, что на этой планете сила тяжести меньше четырех десятых силы тяжести на Земле, а потому все технические работы, как перевозка, постройка и прочее, должны выполняться с большей легкостью, чем на Земле; конечно, при этом делается предположение, что известные нам формы энергии проявляются там в живых существах таким же образом, как и на Земле. Предполагалось даже войти с жителями Марса в сношения посредством световых сигналов. Некоторые думали даже, что те изменчивые явления на Марсе, которые мы относим к явлению сумерек, суть не что иное, как световые сигналы, подаваемые нам жителями Марса. В одном из наших центров духовной культуры был уже выработан план большого предприятия, состоявший в том, чтобы где-нибудь в степи или пустыне сделать геометрические фигуры и заставить их при помощи электричества служить световыми сигналами. Эти световые сигналы должны повторяться через определенные промежутки времени с соблюдением некоторого ритма. При помощи таких геометрических и арифметических сигналов, понятных для всякого сознательного существа в мире, думали положить начало сношения с жителями Марса».

Итак, деятельность разумных существ. Но какими же они должны быть сильными, чтобы создать эти каналы? Ведь ширина одних почти такая же, как у Балтийского моря, а самые «минигаторные» превышают Амазонку в ее дельте.

Пожалуй, именно грандиозность этих сооружений и вызвала сомнения у некоторых ученых, которые решили обосновать естественное происхождение «каналов». В самый разгар сенсационного сообщения о марсианах, они попытались убедить своих коллег, что это могут быть гигантские трещины или цепи гор. Но доказательств у «антиканальщиков» было намного меньше, чем у их противников. И они проиграли. Люди страстно желали, чтобы где-то рядом теплилась жизнь, чтобы не быть столь одиноким в космическом пространстве. Так желаемое превратилось в действительность. А романы о марсианах лишь отразили бурную дискуссию, развернувшуюся в науке. Вполне естественно, широкая публика горячо поддержала энергичных разумных существ, которые смели неузнаваемо преобразовать свою планету...

О Марсе мы впервые узнаем не на уроках астрономии, а по научно-фантастическим романам. Марсиане входят в нашу жизнь вместе с Дон-Кихотом и Онегиным, Уленшигелем и Буратино. Эти герои книг — для нас живые люди. Марсиане не исключение. И позже, когда мы входим в большой мир науки, разумные существа иных планет незримо живут в нашем сознании. А как только появляются таинственные слова «белые пятна в астрономии», воображение настойчиво подсказывает: «А может быть, они?»

Правда, постепенно облик марсианина становится более расплывчатым. Чем больше мы узна-

ем о Вселенной, тем меньше остается места для строителей «каналов». И хотя по-прежнему разглядеть в телескопы что-либо на Марсе очень трудно, новейшие методы исследований показывают: Марс очень суровая планета, на ней не может быть высокоорганизованной жизни. Чаша весов неумолимо перевешивает на сторону «антимарсиан».

Но всего лишь пять-шесть лет назад все-таки находились авторитетные ученые, правда, не астрономы, которые выступали «за». Я имею в виду Василия Феофиловича Купревича. Удивительная судьба у этого ученого. Он начал свою жизнь матросом, принимал участие в штурме Зимнего. Потом был учителем в вузе. Ему принадлежат фундаментальные исследования в биологии. Но академик, президент Академии наук Белоруссии, Василий Феофилович Купревич всегда был мечтателем. Думаю, эта черта помогла и матросу стать академиком. Василий Феофилович рассказал при нашей встрече:

— Марс старше Земли по возрасту, вероятно, на миллиарды лет. Бросается в глаза совершенно особенная орография планеты. Выглядит Марс абсолютно гладким. Никто из нас не поверит, что он был таким всегда. Были на Марсе и горы и плоскогорья. Горобразование закончилось там, видимо, очень рано. Были океаны, но вследствие сильно развитых процессов — денудации — все горные хребты за истекшие миллиарды лет были разрушены и их остатки равномерно засыпали поверхность планеты. Поэтому на Марсе отсутствуют открытые водные пространства. Но это вовсе не говорит о том, что на Марсе нет воды. Она находится, очевидно, в твердом состоянии под почвой.

Второй вопрос, который всегда возникает, когда речь идет о Марсе и который часто умышленно опускается, это вопрос о «каналах» Марса. Происхождение правильных образований, идущих с одного полушария в другое, нельзя объяснить какими-то естественными причинами. Это — произведение разумной воли. В самом деле. Условия на Марсе — это условия наших пустынь, и не будь «каналов», мы бы сказали, что никаких следов разумной деятельности на этой планете нет. Сапрофитная жизнь, требующая для своего существования производства определенных количеств органического вещества, может быть поддержана в пустыне лишь при наличии развитой системы орошения. И когда мы видим правильную систему каналов на планете, которая представляет едва ли не сплошную пустыню, естественно, по аналогии приходим к заключению, что эти сооружения созданы разумными существами. Однако не нужно представлять «каналы» Марса в виде каналов, которые мы прокладываем в Кара-Кумах. Марсианские «каналы» — это ряд оазисов, которые искусственно снабжаются водой.

Астрономами установлено, что во время таяния белых шапок в области полюсов «каналы» начинают проявляться более четко. Потемнение идет постепенно, начиная от места таяния к экватору и за экватор. Следовательно, нельзя не согласиться с тем, что белые шапки представляют собой снежный покров, причем таяние снега на Марсе начинается точно при такой же высоте Солнца, что и на Земле. Н. А. Козырев точно установил наличие снега на планете, однако толщина его покрова якобы не превышает нескольких миллиметров. Думаю, что снежный покров

составляет несколько сантиметров. Ведь для того, чтобы вызвать потемнение каналов, потребуется, во всяком случае, не два миллиметра снега.

Я уверен, что для Марса снег, выпадающий у полюсов, имеет огромное «хозяйственное» значение. Талая вода используется там для орошения бесчисленных оазисов, расположенных в определенном порядке.

Чтобы столь разумно использовать небольшие водные ресурсы планеты, необходимо наличие марсиан, разумных существ.

Еще одно замечание — о физических условиях на Марсе, в частности, об атмосфере. Существующие данные о наличии атмосферы на Марсе вполне надежны. Но вызывает сомнения утверждение об отсутствии в ней азота и кислорода. Попытки определения количества этих газов в атмосфере Марса производятся через атмосферу Земли, где и азота и кислорода очень много, где их количество меняется от одной точки земной поверхности к другой. Нигде мы не найдем двух точек, над которыми количество кислорода было бы абсолютно одинаковым. Поэтому ошибка в определении количества кислорода и азота в атмосфере Марса может быть весьма большой. А вот углекислый газ обнаружен в атмосфере Марса, обнаружен потому, что его намного больше, чем на Земле, и атмосфера нашей планеты не помешала ученым измерить его количество.

Интересный вопрос о теплоотдаче Марса. Принято считать, что наличие на Марсе атмосферы, в десять раз более разреженной, чем на Земле, допускает быструю отдачу теплоты в мировое пространство. Но не следует забывать, что атмосфера Марса благодаря меньшей силе тяжести на планете имеет в 2—3 раза большую толщину, чем земная. А скорость теплоотдачи зависит не только от количества газа, но и от размеров газовой оболочки. Поэтому данным о температуре на темной стороне Марса пока верить нельзя. На освещенной же части Марса, как известно, положительная температура. И поэтому там не такие уж суровые условия, какие приписываются Марсу...

О жизни на Марсе или на других планетах обычно высказываются астрономы, физики, математики, химики. Я не встречал высказывания ни одного биолога. И в этом — своеобразия высказываний. Все «небиологи» пытаются населить Марс и другие планеты земными обитателями, которые приспособлены к специфическим условиям жизни на Земле. К тому же совершенно игнорируется степень приспособляемости земных существ. А между тем на Земле нет таких ниш, где бы не было жизни. И в нефти, и в бензине, и на дне глубочайшего океана, в горячих источниках, в урановой руде, в растворе серной кислоты, в атмосфере метана или аммиака — всюду есть жизнь. Почему же искусственно ограничивать возможность приспособления жизни к условиям на других планетах?

Астрономы заселяют Марс лишайниками. Это, по их мнению, главный и единственный представитель растительной жизни на пустынной планете. Следует вспомнить, что лишайники появились на Земле в конце «мела», когда уже существовал мир позвоночных. И это понятно: лишайники, представляющие комплекс из гриба и водоросли, очень чувствительные организмы, они не переносят малейших примесей необычных газов в атмосфере. Лишайники чувствительнее всяких химиче-

ских реактивов, и не один химический анализ не даст более точного определения качества воздуха, чем эти растения. Вот в Минске — на улицах и парках — вы их не найдете, а в деревне лишайники растут прямо на крышах. И это первый признак того, что атмосфера города засорена газами, которые вырабатываются на предприятиях и выбрасываются в воздух.

И такими нежными и капризными организмами астрономы населяют Марс Места, которые считаются покрытыми на Марсе растительностью, имеющие зеленовато-голубоватый цвет, заселены, конечно, не лишайниками, а какими-то высшими растениями, вероятно, культурными. А следовательно надо допустить существование марсиан, которые разводят эти растения...

Наверное, Василий Феофилович Купревич был последним из ученых, которые отстаивали существование марсиан. Последним, потому что через два года к красной планете полетели автоматические станции.

«Маринер-3» стартовал 5 ноября 1964 года. 322 секунды полет проходил нормально. Но не отделился обтекатель, защищавший аппарат в атмосфере. Когда строботала ракета, командно-временное устройство отдало «приказ» на развертывание солнечных батарей. Команда не могла быть выполненной: крыльям батарей мешал обтекатель. «Земля» попыталась устранить неполадки, на борт было передано 17 аварийных команд. К сожалению, и это не помогло. Через 10 часов после старта связь с «Маринером-3» прекратилась, аппарат находился в этот момент на расстоянии 122 300 км от Земли.

28 ноября в космос ушел «Маринер-4». На старте ему повезло больше, чем предшественнику. Аппарат прикрывал носый обтекатель, более стойкий к деформациям. Он отделился вовремя, солнечные батареи раскрылись. Однако начались «неприятности» со звездным датчиком. Он нашел звезду Канопус только с пятой попытки, а раньше «захватывал» то Регул, то Наос, то Альдебаран.

Датчик упорно не хотел «видеть» Канопус. Перед коррекцией он вновь потерял звезду, аппарат начал вращаться. В Центре управления специалисты заволновались, но в конце концов «Маринер-4» лег на нужный курс. Расчеты показали, что аппарат должен пройти на расстоянии около 8850 км от Марса.

А датчик продолжал «хулиганить». Неподалеку от аппарата пролетела метеорная частица. Так как она была ярко освещена Солнцем, датчик обратил на нее внимание, а Канопус ушел из поля его зрения.

Только через 10 дней удалось вновь сориентировать «Маринер-4» на эту звезду.

12 февраля 1965 года с объективов телекамеры была сброшена крышка. Аппаратура была направлена таким образом, чтобы при пролете Марса телекамера оказалась нацеленной на планету. И хотя до Марса еще предстояло лететь несколько месяцев, телевизионная аппаратура была приведена в полную готовность. Специалисты Центра управления опасались, что на завершающем этапе откажет автоматика.

Предусмотрительность не была напрасной. 3 марта вышел из строя счетчик Гейгера-Мюллера, а через две недели — ионизационная камера.

К 15 июля «Маринер-4» уже 228 суток находился в космосе, он пролетел 523 миллиона 200 тысяч километров. В ночь с 14 на 15 июля аппа-

рат пролетел мимо Марса, расстояние до планеты было всего 9846 километров.

«Маринер-4» передал на Землю 22 снимка поверхности красной планеты и провел зондирование атмосферы.

На снимках видно более 70 кратеров диаметром от четырех до 120 километров. Край кратеров поднимаются над уровнем поверхности на 100 метров, глубина марсианских «воронков» — несколько сот метров. Кратеры по своему характеру напоминают лунные, их возраст 2—5 миллиардов лет. Так как там нет эрозии, то ученые считают, что за это время атмосфера на Марсе не претерпела существенных изменений. На краю некоторых кратеров просматривается иней, других признаков воды нет.

На первых снимках видны пятна. Очевидно, это облака. А может быть, дефекты объектива? Американские ученые (уже после пролета аппарата Марса) еще раз включили телекамеру. Было сделано 10 снимков космического пространства. Пять из них переданы на Землю. Они оказались абсолютно черными. Таким образом, пятна на снимках — это какие-то образования в марсианской атмосфере. Какие именно? Данные, полученные с «Маринера-4», были явно недостаточными, чтобы ответить на этот вопрос.

«Маринер-4» помог выяснить и характер атмосферы Марса, в частности, давление у поверхности.

Аппарат стал искусственным спутником Солнца. Земля поддерживала связь с ним до 20 декабря 1967 года.

Американские специалисты считают полет «Маринера-4» одним из самых успешных в их программе исследования космического пространства и планет с помощью автоматов. До запуска они оценивали вероятность получения снимков в 28 процентов, а работу без выхода из строя 32 000 деталей станции всего в три процента.

Но «Маринер-4» опроверг эти мрачные прогнозы. 15 сентября 1967 года он столкнулся с метеорным потоком. За 7 минут было зарегистрировано 17 ударов микрометеоритов. И хотя было несколько пробоев, аппарат продолжал работать. Правда, следующая встреча с микрометеоритами 10 декабря была не столь благоприятной: станция потеряла ориентацию, и прием команд с Земли стал невозможен.

Первые снимки Марса вызвали сенсацию в науке. Перед глазами ученых предстал иной мир, так похожий на лунный, но не менее своеобразный.

И теперь даже самым горячим сторонникам марсиан трудно отстаивать их существование.

...После одного из сеансов связи с «Марсом-3» я спросил у знакомого астронома:

— Стоят ли на советских станциях приборы, которые ведут поиски жизни на Марсе?

— Мы же не писатели-фантасты, — улыбнулся он, — на станциях находится аппаратура, которая нужна для исследований реального, а не вымышленного Марса.

— А не жалко их?

— Марсиан что ли? — переспросил ученый. — Обидно, конечно, чувствовать себя одинокими в Солнечной системе, но это действительность.

— Неужели там нет, ну, ничего живого... Цветочка какого-нибудь или муравья?

— Нет... По крайней мере, я так считаю.

Конечно, он прав — мы знаем это. Ведь Марс — некое подобие пустынной Луны,

— А может быть, где-то среди кратеров этой пустыни затаился крохотный марсианский муравей? — настаивал я.

— В это еще можно верить, — неожиданно согласился ученый. — По крайней мере, прощание с мечтой, которая вот уже добрых сто лет движет науку, не будет таким печальным...

Слово специалисту по управлению:

«ДОЛГИЙ ПУТЬ В ПУСТОТЕ...»

Как представить эти миллионы километров, которые прошли советские станции по космической дороге от Земли до Марса! Как уменьшить астрономические цифры до наших привычных земных масштабов! Прошу простить меня за вольное сравнение, но если полет до Луны — это воскресная поездка из города на рыбалку, то полет к Марсу — уже кругосветное путешествие. Ведь путь к красной планете более чем в 1000 раз длиннее!

Цифры, графики и вновь цифры. Они окружают человека в Центре дальней космической связи, и, честное слово, иногда кажется: возможно ли разобраться в этом потоке информации, льющемся из космоса!

Табло командного пункта еще сохраняют данные только что прошедшего сеанса. До «Марса-2» было 140 миллионов 710 тысяч километров, на прохождении команды по радиомосту «Земля — Марс-2 — Земля» требовалось 16 минут 31 секунда, а за сеанс выдано 42 команды.

Цифры и графики. Нам, специалистам по управлению, они говорят многое.

Все долгие месяцы перелета шла повседневная и кропотливая работа. Прежде всего, конечно, велся постоянный контроль за «жизнью» станции, за его, как говорят специалисты, «дыханием». Он начался сразу после выхода на орбиту.

Между сеансами связи аппарат работает в дежурном режиме: включены системы, необходимые для терморегулирования отсеков станции, и научная аппаратура, которая собирает информацию о межпланетном пространстве.

Во время сеансов на борт выдаются наборы команд, они выполняются непосредственно или «запоминаются» программно-временным устройством, которое автоматически включает нужные приборы или системы.

Все предыдущие космические автоматы, уходившие к Луне или даже Венере, были намного менее «самостоятельными», чем марсианские станции. Те, как дети, нуждались в постоянной опеке Земли, которая определяла их положение в пространстве. Система ориентации и стабилизации у «Марсов» работает автоматически.

«Мы прибили станции звездами к простран-

ству», — сказал кто-то из конструкторов. В его словах чувствовалась гордость за новые системы космической астронавигации, созданные специально для дальних полетов. Что же, он имеет право гордиться!

Станция в полете смотрит на Солнце и Землю. Если она чуть поворачивается, система управления сразу же включает микродвигатели, и они возвращают станцию в нужное положение. Эта жесткость ориентации и породила шутовское выражение о «космических звездах».

Впрочем, Солнца и Земли станции мало. Для определения и фиксации аппарата в пространстве используются Канопус и Сириус. Выбор этих звезд не случаен — они наиболее яркие. Особенной любовью у космических навигаторов пользуется, конечно, Канопус. Эта звезда — просто подарок для создателей межпланетных станций. Она почти неподвижна, никогда не перекрывается Солнцем. А это значит, что его лучи не «лезут» в прибор и не мешают ему видеть Канопус практически все время.

Сотни часов прибор не выпускал Канопус из поля зрения! И во многом благодаря этому станции благополучно преодолели космическую бездну.

Первым в столь далекий путь отправился «Марс-1». Это было в 1962 году. Мне и тогда довелось присутствовать на одном из сеансов связи. Станция уже ушла от Земли на 100 миллионов километров и тем не менее ее голос отчетливо слышен в Центре космической связи.

После сеанса мы возвращались в гостиницу с одним из специалистов по управлению.

— Честно говоря, я не могу поверить, — признался он, — что где-то в глубинах космоса, так далеко от нас, летит кусочек Земли. Причем, мы точно знаем, что происходит на нем... Непостижимо!

За эти годы мы привыкли к таким расстояниям. Границы Солнечной системы сблизились, но тем не менее аппаратам, покидающим планету, прежде чем приблизиться к иному миру, нужно лететь долгие месяцы, лететь со скоростью, намного превышающую скорость пули.

Те, кто мало знаком с небесной механикой, удивляются, почему траектория перелета выбирается таким образом, чтобы противостояние Марса — наикратчайшее расстояние между планетами — приходилось примерно на середину перелета! Выбирается оптимальный вариант, предусматривающий наиболее выгодные условия и для разгона и для торможения у Марса. Сначала станция как бы устремляется за Марсом, а когда она подлетает к цели — планета догоняет аппарат. Следовательно, для погашения скорости станции требуется уже меньшая энергия.

Слежение за траекторией идет в течение всего полета. Непрерывно ведутся измерения параметров, и вычислительные машины анализируют данные, приходящие из космоса, чтобы мы могли знать фактическую орбиту. Мы определяем расстояние, на котором станция пройдет мимо Марса. И если оно слишком велико, производится коррекция.

Станция попадает под влияние притяжения Солнца, Земли, планет. Ее путь замысловат и извилист, рассчитать его чрезвычайно сложно. И хотя небесная механика существует уже много десятков лет, ошибки все-таки есть...

Десятки ученых посвящали свою жизнь изучению красной планеты. Большинство из них интересовались «каналами», полярными шапками, физическими условиями в морях и на материках. Но были среди них и такие, которые видели Марс лишь как один из элементов грандиозной «карусели», именуемой Солнечной системой. Они пытались выяснить орбиты планет, влияние их друг на друга, законы их движения.

Среди этих ученых одним из первых мы по праву называем датского астронома Тихо Браге, «великого полководца, начавшего поход против небесных тайн», как говорил о нем Иоганн Кеплер.

Тихо Браге отделяют от нас века, но его присутствие постоянно ощущали все, кто прокладывал маршрут полета «Марса-2» и «Марса-3» на звездной карте.

Тихо Браге заточил себя в обсерватории, романтически названной «замком Урании», чтобы познать звездный мир, раскинувшийся над головой. Да, ему приходилось бывать во дворце, принимать участие в празднествах, вращаться в высшем свете — ведь как-никак он был придворным астрономом и астрологом. Но только здесь, в тиши своей обсерватории он чувствовал себя нужным и не одиноким. Тихо Браге разрабатывал оригинальные астрономические инструменты и с их помощью вел систематические наблюдения за небесными телами. Работал он скрупулезно, изо дня в день на протяжении многих лет. Жизнь Тихо Браге — пример отрешенности ученого от всего земного. Только при разговоре о звездах и других мирах Тихо Браге оживлялся — остальное его не интересовало.

После смерти короля он вынужден был покинуть Данию, и остаток жизни больной и измученный Тихо Браге провел в Германии, а потом в Праге.

Датскому ученому принадлежат открытия в звездной астрономии, в изучении Луны и комет, в исследовании планет. Последние 16 лет жизни он вел специальные наблюдения Марса, пытаясь создать теорию движения планет. Его попытка была безуспешной, потому что Тихо Браге считал

Землю неподвижной. Он помещал ее в «центре мира», вокруг которого перемещается и Солнце, и Луна, и планеты.

После смерти он завещал все свои рукописи Иоганну Кеплеру. Старый астроном верил в молодого исследователя. И не ошибся...

Вскоре небесная механика превратилась в точную науку. Но все поколения ученых по праву считают, что первый «краеугольный камень» в фундамент их науки был положен Тихо Браге.

А станция «Марс» приближается к заветной точке пространства, где ей предстоит изменить траекторию. Нужно осуществить сложный маневр — коррекцию. Станция должна выйти на новую межпланетную орбиту, и нам, группе управления, отводится роль «стрелочника», который переводит поезд с одной железнодорожной колеи на другую.

Параметры орбиты известны. Мы знаем, на каком расстоянии пройдет станция мимо Марса. Электронные вычислительные машины определяют, в каком направлении, на какой угол нужно развернуть станцию и какой величины импульс надо ей сообщить, т. е. сколько времени нужно для работы двигателя.

Данные о коррекции поступают на борт. Система ориентации и гироскопические приборы осуществляют контроль за всеми операциями. Когда двигатель занимает расчетное положение в пространстве, он включается и работает строго определенное время. Приращение скорости и составляет станцию лететь уже по новой «колее».

Во время перелета проводилось две коррекции. После них мы уже были уверены, что и Марс и «Марсы» обязательно встретятся друг с другом.

— Не кажется ли вам, что баллистику требуется богатое воображение, чтобы представить весь путь станции в космосе? — спросил я.

— Без сомнения, — ответил инженер. — Но нам легче — ведь разработан точный математический аппарат, известны параметры орбит. За расчетами скрывается вполне реальная картина.

А ведь был первый человек, которому предстояло мысленно перенестись в космос и увидеть планеты Солнечной системы как бы со стороны. Это был выдающийся немецкий астроном Иоганн Кеплер.

400 лет со дня его рождения исполнилось 27 декабря 1971 года, как раз в те дни, когда мы с нетерпением ждали первых сообщений от земных посланцев, начавших полет вокруг красной планеты. Труд гениев принадлежит не только истории, он и в наших делах. Не поэтому ли создатели «Марсов» так тепло говорили в те дни об Иоганне Кеплере?

Он жил давно, но его дела пережили столетия. И не только дела. Черты характера тоже, потому что и сегодня Иоганн Кеплер может служить примером для любого, кто мечтает посвятить себя науке или уже служит ей.

В тот год, когда был сожжен на костре Джордано Бруно, 28-летний Иоганн Кеплер приехал в Прагу, чтобы работать у Тихо Браге и продолжить наступление науки на мракобесие религии.

Началась жизнь, полная лишений. Бедность («Здесь нет ничего верного... Содержание обещано блестящее, но казна пуста, и жалованья не дают»), война, эпидемия оспы, которая уносит старшего сына. Из Праги ученый переезжает в австрийский город Линц. Но и здесь беды преследуют его. Мать сажают в тюрьму, обвинив в колдовстве. Пять лет инквизиторы допрашивают ее, каждый день над ее головой занесен топор палача...

Лишь Вселенная приносит Кеплеру радость. Погружаясь в математические расчеты, он словно путешествует по бесконечным космическим дорогам, чтобы потом описать их в своих работах. Впрочем, сначала не все идет гладко. Первая работа развивает идеи Платона. Она получает восхищенные отзывы коллег, но Кеплер вскоре понимает, что выводы ошибочны, и всю дальнейшую жизнь доказывает это.

Наблюдения Тихо Браге плюс свои собственные — это гигантский фундамент экспериментальных данных. И то, что не удается предшественникам, делает Кеплер. Астроном анализирует движение планет — рождаются законы Кеплера, благодаря которым Солнечная система отображается в сознании людей такой, какая она есть на самом деле.

О конструкции марсианской станции можно говорить многое. Сложнейшие системы и аппаратура, точнейшие приборы и уникальные материалы — это не традиционный набор слов, это действительно так. Ведь космической машине предназначалось работать и на межпланетной трассе, и на орбите вокруг Марса.

Попробуем перевести эти проблемы на «земной язык».

8 часов вечера, Ленинские горы. Внизу лежит Москва. Ваша задача: среди многих тысяч огоньков найти то единственное окно вашей квартиры, где вы забыли выключить свет.

Или 1 мая. Вы смотрите телевизор. Где-то там на площади идет знакомый вам человек. Он что-то говорит соседу и вы должны не только услышать его голос, но и разобрать, что именно он сказал.

Ну, а с бактериями совсем просто. В комнате их многие миллиарды. Вам необходимо воздвиг-

нуть на их пути преграду, такую, чтобы ни одна из бактерий не могла сквозь нее проникнуть.

Вы, конечно, с юмором относитесь к этим «несерьезным» предположениям автора. Но тем не менее создателям автоматических станций «Марс-2» и «Марс-3», образно говоря, приходилось решать именно подобные задачи, отправляясь с Земли в долгое путешествие двух марсианских разведчиков.

Шесть месяцев летали станции в космос. Одна сторона постоянно обращена к Солнцу, другая — в черноту космоса. Газ, наполняющий отсеки, циркулировал от «печки» к «холодильнику», постоянно поддерживая внутри станции заданную температуру. И если бы в оболочке приборного отсека существовала микротрещина, настолько маленькая, что в нее не сможет протиснуться даже бактерия, газ все равно постепенно испарился бы в космос. Потребовались специальные материалы и способы их соединения, чтобы сделать конструкцию «газонепроницаемой».

«Голос» станции постоянно заглушается космическими шумами. Поставить передатчик, сигнал которого превышал бы уровень радиоголосов Вселенной, невозможно — он был бы слишком громоздок и тяжел. И голос станции пришлось выделять из космического «радиогомона». Для этого потребовалось оснастить Центр дальней космической радиосвязи огромным количеством сложнейшей электронной аппаратуры, очень чувствительными антеннами, системами электронных вычислительных машин, которые анализируют поступающую из района Марса информацию. Задача та же самая, что найти среди демонстрантов на Красной площади одного человека...

«ПУСТЫНЯ ИЛИ ЛЕСА!»

В телескоп на Марсе отчетливо видны темные и светлые области. Скиапарелли, открывший «каналы», составил первую подробную карту планеты, на которой желто-красные светлые области он нарек «материками», а голубоватые (темные) «морями».

Уже само распределение этих областей на-

талкивает на размышления. Если на Земле большую часть ее поверхности занимают океаны и моря, а суше отведено довольно скромное место, то на Марсе картина обратная: материка на нем преобладают. Впрочем, это легко объяснить — Марс менее богат водой, чем Земля. А что живительная влага там есть, сомнений у современников Скиапарелли не было. В некоторых районах сквозь голубоватую дымку просвечивала желтизна. Значит, это не что иное, как песчаные банки — глубина моря здесь невелика.

Так, наверное, и дошло бы до нашего времени это разделение на материки и моря, если бы Марс не удивил одной особенностью: темные области постоянно изменяются. На этой планете словно не существует постоянной береговой линии, границы между сушей и морем эпизодически перемещаются.

— Это болота! — воскликнул В. Пиккеринг в 1892 году. — Причем особые болота — марсианские. Они непременно бывают то сушей, то морем!

То ли не понравилось слово «болота», то ли из-за отсутствия убедительных доказательств, но утверждение Пиккеринга вызвало бурю протеста.

Астрономы начали экспериментировать. Наиболее подходящими земными материалами оказались вода и... ртуть. Причем получалось, что суша — это как раз темные области, а море — светлые.

Тут уж не выдержал Скиапарелли. Он провел опыты по поглощению света и с юмором написал: «Если моря состоят из молока или жидкой серы, то в этом случае я согласен — они должны быть светлыми».

Мнение маститого ученого оказалось решающим — В. Пиккеринг получил довольно большое количество сторонников. Его энергично поддержал еще один крупный «марсианин» — Лоуэлл. Правда, он несколько уточнил представления о морях. Астроном утверждал, что это низины, куда стекает вода в процессе таяния снега и льда. Она делает плодородной болотистую почву, на которой бурно развивается растительность, именно ей и обязаны моря своим цветом.

Мог ли Лоуэлл предположить, что его гипотеза получит столько сторонников в XIX веке, а один из них — Гавриил Андрианович Тихов создаст новую область науки, пожалуй, одну из самых популярных в первой половине нашего века!

На Пулковских высотах шли ожесточенные бои. Фашисты наступали на Ленинград, началась битва под Москвой. В эти дни решалась судьба страны, а в далекой Алма-Ате, куда были эвакуированы астрономы из Пулкова, Г. А. Тихов фотографировал Марс. Он применял светофильтры, чтобы более резко выделить марсианский рельеф и наконец-то понять, почему происходит столь резкое изменение цвета у морей. Тихов получил около тысячи снимков. И была создана новая отрасль науки — астроботаника, которая изучает растительный покров Марса и Венеры. Потом, после войны, многие западные ученые недоумевали: как же это так, в столь грозные годы заниматься Марсом, откуда у русских была такая уверенность в своей будущей победе! Им было трудно понять, что астроботаника Тихова, археологические раскопки в Самарканде, изучение звездных ассоциаций в Армении и многое другое, чем занимались ученые в те годы, и рождало ту самую уверенность в будущем, которая была так необходима для фронта.

Г. А. Тихов не только смотрел на Марс. Он поднялся на Памир, чтобы доказать: на Земле в невероятно трудных условиях, близких к марсианским, есть жизнь. Потом он написал:

«Многие отрицают существование микроорганизмов на других планетах, приводя сотни всевозможных возражений. Безусловно, возражать легче, чем доказывать. Для доказательств нужны убедительные факты. Но сегодня у нас нет возможности побывать, например, на Марсе и привести маловероятно неопровержимые доказательства. Зато у ученых есть другие возможности. Они могут, тщательно изучая разнообразные жизненные формы на Земле и условия их существования, сопоставлять полученные данные с условиями на планетах Солнечной системы и тем самым делать научные предположения о возможности жизни организмов на других планетах.

В этом, пожалуй, и заключается сила подлинной науки».

Гавриил Андрианович пришел к выводу, что в районе полярных шапок растут вечнозеленые растения, похожие на мхи, бруснику, клюкву, морошку, возможно, даже — низкорослые деревья. Летом растения становятся коричневато-фиолетовыми, они не отражают инфракрасных лучей, и только этим можно объяснить их цвет.

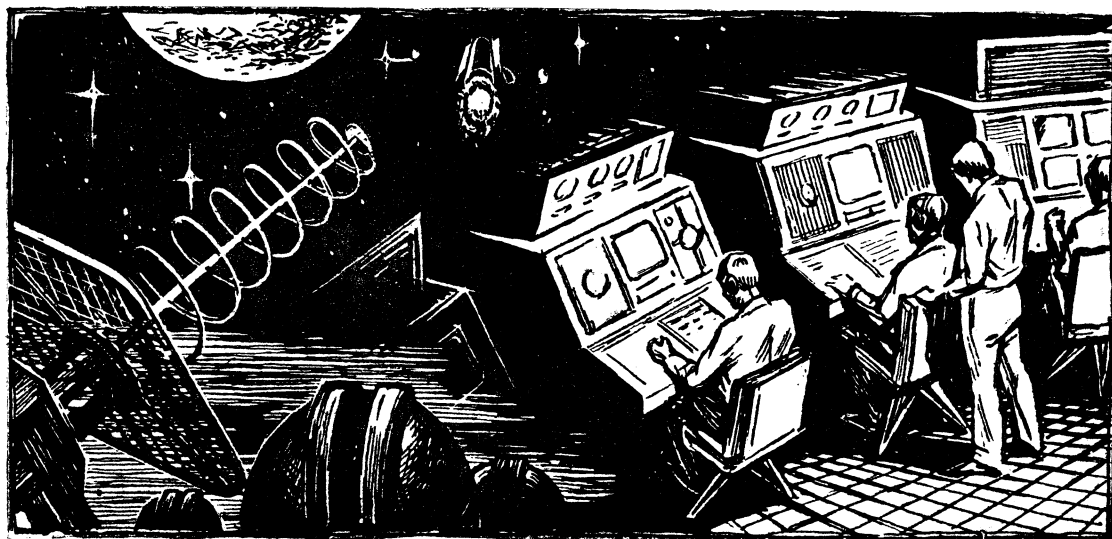
«Если принять во внимание, что между климатом Марса и Памира много общего, — делает заключение Тихов, — то сходство между цветом растительных покровов на Марсе и цветом растительности на Памире уже нельзя считать случайностью».

31 июля и 5 августа 1969 года мимо Марса промчались две автоматические станции «Маринер-6» и «Маринер-7». Первый аппарат прошел на расстоянии 3430 километров от поверхности планеты, второй — на расстоянии 3428 километров. Фотографирование Марса началось приблизительно с расстояния в 1,5 миллиона километров. В общей сложности на Землю поступило около 200 снимков планеты. Межпланетные станции провели ряд научных измерений.

Американские ученые после обработки данных сообщили, что марсианскую поверхность можно разделить на три типа: «кратерную», «непересеченную» и «хаотичную». Диаметр кратеров, видимых на снимках, колеблется от 400 метров до 800 километров. Причем признаков их вулканического происхождения не обнаружено. Предполагается, что наиболее крупные кратеры образовались при столкновении Марса с астероидами.

На дне некоторых кратеров видны осыпи, просматриваются и террасы, аналогичные тем, что есть у лунных кратеров Коперник и Аристарх. Однако в целом марсианские «воронки» не похожи на лунные: их края сглажены.

Пустыня Хеллас — «непересеченный» тип поверхности. На ней нет кратеров, ровная, как поле для гольфа, площадка. Очевидно, из-за постоянных бурь сюда перенесен более легкий материал,

он засыпал кратеры. А ветер постоянно выравнивает поверхность как в наших пустынях...

«Хаотические» районы — это хребты и долины. Их обнаружил в районе южного полюса «Маринер-7».

Если судить по снимкам, то на Марсе никогда не было ни морей, ни рек, ни озер. Водяные потоки неизменно изменили рельеф Земли, преобразили его. На Марсе следов таких потоков нет.

Ну, а легендарные «каналы»? Это валы больших кратеров или ряд темных пятен, очевидно, разрывы поверхности.

Полярные шапки состоят из белого вещества. Но это не снег и не лед, так как толщина вещества около 80 сантиметров. По расчетам же вся вода планеты, сконцентрированная на полярных шапках, не может превышать 3—6 миллиметров. Итак, вероятнее всего, шапки состоят из замерзшей углекислоты.

Атмосфера Марса в основном состоит из углекислого газа. Есть в ней небольшое количество окиси углерода, атомарного водорода и кислорода, а также водяного пара.

Исследования, которые проведены с марсианских станций, показывают, что наличие растительности маловероятно. В тех районах, которые попали в поле зрения фотокамер, ее нет — это установлено точно. Сезонные изменения на планете, «волны помутнения», различная отражательная способность поверхности связана с физическими и химическими условиями. Состав марсианских почв в различных районах не одинаков, к тому же сильные ветры и бури переносят гигантские массы вещества по поверхности и это вызывает изменения ее цвета.

Растительность на Марсе — всего лишь легенда, как и могущественные марсиане, построившие «каналы». Что же, жизнь Гавриила Ан-

дриановича Тихова была напрасной? Значит, ученый провел долгие годы у телескопа и в экспедициях во имя того, чтобы ошибиться!

В Центре дальней космической связи я разговаривал с учеными. Вопрос был общий ко всем: что привело вас к Марсу?

— Мечта,— ответил один.— С детства я увлекался книгами по астрономии, в особенности работами Гавриила Андриановича Тихова. Из-за него, пожалуй, Марс стал таким привлекательным...

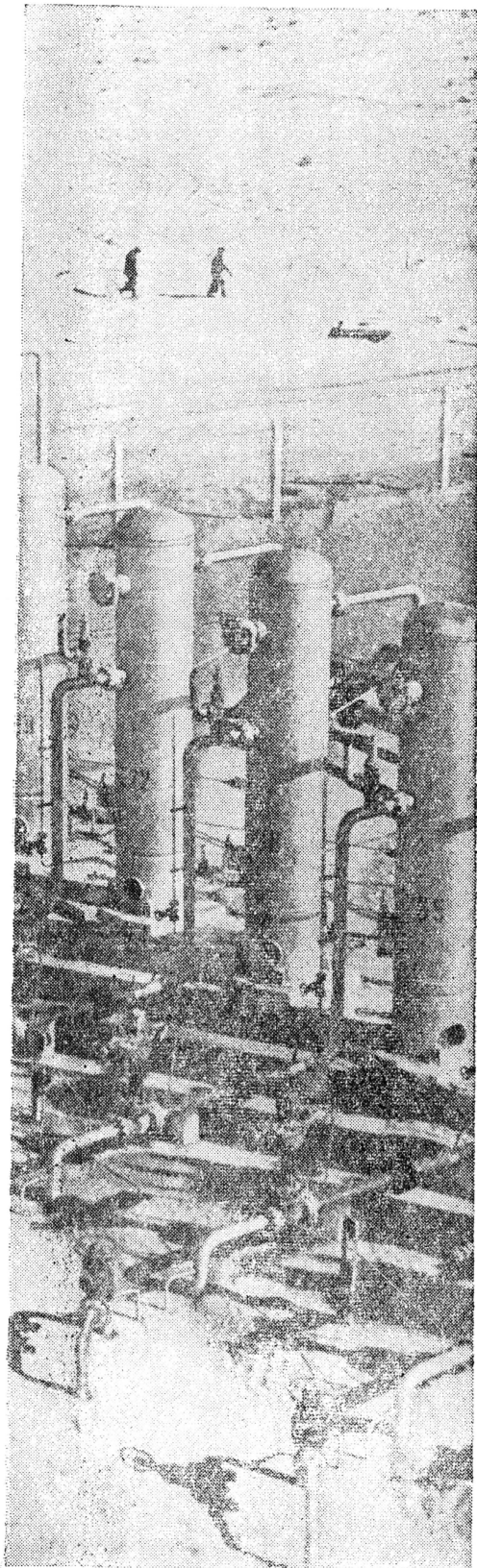
— Я всегда вспоминаю в таких случаях телевизионный КВН,— сказал конструктор.— Встречались две команды, капитаном одной из них был Александр Янгель. И вот на вопрос своего соперника «Есть ли жизнь на Марсе!» Саша ответил стихами:

Чтоб ответить на вопрос,
Я послал на Марс запрос.
Вскоре мне пришел ответ:
Не волнуйтесь — жизни нет.

— Помню, я долго смеялся этой шутке,— продолжал конструктор,— а потом понял: в сердце каждого из нас постоянно жила уверенность в существовании жизни на Марсе, и она вдохновляла при создании станций «Марс»...

— ...Хотя мы и не верили, что это так,— добавил коллега конструктора,— но работы Гавриила Андриановича Тихова подсказали один из экспериментов, который проводится с борта орбитальной станции. У фотометров, установленных на «Марсе-2» и «Марсе-3», есть набор светофильтров. Они разного цвета, что помогает выявить отражательные способности различных районов Марса. То, что делал Г. А. Тихов с Земли, сейчас станции осуществляют в космосе. Они находятся в более благоприятных условиях — расстояние до планеты измеряется не десятками миллионов километров, а всего лишь тысячами,

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЧЕРЕЗ ПЕСКИ И ЛЕСА

Далеко-далеко от Свердловска, что на Среднем Урале, есть еще один Свердловск. Его жители не металлурги и машиностроители, а хлопкоробы. Вокруг не леса, а знаменитая пустыня Кызылкум...

Абдулла Куклямов — бухарский свердловчанин. Руководит бригадой в колхозе имени Свердлова. Знаменит Куклямов на всю Узбекскую ССР — недаром наградили его орденом Ленина! Куклямовцы дают стране хлопок и виноград, яблоки и урюк, коконы тутового шелкопряда. Сто тридцать три гектара закреплено за бригадой. Сто тридцать три гектара удивительно плодородной земли. Но...

Мы идем по Бухаре с фотокорреспондентом областной газеты Григорием Якубовым. Я никогда не был в этом старинном городе, и коллега вызвался стать моим гидом.

— Что это, по-твоему? — спрашивает он, показывая на сероватый пух, забившийся в щели лопнувшего асфальта.

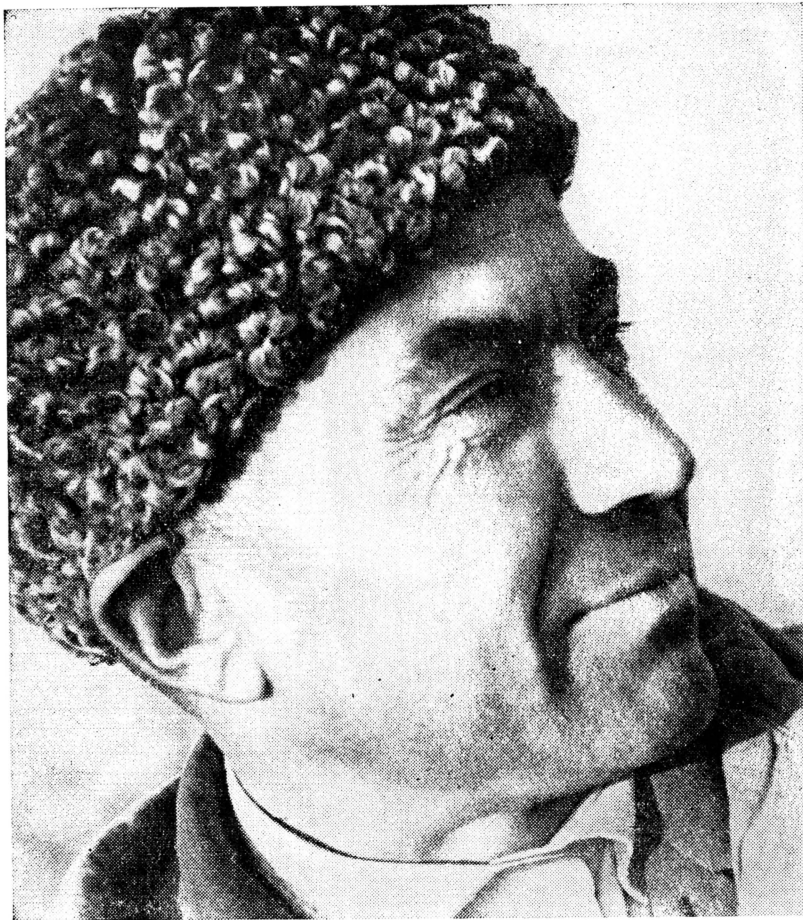
— Похоже, что тополиный «снег»? Но тополей вокруг не видно, — отвечаю.

— Это соль. Обыкновенная соль. Вся земля в Бухаре и вокруг пропитана солью...

К плантациям бригады Куклямова идет вода из канала Аму-Дарья — Бухара. И вот весной берут хлопкоробы кетмени, из канавы в канаву пропускают воду, она промывает землю и стекает в траншею сброса горькой-горькой.

Соль земли... Ты откуда? Может, от слез, пролитых за многие века? Или от крови людской?..

«...В первых числах марта в каждой хавличке — дворике — Арка были вырыты канавы длиной восемь, шириной два и глубиной шесть метров. Приговоренных к смерти связывали по рукам и ногам, укладывали ровненько в ряд, так, чтобы головы их свисали над краем канавы; потом палачи протыкали мученикам горло тщательно наточенными ножами; ученики палачей за ноги оттащивали трупы в сторону и на краю канавы размещали — в том же порядке — следующую партию тех, кто, дожидаясь удара палаческим

Абдулла Куклямов,

ножом, стоял в очереди за смертью... Через два дня канавы наполнились кровью и над Арком повис густой, отвратительный запах...»

Эти строки — из повести «Палачи» основоположника советской таджикской литературы Садриддина Айни. Они повествуют о событиях марта 1918 года.

Нелегко был путь к победе. Только 2 сентября 1920 года М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину, что революционные отряды и восстановившие дехкане при поддержке отрядов Красной Армии взяли логово бухарского эмира. А через двенадцать дней первый Всебухарский народный курултай провозгласил Бухарскую народную советскую республику.

До полной победы было еще далеко. Лишь в начале 1924 года разгромленные банды басмачей были выброшены за границу. И пятый курултай Советов Бухарской народной советской республики провозгласил: «...выражая верховную волю народов Бухары, объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской автономной обла-

сти. Выражаем также братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики. Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркменистана в СССР».

Бухара многолика: неповторимые чувства одолевают, когда идешь зимней ночью по мрачным ущельям старой Бухары. Две автомашины не смогут разъехаться на таких улицах. Черное небо опускается на землю и мириадами звезд наблюдает за человеком. Неожиданно вольется улица в площадь, и стоит перед тобой тысячелетний памятник-минарет. Калян — имя ему. Это центр величавого архитектурного ансамбля Пси-Калян. Центр древней Бухары. Башней смерти зовут в народе минарет. По преданию, смертью «отблагодарил» в 1127 году создателя, создавшего минарет, владыка Бухары.

С фасадов медресе, мечетей почти исчезла мозаика, время выщербило и лазурные купола. «Когда с дневного света входили сюда в большую, наполненную полумраком пещеру, казалось, что призраки разбегаются и замирают

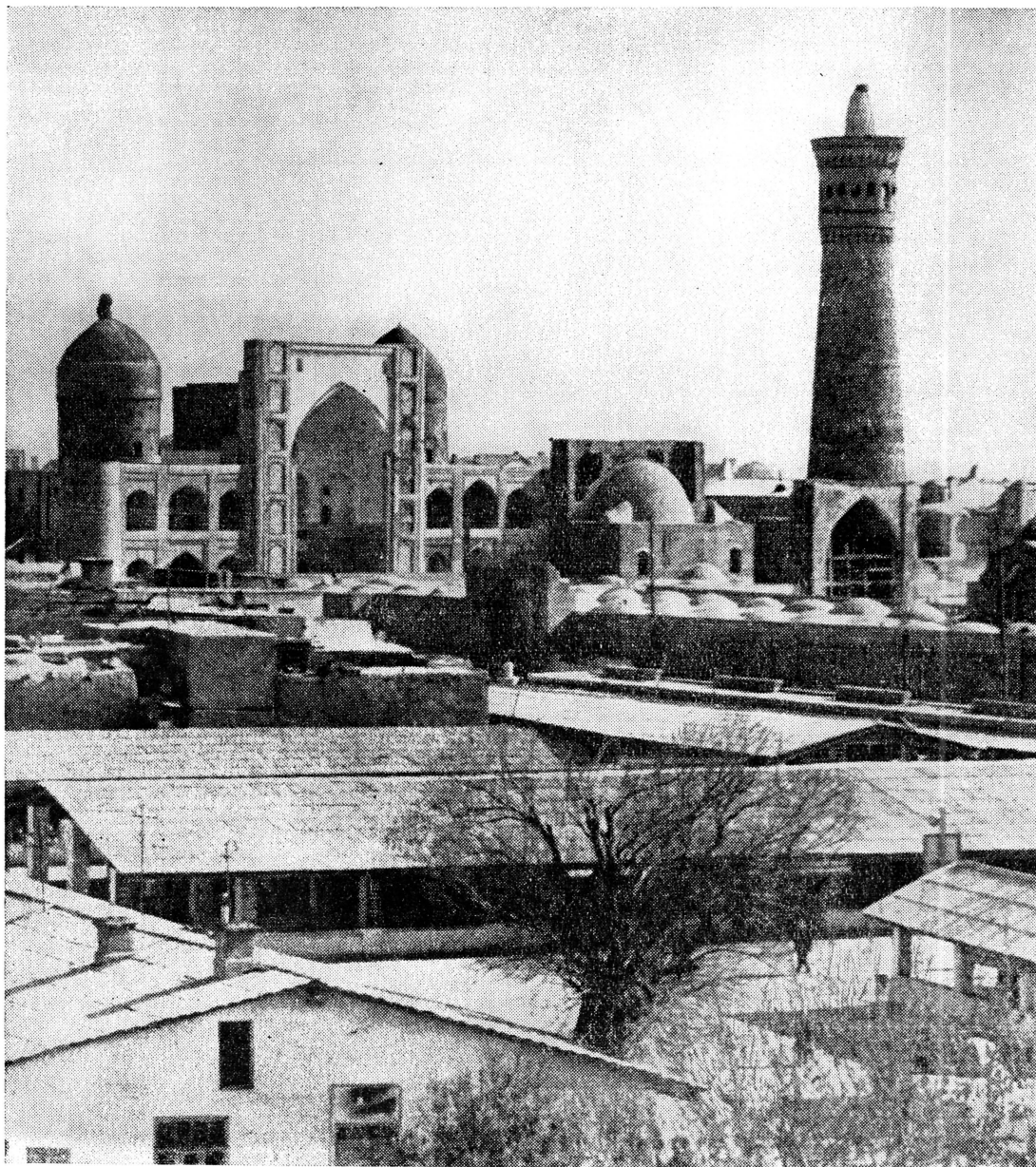
в углах. Окон не было, лишь алебастровая панджара выходила внутрь огромного купола над мечетью Мири-Араб, и, если взглянуть туда, страх возрастал, словно заглядываешь в неведомый, туманный, непостижимый мир, в потустороннюю сферу мироздания»...

Так писал знаток Бухары Садриддин Айни. Так жила Бухара, прячась от солнца в тесных караван-сараях, под торговыми куполами, за бесконечными глинобитными стенами домов, закованная в латы адата; зеленела и источала зло-

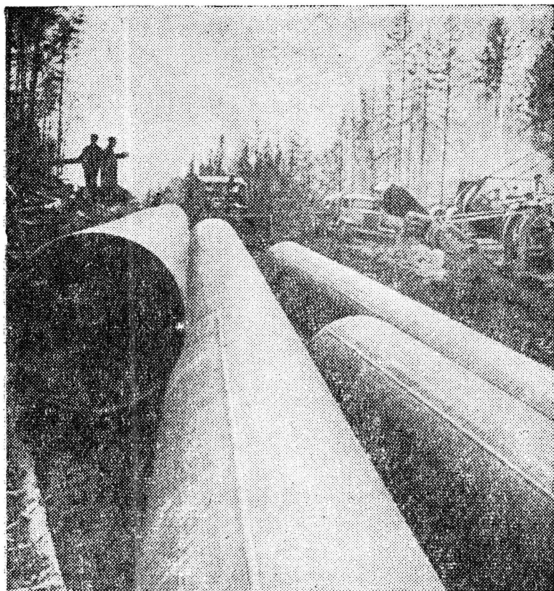
воние вода городского арыка — поильца бедного люда...

Прошло всего пятьдесят лет. Капелька в море времени, прожитом городом. Пятьдесят лет сделали то, чего не сделали тысячелетия. То, что было полвека назад, кажется глубокой стариной...

Сегодня в большом почете у бухарцев геологи и промысловики газовых и нефтяных месторождений. Топливо было здесь на вес золота. Теперь же протянулись над улицей трубы газо-

Древняя, как мир, Бухара...

Челябинские трубы.

проводов к каждому дому. Не только варит и жарит газ, но и отопливает старинные здания. Он течет над улицами по тонким трубам. Никакого сравнения с теми, что лежат под землей и дают газ Ташкенту, Уралу. Те во много раз больше в диаметре, но все газовые трубы начинаются в Газлях.

С утра над поселком промысловиков ярко, по-весеннему светит солнце. К полудню сероватая дымка стала подниматься над горизонтом. Солнце померкло. Белоснежные стены домов, сепараторы сборных пунктов и песок стали одного призрачного цвета. Тени исчезли совсем. Подул холодный пронизывающий ветер. И как большой подарок принимаешь на сборном пункте стакан горячего чая.

К сборному пункту тянутся трубы со многих

скважин. Здесь газ очищается от механических примесей и вместе с газоконденсатом идет на головные сооружения. 17 декабря 1956 года ударил из бухарской земли первый фонтан газа. До сих пор посылает голубое топливо к Каменному поясу скважина № 1. К десятилетию промысла комсомольцы своими силами поставили около нее памятник-пирамиду. А скважин с каждым годом становится все больше. Они дают и газ, и газоконденсат — они идут по трубопроводу в Пролетаробад.

Автоматика сама открывает и закрывает скважины. Раньше это делали вручную. Теперь дежурный диспетчер всего промысла сможет закрыть со своего пульта любую скважину.

Растет промысел. В тресте «Бухарагазпромстрой» работают не только узбеки. Из Ставрополя и Башкирии приехали сюда монтажники, строившие магистральные газопроводы по всей европейской части Союза. На компрессорной станции установили газовые турбины, присланные Свердловским турбомоторным заводом. Глубоко под землей проложили трубы, изготовленные в Челябинске. Уральцы помогли смонтировать оборудование на головных сооружениях, и бухарский газ неузнаваемо преобразил условия труда на заводах Урала...

Ветер все сильнее. Он поднимает пыль и песок. Вокруг уже ничего не видно. Летом песок нагреется до шестидесяти градусов. Ничего не скажешь — пустыня. А геологи смеются:

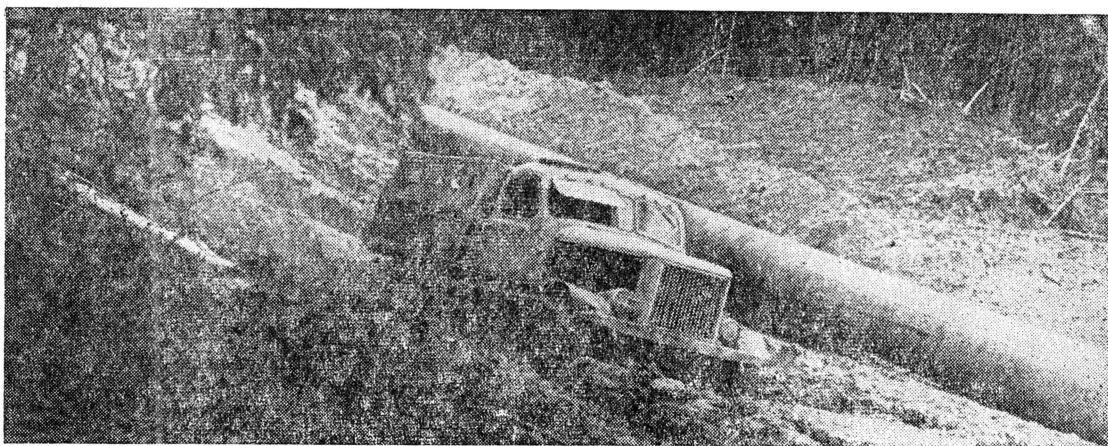
— Разве это пески! Это всего лишь сахар!

Так узбеки зовут те районы Кызылкумов, где песок тяжелее и не кочует, где в изобилии растет верблюжья колючка. Вот чул — другое дело. Вот это пустыня! Барханы навеки погребли города, и археологи с большим трудом находят их...

Самолет на Ташкент уходит утром.

Прощай, Бухара! Много лет я стремился увидеть тебя. Увидел. Но совсем другую, чем в чистых когда-то книгах.

А. НАГИБИН, фото автора

А это уже Урал,

ПОТАПКА

Рассказ

З. ЛИХАЧЕВА

Рисунки В. Бубеницкова

Отсвет утренней зари скользнул по ветке лиственницы, упал на белую сову и окрасил ее в розовый цвет. Птица недовольно захлопала желтыми глазищами, расправила крылья и бесшумно улетела в чащу. С покинутой ветки мягко свалился пласт снега.

Несмотря на спокойную тишину заваленной снегом колымской тайги, зима была не на шутку встревожена. Вот уже несколько дней бродили по тайге смутные, неуловимые запахи, разнося волнующие слухи о скором приходе весны. Деревья под нахлобученными по самые нижние сучья снеговыми папахами, казалось, скрывали нетерпеливое ожидание. А когда в разгоревшемся утре алмазными россыпями заискрился снег, они, словно сговорившись, шлепнули оземь свои пушистые шапки, приветствуя солнце...

Зима, прижимаясь к земле, уползала от горячих лучей в чащобу таежного бурелома, туда, где притаились ночные лиловые тени.

На припеке из-под осевшего снега показался зеленый жесткий листок рододендрона. Как будто кустик высунул лапку, желая узнать, достаточно ли тепло наверху и не пора ли ему покинуть свое зимовье.

Сова, задремавшая в чаще, была опять потревожена. В яме под вывороченным корнем старой упавшей лиственницы зашевелился снег, послышалось громкое пыхтение. Сова ничего сослепу не разглядела, но на всякий случай перелазала на другую ветку — повыше.

Сопенье продолжалось. Наконец из сугроба высунулась озабоченная медвежья морда. Еще немного поработав

лапами и расширив лаз, оттуда вылезла тощая, со свалывшейся на боках шерстью медведица. Она поднялась на задние лапы, со свистом втянула воздух, осмотрелась и заурчала. Тотчас из берлоги, толкаясь, выкатились два маленьких головастых медвежонка и оторопело заморгали от яркого света. Ведь они не знали, что кроме парной темноты берлоги и мохнатого брюха матери существует еще такой огромный сияющий мир!

Оробело прижавшись друг к другу, они смотрели, как мать каталась по снегу и под ее грузным телом с хрустальным звоном раскалывалась ледяная корочка. Медведица опять призывно, ласково заурчала. Медвежата бросились к ней и с веселым рывканьем стали карабкаться на материнский бок.

На шум из дупла выскочила всполошенная белка. Секунду она наблюдала за веселой возней, а потом, сама веселясь, запустила в медвежью семью вылущенной шишкой.

С каждым днем становилось теплее. Деревья расправляли окоченелые ветки, к которым медленно приливал от корней животворный сок. Снег остался только в глубоких распадках.

Медведица начала обучать детей отыскивать еду. От прошлогодней брусники медвежата были в восторге! Темно-красные, ледяные от ночных заморозков ягоды становились кисло-сладкими, оттаяв на шершавых языках. В колючих зарослях еще голого шиповника тоже иногда удавалось отыскать ягоды — сморщенные, мучнистые. Были вкусны и они, только приходилось долго чавкать, чтобы

отодрать прилипающие к языку и небу волосатые зернышки. Неплохими на вкус оказались березовые почки; если разжевать их как следует, во рту образовывалась приятная клейкая кашка.

Как большинство двойняшек, братья были очень похожи, и только материнский глаз мог заметить, что у одного медвежонка лобик пошире, а у другого животик покруглее. Но характерами медвежата резко отличались.

Пузан больше всего любил поест. Всякий новый предмет интересовал его только своей съедобностью. Лобастый же мог надрываться часами, выворачивая какой-нибудь пенек только ради удовлетворения любопытства, только чтобы посмотреть — что же находится под ним?

Медвежата росли и толстели, а медведица оставалась такой же худой. Малыши доставляли ей немало забот. Доряби в глазах она следила за детьми, стараясь не выпускать их из виду. И временами ей, наверное, начинало казаться, что вокруг бегают не два медвежонка, а по крайней мере десяток.

Не зная, куда девать распирающую их энергию, братья непрерывно дрались. Поводов для ссор было много. Чаще всего начиналось с борьбы, во время которой кто-нибудь, нарушая правила, начинал кусаться. Тогда другой в справедливом негодовании закатывал противни-

ку оплеуху, и тот вверх тормашками плюхался на землю. Услышав душераздирающие вопли, медведица спешила на помощь и с материнской объективностью награждала шлепками того, кого заставляла на ногах. На некоторое время воцарялся порядок. Разбежавшиеся драчуны хныкали поодиночке. Но стоило матери зазеваться, как за ее спиной снова поднималась возня. Зато когда приходила ночь, маленькая звездочка в темном небе до рассвета могла глазеть в берлогу, любуясь нежно обнявшимися спящими братишками.

В один из погожих дней медвежья семья отправилась на реку. По весне в бурливые таежные реки из моря огромными косяками приходит кета. Она сама вывелась здесь из маленьких красных икринок. Потом беззащитные мальки, сбившись в трусливые стайки, спустились по течению в Охотское море, а из него в Тихий океан. Через три года, став красивыми, сильными рыбами, кета возвращается на родину, чтобы отложить икру. Выметавшись, она обессиливает; бурная река подхватывает полуживую рыбу, несет ее вниз, бьет о камни, выбрасывает на отмели. Жизнь этой кеты кончилась: из ее икры вскоре серебряными искорками взметнутся мальки следующего поколения.

Когда идет кета, на берегах таежных рек появляются мохнатые рыбаки. Ору-

дую когтистыми лапами, медведи ловко выуживают рыбу и отбрасывают ее подалее на берег. Потом выкапывают ямки, складывают в них улов и забрасывают его прибрежной галькой, старыми листьями тальника, ветками. Припекающее солнце ускоряет разложение медвежьих запасов, и через два-три дня косолапы рыбаки с удовольствием лакомятся «консервами» собственного приготовления. Свежую рыбу медведи едят неохотно, разве что с голодухи.

Весной, как только сойдет снег, медведи бродят по берегам и, в ожидании прихода кеты, отыскивают рыбы костяки — остатки прошлогодних уловов.

Медведица обшаривала прибрежные кусты, изредка обнюхивая и переворачивая камни, а Пузан и Лобастый молча дрались из-за высохшей рыбеи головы. И тут, как на грех, течением принесло к берегу большую черную корягу, которая, зацепившись за камень, остановилась неподалеку от медвежат.

Это событие заставило братьев прекратить драку и наперегонки закололпать к воде. Лобастый первым взгромоздился на корягу и, увидав карабкающегося за ним Пузана, награбил его увесистым тумачком. Пузан, не ожидавший такого приема, потерял равновесие и шлепнулся в воду.

Услышав пронзительный вопль, медведица примчалась на подмогу. Вытаскивая бултыхающегося Пузана, она задела корягу, и та, качнувшись, стала быстро отплывать от берега. Сидевший на ней Лобастый взвыл.

Оставив Пузана на берегу, медведица вплавь пустилась догонять второго сынишку. Но подхваченная сильным течением коряга уже стремительно неслась по середине реки и вскоре скрылась за поворотом. Крики Лобастого затихли. Отчаявшись его догнать, усталая медведица, тяжело дыша, повернула к берегу, где у самой воды метался и визжал мокрый Пузан.

Вцепившись в корягу всеми четырьмя лапами, медвежонок уже не кричал. Вытягивая шею, он оборачивался и смотрел назад, в надежде увидеть подплывающую мать. Но кругом только вспенивались холодные волны бурливой реки, коряга поворачивалась, накренилась и не раз окунала Лобастого в крутившуюся пену.

В казарму погранпоста збежал запыхавшийся солдат:

— Ребята! По реке медвежонок на дереве плавает! Его в море уносит! Айда спасать!

Пограничники, грохоча сапогами, бросились к выходу. Прихватив багор, смеясь и перешучиваясь, они побежали к моторной лодке.

Моторка помчалась наперерез несущейся коряге. Солдаты зацепили ее багром, несколько рук протянулось к медвежонку. Тот, почуяв спасение, кинулся к людям, но коварная коряга накренилась, и несчастный медвежонок с головой скрылся под водой.

— Пропал!

— Нет, вот он!

За кормой вынырнула ушастая головенка с вытаращенными от ужаса глазами. Медвежонок втащили в лодку. Спасенный сидел смирно, дрожал и позволял себя гладить. Но, очутившись в казарме и почувствовав под лапами твердую почву, он сразу утратил миролюбие. Стал огрызаться и даже позволил себе угрожающе замахиваться лапой. Потом удалился под одну из коек и, усевшись за традиционным солдатским чемоданчиком, дерзил на своем медвеьем языке всем, кто пытался заглянуть в его укрытие. При этом он так воинственно лупил лапами по чемодану, что его решили оставить в покое.

Заботу о медвежонке взял на себя повар Тюлькин — серьезный сероглазый паренек. Подождав, пока медвежонок сам вылезет из-под койки, он забрал его на кухню. Обстоятельства, при которых состоялось их знакомство, осталось тайной. Установлено было только, что медвежонок вышел из кухни в прекрасном настроении, облизываясь и шлепая себя по животу.

А у Тюлькина почему-то был забинтован палец.

Потапка, так называли пограничники Лобастого, быстро освоился в новой обстановке.

Если бы его увидели некультурные сородичи, они решили бы, что медвежонок покрыл позором репутацию дикого зверя, научившись «служить» за кусочек сахара и громко мурлыкать, когда ему чесали за ухом.

Потапкино мурлыканье до глубины ду-

ши возмущало старую кошку Машку. Она шипела, горбатилась по-драконьи и норовила запустить в доверчивый медвежий нос когтистую лапу. Это приучило Потапку при появлении Машки предусмотрительно закрывать нос обеими лапами.

Спал Потапка в казарме, за печкой, на мешке, набитом сеном. Дневные заботы одолевали его и во сне. Лапы то беспокойно дергались, как будто он куда-то бежал, то прижимались к груди, то попросайно вытягивались... Обиженное хныканье сменялось довольным урчанием.

Пограничники любовались спящим медвежонком и вполголоса спорили, разгадывая его бурные сновидения.

Однажды Потапка исчез. Обшарили все закоулки, заглянули под каждую койку, осмотрели кухню, двор. Медвежонок пропал... Вдруг кто-то обратил внимание на оставленное в углу ведро, из которого торчал какой-то мех... В ведре, скрю-

чившись в три погибели, посапывая, причмокивая, сладко спал медвежонок. Его перенесли на сеничник, а ведро повесили на место.

Глубокой ночью страшный грохот поднял на ноги всю казарму. По полу каталось ведро, а из него беспомощно торчали Потапкины задние лапы. Упрямый медвежонок ухитрился по стене добраться до полюбившегося ведра и примоститься в нем на ночлег, да подвел гвоздик, погнувшийся от тяжести...

Тюлькин, который любил во всем порядок, приучил медвежонка есть в определенное время. Утром, в обед, полдник и ужин Потапка являлся в столовую первым. Постепенно медвежонок перешел на самообслуживание. Дежурный подавал ему только суп. За вторым блюдом Потапка подходил сам, держа миску в передних лапах.

Он никогда не просил добавки, ни первого, ни второго. Но если на третье бывал компот или кисель, он торопливо уничтожал лакомство и лез за новой порцией.

Очень скоро медвежонок приучился разбираться в значении фанерных посыльных ящиков. Пока солдаты выкладывали домашние гостинцы, Потапкин нос нетерпеливо елозил по краю стола, усердно докладывая очередному хозяину о вкусных вещах, появляющихся из ящика. Если посылка приходила откуда-нибудь из колхоза, то Потапку угощали сухеными фруктами, сдобными домашними лепешками, медом, салом, семечками. Из городских посылок он получал колбасу, фруктовые консервы, халву и конфеты. И всегда Потапкино пиршество прерывалось появлением Тюлькина.

— Вы что же? — сурово обращался он к смущенным товарищам. — Опять об кормить хотите? Вон, он уже икает!

От наспех проглоченных лакомств на медвежонка нападала жестокая икота. Тюлькин брал его за лапу и вел на кухню отпаивать водой. Медвежонок упирался, оглядывался на солдат, ища сочувствия, но Тюлькин был неумолим. И забавная пара — высокий, ладный паренек и ковыляющий на задних лапах икающий медвежонок — скрывалась за кухонной дверью.

Днем Тюлькин забирал Потапку к себе на кухню, чтобы медвежонок не мешал солдатам, отсыпающимся после ночного дежурства. Но когда Потапка на-

учился открывать духовку и шарить лапой в кастрюлях, вход медведю на кухню был строго воспрещен. Вскоре после этого запрещения медвежий нос, самовольно просунувшийся в кухню, имел очень неприятную встречу с шумовкой. Кстати, это был единственный случай, когда нос сам поплатился за свое любопытство: обычно за него расплачивалась совсем другая часть Потапкиного тела.

Как только Тюлькин надевал белый колпак, куртку и, приступая к своим обязанностям, закрывался в кухне, Потапка садился у дверей. Надранный до черного блеска кожаный нос дергался налево и направо, улавливая чарующие запахи, струившиеся из дверных щелей. При этом Потапка шумно вздыхал, давая понять, что если он понадобится Тюлькину, то за ним далеко ходить не надо, он тут, рядом!

Таежные полянки посинели от созревшей голубики. Пограничники отправились за ягодами, и, конечно, за ними увязался Потапка.

Сначала он честно пробовал по-медвежьи обсасывать синие от крупных ягод ветки. Но вместе с ягодами в рот набивались листики, а это заметно портило вкус лакомства. Тогда Потапка начал подстерегать удобный момент, когда кто-нибудь, поставив кружку с ягодами, зазевается. И вдруг набрел на ведро, которое стояло под кустом и было уже до половины наполнено голубикой. Обкрадывание кружек сразу показалось ему ничтожным занятием. То ли дело — полведра ягод за один присест!

Увидя, что медвежонок засунул голову в ведро, солдаты решили его проучить и спрятались в кустах.

Очистив ведро, Потапка вытащил голову и плутовато огляделся. Что такое? А... где же люди?.. Он был один. Кругом шумела тайга. Она протягивала к нему, своему родному зверю, широкие лапы ветвей, звала его:

— Малыш-ш-ш... малыш-ш-ш... — и обещала надежно спрятать в своей дремучей, пахнущей смолой и прелью чащобе...

Маленькая пичужка, покачиваясь на ветке, уговаривала медвежонка:

— Беги! Беги-и!

А высоченные лиственницы гудели:

— В тайгу-у... В тайгу-у!

Но Потапка не понимал языка тайги. Ему был нужен только голос человека.

А люди ушли... Может быть, навсегда?.. И, подавленный одиночеством, маленький брошенный медвежонок горько заплакал. Тюлькин не выдержал. Подбежав к Потапке, он крепко его обнял и с материнской заботливостью прихлопнул ладонью комаров, облепивших медвежий нос.

А однажды солдаты взяли медвежонка с собой в поселок. Там Потапка познакомился с замечательным человеком — завмагом. Завмаг угостил Потапку сахаром и дал вылизать бочку из-под яблочного повидла. Правда, при прощании хорошее впечатление было немного испорчено, потому что завмаг отнял у Потапки не вполне очищенную от повидла крышку, которую медвежонок собирался унести на память.

Возвращался Потапка в веселой компании поселковых ребятишек. С ними он тоже успел подружиться.

Впоследствии пограничники горько раскаивались, что показали медвежонку дорогу в поселок. Он стал самостоятельно посещать магазин. Причем, освоив-

шись, уже не ждал угощения, а к возмущению завмага усердно угощался сам.

Вообще вылазки Потапки в поселок стали принимать отчасти уголовный характер. Как-то раз, гуляя по поселку, Потапка почуял аппетитный запах. Нос привел его к дому, перед которым на коекак сложенной из кирпичей летней печурке шипела сковорода с оладьями. О! Потап обожал это кушанье!

Воспользовавшись отсутствием хозяйки, он цапнул со сковородки пузырящийся масляный оладышек и тут же заорал, тряся обожженной лапой. Обозлившись, медвежонок встал на дыбы и начал пинать печку. С грохотом покатила железная труба. Из груды разваленных кирпичей взвился удушливый чад горевшего на опрокинутой сковороде масла. Отплатив обидчице-печке, Потапка удрал, благоразумно не дожидаясь хозяйки оладьев, которая с громким криком и здоровенной палкой выбежала из дома.

Старожилы поселка, наверное, до сих пор помнят набег Потапки на пекарню.

Ранним утром, уйдя с заставы, Потапка бесцельно слонялся по спящему поселку. Вдруг незнакомый странный запах привлек его внимание. Запах шел из открытого окна пекарни. Не теряя времени, Потап полез в это окно. В длинном деревянном корыте кто-то пыхтел!

Уцепившись лапами за край, Потапка подтянулся, чтобы заглянуть в корыто, но оно предательски перевернулось и, обдав медвежонка тестом, погребло его под собой.

После панического барахтанья из-под корыта вылез большой колобок на четырех лапах. В слепом ужасе, поскольку глаза были залеплены тестом, колобок вскарабкался на мешки с мукой и, с трудом раздирая глаза, чихнул. От чиха взвился столб белой пыли. Заинтересовавшись новым явлением, Потапка сунул нос в муку и фыркнул, потом шлепнул по

мешку лапой. Мучное облако поднялось к потолку... Восхищенный медвежонок пустился в пляс по открытым мешкам и блаженно урчал, любуясь мучной пургой, поднятой им в пекарне.

Два пекаря, отдохавшие в комнатке, расположенной через узкий коридор, слышали подозрительный шум и, вооружась кочергой и лопатой, с грозным окриком: «Кто тут?!» — ворвались в пекарню.

В душном белом мраке Потапка со страху перепутал окна, бросился в закрытое и вылетел на улицу вместе с рамой.

Так уж заведено у людей: ничто так быстро не собирает толпу, как звон разбиваемых стекол... На этот сигнал бедствия или скандала к пекарне отовсюду сбегались полуодетые люди. Облепленный тестом, обваланный в муке, несчастный медвежонок делал отчаянные попытки прорваться сквозь хохочущее окружение...

Претензии пришлось принимать командир заставы. А отмывать Потапку взялся Тюлькин. Это, кстати, оказалось нелегким делом: тесто успело засохнуть, а добровольно отмокать в пожарной бочке медвежонок не желал.

На заставе кололи свинью. Услышав вырвавшийся из сарая визг, Потапка заторопился. От запаха крови в безобидном звереныше заворочался жаркий, когтистый инстинкт. Обдирая лапами дверь, Потапка стал ломиться в сарай.

— Ах, ты так-то? — рассердился Тюлькин, разделявая тушу. — Смотрика, недавно от мамки, а туда же... крови захотел! Ну, я тебя сейчас проучу!

Дверь приоткрылась, и навстречу ринувшемуся в сарай Потапке медленно выдвинулась бледная свиная голова. Смерть застыла на свиной морде выражением пугающего спокойствия. Потапка рявкнул от неожиданности, попятился и через мгновение без оглядки улепетывал от страшного сарая.

Прошло довольно много времени, когда этот случай напомнил о себе самым неожиданным образом. По центральной улице поселка навстречу Потапке рысцой трусила чья-то свинья. Поматывая головой, чтобы откинуть свисающие на глаза уши, она негромко нахрюкивала какую-то свиную песенку.

Передние лапы Потапки остановились мгновенно, а задние, по инерции продолжая бег, заставили медвежонок шлеп-

нуться на спину. Увидя медвежонок, свинья с истерическим визгом шархнула в сторону. Потапке же вообразилось, что она покушается на его жизнь, и в ужасе он завертелся на спине, на боку, даже на затылке, пока ему не удалось выйти, наконец, из «штопора».

С докладом о происшествии на заставу примчались ребята. Но так как каждый рассказывал одну какую-нибудь подробность, а говорили они все разом, дополняя недостаток красноречия жестами и мимикой, то из всего невообразимого гвалта Тюлькин понял одно: Потап в беде! И сломя голову побежал на выручку.

...Потапка сидел на крыше, обнимая трубу, как своего единственного друга. И только безграничное доверие к Тюлькину заставило медвежонок покинуть свой «высокий пост».

В небе зазвенел прощальный крик улетающих птиц. Пожелтевшую тайгу застлало серым осенним дождем. Потапка задумчиво шлепал по лужам, и хлюпающая грязь кляксами застывала на мохнатых штанах.

Спасая выскобленный пол, дежурный выпроводил Потапку в коридор. Потапка, разобидевшись, ушел во двор.

Свет из окна освещал лужи, на которых вскакивали и лопались грязные пузыри. Не выдержав одиночества, медвежонок влез на завалинку, чтобы заглянуть в окно, и без всякого злого умысла уперся лапой в стекло. Раздался звон, и в казарму посыпались осколки. Медвежонок удивился и шлепнул лапой по другой раме. Дзин-нь! В следующее окно он трахнул сразу обеими лапами и, не задерживаясь, поспешил дальше. Пока выбежали пограничники, Потапка успел высадить еще одно окно. Разбуянившегося медвежонок еле утихомирили. Вытертый половой тряпкой и ею же отшлепанный, он обиженно хныкал за печкой, взывая о сострадании. Но холодный ветер, свистевший в занавешенных одеялами окнах, в тот вечер значительно охладил чувства солдат к своему воспитаннику.

На дальних сопках уже выпал снег. Иней на голых кустах и желтой траве задерживался почти до обеда. Грязь на дворе потрескалась от заморозков.

Потапка угрюмо мотался из казармы во двор, со двора в казарму. Как будто что-то потерял, но что именно и где, никак не может вспомнить...

— Заболел он, что ли? — беспокоились солдаты.

— Может, простыл?

Непривычно белое утро заглянуло в окна. Первый снег ровным слоем лег на землю.

Потапка не явился к завтраку. Казарма не на шутку встревожилась. Обшарив все закоулки, Тюлькин вспомнил о старом заброшенном погребе в дальнем конце двора. Здесь на старых рогожах лежал Потапка. Непоседу одолела зимняя спячка.

— Потапушка! — позвал Тюлькин.

Медвежонок поморгал сонными глазами, помурлыкал и закрыл лапами нос. Его укрыли половиками, завалили сеном и на всякий случай положили рядом связку вяленой рыбы.

Начались снегопады. Казалось, что снег свалился на землю целыми сугробами сразу...

Потапка спал. Он не слышал, как выла над погребом пурга. Не видел, как морозными ночами поднимались в небо зыбкие столбы зеленого северного сияния... Медвежонок спал.

Но вот снега вновь потеряли упругость. Послышалось прерывистое дыхание запыхавшихся весенних ветров. Зима повернула в просторы Ледовитого океана, оставляя на кустах клочья грязного снега. Весенний ветер проник в погреб и защекотал медвежьи ноздри. Потапка чихнул и проснулся.

— Потап? Да ты ли это? — удивился Тюлькин, критически разглядывая большого тощего медведя, который появился в дверях кухни.

Потапка внимательно взглянул на Тюлькина и ласково заурчал. Он попросил есть, как делал это раньше, но сейчас это выглядело страшновато. Ласковое «мурлыканье» походило скорее на рычанье. И когда, развеселившись, Потапка добродушно толкнул Тюлькина, тот едва удержался на ногах.

Теперь Потап все чаще уходил в тайгу. Как он там гулял, чем развлекался, никто не знал. Только по деревьям с ободранной, висевшей, как лохмотья, корой, было видно, что медведь поднимался во весь рост и чистил когти.

Он так же ласкался к людям, по-преж-

нему любил с кем-нибудь повозиться... Но Тюлькина, внимательно наблюдавшего за Потапом, тревожило яркое зеленое пламя, вспыхивавшее в медвежьих глазах во время борьбы. Тюлькин лучше других понимал зверя и боялся, что наступит час, когда Потапку придется пристрелить: сильный зверь, сам того не желая, мог натворить больших бед. И когда в один прекрасный день Потапка не вернулся из тайги, Тюлькин, несмотря на горечь разлуки, облегченно вздохнул.

Пограничники загрустили. Первое время они еще надеялись, что медведь вернется. Но чем ярче светило солнце, чем зеленее становилась тайга, тем больше тускнела надежда на возвращение Потапки.

Километрах в двух от заставы раскинулась чудесная долина. Там прямо из скалы выбивался горячий источник, образуя маленький ручей, лениво журчащий по мелкому каменистому руслу. Окруженная тайгой долина густо заросла шиповником. Случайно прорвавшийся сюда ветер, немного покружившись, падал без сил на землю, одурманенный застоявшимся запахом розовых цветов.

Вода источника обладала целительной силой, и поселковая больница поставила у ручья палатку для приезжих ревматиков.

Однажды под утро живший там старичок-ревматик, главбух из района, был разбужен толчком в щеку. Зная, что в палатке никого, кроме него, нет, главбух удивленно открыл глаза. В рассветном сумраке он увидел, как кто-то на четвереньках удалялся от его кровати. «Кому пришло в голову так глупо шутить?» — подумал он, неприязненно вглядываясь в незнакомца. И вдруг похолодел от ужаса... Незнакомец подошел к столу и, поднявшись во весь рост, оказался здоровенным бурым медведем!

Не в силах пошевелиться, главбух смотрел, как страшный гость вылизывает банку сгущенного молока. Покончив с нею, медведь посопел над столом и, не найдя больше ничего, заслуживающего внимания, спокойно направился к выходу.

Забыв про ломоту в коленных суставах, главбух выскочил с другого конца

палатки и в одном исподнем перекрыл рекорды прославленных бегунов.

— Скорее! Скорей! — задыхаясь, прохрипел он, ворвавшись на заставу. — Медведь на источнике!

Старика отпоили водой и, успокоив, попросили подробно рассказать о происшествии.

Как только главбух в своем рассказе дошел до банки сгущенного молока, пограничники весело переглянулись:

— Да это же наш Потапка!

— Он! Больше некому!

— Может, пожелает домой наведаваться?

Тюлькин и еще один солдат бросились к ключу. Им хотелось если уж не вернуть Потапку, то хоть повидать четвероногого приятеля.

Грузное медвежье тело проложило широкий след по цветущим зарослям шиповника от палатки до опушки леса. Обступившие долину лиственницы играли солнечными зайчиками, качая и подбрасывая их на хвойных лапах.

Чем дальше шли люди в глубь леса, тем угрюмее сдвигались мохнатые, почти сросшиеся вершины деревьев. Казалось, что тайга сердито хмурится.

Наконец впереди зазеленела таежная болотина. Бледно-розовые цветы брусники украшали замшелые пни. На светло-зеленом мху виднелись глубокие вмятины, оставленные медвежьими лапами. Тюлькин тихо присвистнул и передвинул фуражку с затылка на лоб. На мху явственно отпечатались следы не одного, а двух медведей... Потапка нашел себе подругу!

Пограничники повернули обратно. Когда они вышли в долину, им вслед по вершинам деревьев прошумел ветерок. Как будто тайга, затаив дыхание, следила за людьми и только после их ухода вздохнула свободно.

И снова дремучее, непролазное царство хвои, смолы, мхов и буреломных трущоб погрузилось в теплый покой летнего полдня. Только тихо колыхалась шелковинка порванной паутины. Да на болоте, там, где навсегда разошлись пути человека и зверя, в свежие следы сапог, уничтожая чуждый запах, медленно набиралась рыжая вода...

Леонид ШКАВРО

Лето

Солнце ходит на лучах
длинноногой цаплей,
и сверкают в колосках
дождевые капли.

В окружении лесном
поле пахнет хлебом,
в теплом мареве земном
растворилось небо.

Колоски, мне тычась в грудь,
будто бы живые,
шепчут — нас, мол, не забудь,
мы-то золотые.

Песней их я век бы жил.
Согревая душу,
никогда б не уходил,
а стоял и слушал.

У нехоженой тропы,
в поле русском чистом,
мне ль кузнечиков забыть —
маленьких горнистов.

* * *

Сползая с горок муравьиных,
плывет по зелени полян
и спать ложится в луговинах
молочно-дымчатый туман.

А ручеек,
теряясь в росах,
течет из горной речки Пим,
и всем на диво
подголосок

поет,
но голосом своим.

Уж мы-то знаем...

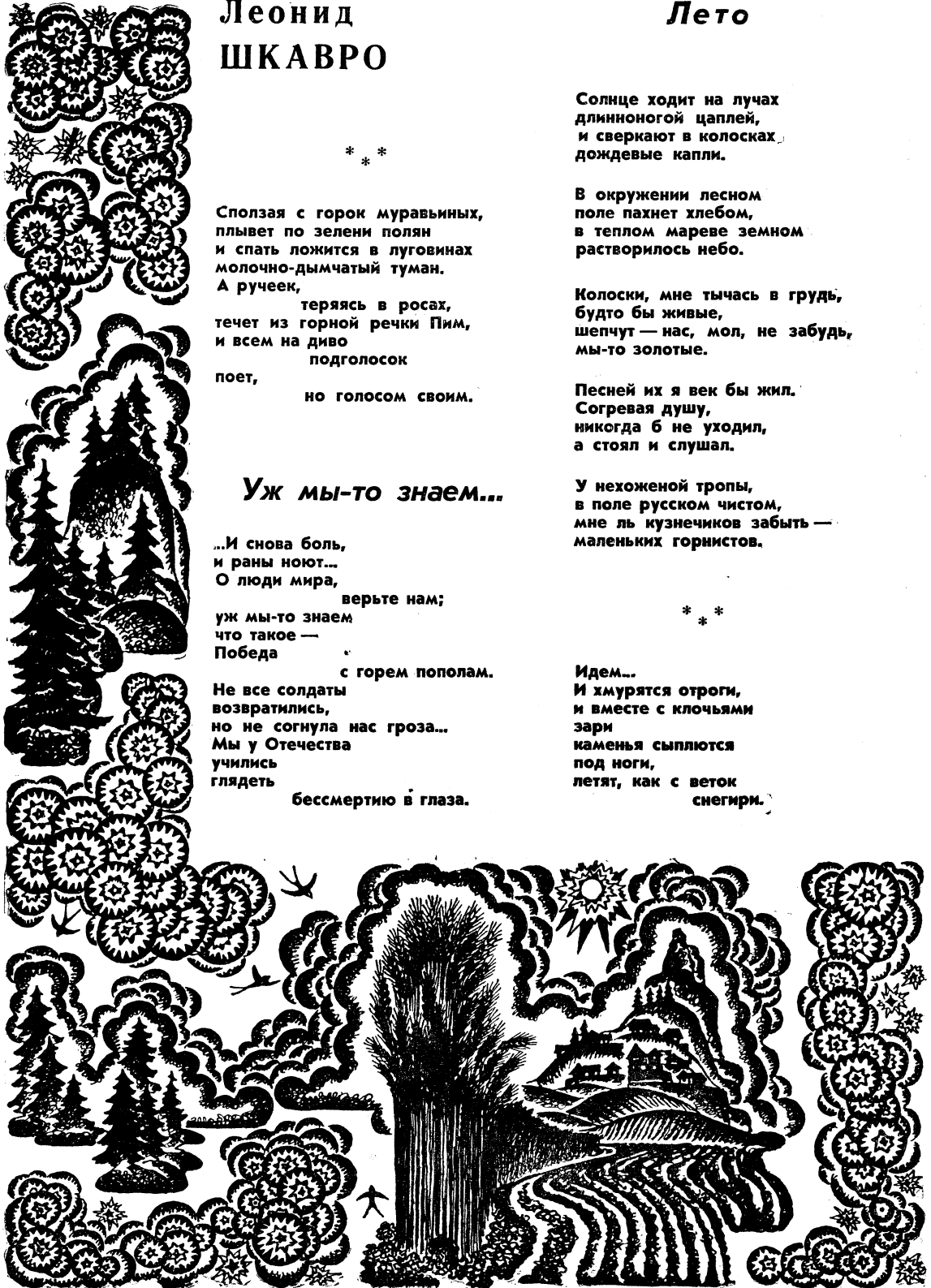
...И снова боль,
и раны ноют...
О люди мира,

верьте нам;
уж мы-то знаем
что такое —
Победа

с горем пополам.
Не все солдаты
возвратились,
но не согнула нас гроза...
Мы у Отечества
учились
глядеть
бессмертию в глаза.

* * *

Идем...
И хмурятся отроги,
и вместе с ключьями
зари
каменья сыплются
под ноги,
летят, как с веток
снегири.)

И крутолобые угорья,
с тайгой удерживая связь,
с грядущим временем
не споря,
нам уступают,

сторонясь.

А мы в двадцатый век суровый,
пробив в неизвестное
пути,
уже вершим

свой город новый.
не чая в летопись
войти.

* * *

О времени судить не будем.
Оно без скидок нас само
потом когда-нибудь рассудит —
кто был важнее для него.

Ну, а пока... Земля другая,
где мир снежинками пропах...
Но почему они не тают,
а остаются на висках!..

И остаются за плечами
не только будничность труда,
а и воздвигнутые нами,
нам снившиеся города...

И тянет нас опять с зимовий,
с еще не пройденных путей,
как птиц к извечному гнездовью,
к любви любимых матерей.

Григорий ПЯТКОВ

Гроза

Она
Надвинулась с норд-оста,
Взяв над водой и небом власть,
Стараясь молниєю острой
В наш сейнер маленький
Попасть.

Рвались,
Казалось, всюду мины —
Глаза у страха велики!
...То было в первую путину,
Как я подался
В рыбаки.

На баке

Лежу одиноко на баке,
Свернувши подушкой бушлат.
Сто миль до ближайшего бакена,
До яблонь, до беленьких хат.

Лежу и люблюсь высью,
Морскою истомой дыша.
И звезды — колючие листья
На древе Вселенной шуршат.

Сегодня мне счастье приснится!..
Лишь выйдет в рассвет пароход —
Твои золотые ресницы
Напомнит мне солнца восход.

СКАЗАНИЕ О СОБИРАТЕЛЕ КНИГ ДОСЕЛЬНЫХ

Эта необычная книжная выставка постоянно открыта в одном из залов Пушкинского дома — так называют находящийся в Ленинграде на Набережной адмирала Макарова Институт русской литературы Академии наук СССР. Здесь не увидишь современного печатного шрифта, ярких гляцевых суперобложек, фотографий на вклейках из меловой бумаги. На полках массивных дубовых шкафов, за стеклами витрин — обтянутые кожей переплеты «досельных» книг с наугольниками и медными застежками, потемневший от времени пергамен рукописей, написанных строгим уставом и полууставом. Удивительны по красоте и мастерству исполнения заставки, буквицы, концовки, выведенные яркой кинноварью, огненной охрой — от них не отвести глаз!

Здесь хронометры, летописцы, заемные кабалы и расписки, апокрифы, древние челобитные, указные, ввозные и жалованные грамоты, кабальные, оброчные, меновые и полюбовные записи; писцовые, межевые, дозорные и окладные книги, ревизские «сказки», сыски, реестры, допросные речи, азбучовники и месяцесловы, цветники, лечебники, травники, сборники стихов и кантов, древние повести и сказания, крестьянские письма, вирши и плачи, запевки, беседы, размышления...

Удивительны судьбы многих документов и книг. Из глубины, казалось бы, навсегда умолкших веков возвратились они к людям, чтобы взволнованно поведать о своем времени, воссоздать картины минувшего, познакомиться с жизнью, делами и думами наших далеких предков, воскре-

сать забытые события и имена. Через столетия подают нам руку писатели и поэты Древней Руси, ее великие летописцы, талантливые переписчики и художники.

Вот под стеклом витрины объемистый том, написанный в 1482 году четким полууставным письмом и разукрашенный яркой кинноварью. Его тяжелый кожаный переплет укреплен на оборотной стороне дубовыми досками. На некоторых листах — любовно выписанные руками переписчика заставки в красках и золоте. Ученые определили, что первым владельцем этого сборника сочинений византийского писателя IV века Василия Великого был князь Андрей из Углича, свергнутый Иваном III. Вместе с сосланными княжескими сыновьями книга оказалась в Вологодском крае. Меняла хозяев, из одних рук переходила в другие. И дошла-таки до нашего времени.

А вот и другая, тоже роскошно оформленная книга — «Евангелие царевны Софьи Алексеевны», с прекрасными миниатюрами на больших листах, переложенных разноцветными закладками из тафты. В конце книги — примечание переписчицы: «Трудисяся Софиа царевна», сестра великого Петра, в годы его малолетства бывшая «правительницей Руси».

Книга эта предназначалась царевной для ее любимца — князя Василия Васильевича Голицына, одного из образованнейших людей той эпохи. В свое время он получил от правительницы титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». Но «Евангелие» не дошло до него — в 1689 году князь был сослан в Архангельский край.

* * *

Мы рассказали только о двух старинных книгах, хранящихся в Пушкинском доме. А всего их здесь более пяти тысяч. И большинство этих редкостей собрал доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев вместе со своими учениками. Собрал, изучил, исследовал...

А когда и как это началось?

Весной 1934 года, едва окончились лекции на первом курсе филфака Ленинградского университета, студент Владимир Малышев поехал на свой страх и риск в крошечную деревушку недалеко от Нарьян-Мара, на месте которой, в прежние времена стоял старинный русский город Пустозерск.

В эту далекую и трудную поездку его увлекла давняя, еще со школьной скамьи, мечта — найти подлинные рукописи одного из крупнейших писателей Древней Руси протопопа Аввакума, который последние пятнадцать лет своей жизни провел в Пустозерске...

Ни в одном из домов не нашлось и строчки, написанной рукой Аввакума. Но в Ленинград студент все же приехал не с пустыми руками — с ним был тяжелый мешок со старинными рукописями. С этого, по словам Владимира Ивановича, и началась его долгая и трудная экспедиция, которая продолжается до сего дня.

Увлеченный охотой за старинной, он строил планы новых поездок на Север. Но их перечеркнула война. Молодой филолог отложил в сторону книги и рукописи, взял в руки винтовку. Воюя под Ленинградом, был командиром стрелкового взвода, потом роты противотанковых ружей. В Синявинских болотах ранило — отлежался в госпитале и снова ушел на фронт.

Думал об университете, о своей поездке в далекий и загадочный Пустозерск — когда-то еще вернется к этому. Но верил — обязательно вернется. Когда часть останавливалась в деревнях, непременно заходил в избы, спрашивал: может, у кого сохранились старинные книги и рукописи. И хоть знал, что не возьмет найденное в поход, зато предупредит людей о необходимости беречь старину — после войны она еще будет нужна науке.

В первую послевоенную экспедицию Владимир Иванович снова отправился один. На этот раз путь его лежал в Коми АССР, древнее печорское село Усть-Цильму. По преданию, грамоту на владение этими землями первым получил новгородец Ивашка Дмитриев. Сюда и потянулись поморские крестьяне-засельники, бежали раскольники — люди «древнего благочестия», ссыльные, которых выслали «за камень» (за Уральский хребет).

Здесь-то, в глухих, труднопроходимых, затерявшихся в лесных чащобах местах, и стояло искать старинные книги и рукописи.

С рюкзаком за плечами Малышев прошел по многим усть-цилемским деревням, разбросанным по берегам Печоры, Нерицы, Пижмы и Цильмы. Он шел от селения к селению, расспрашивал жителей, рылся с их разрешения по чердакам и чуланам, сараям и поветям. И привез в Ленинград ценный «трофей» — 32 редкие книги, которые и положили начало хранилищу древнерусских рукописей Пушкинского дома.

А люди в этих селениях встречались разные. Кто-то прятал древние «досельные» книги, а кто

и помогал их отыскивать. Добрым словом вспоминает Владимир Иванович супругов Лагеевых из Усть-Цильмы. Василий Игнатьевич и Евдокия Ниловна не только сами передали несколько доставшихся им еще от дедов рукописных книг, но, кроме того, собрали их и у односельчан. С их помощью, например, был найден редкий текст Устава XVI века, который безуспешно искали много лет.

Приходилось вести долгие, неторопливые, почти дипломатических, переговоры с владельцами рукописей. Нужно было проявить и деликатность, и тактичность, и убедительность. С кем за столом посидеть, почаявничать, по хозяйству помочь, а кому и деньги предложить...

* * *

Больше тридцати лет дружил ленинградский ученый с рыбаком и охотником из деревни Заменной (Пижмы) Тимофеем Михайловичем Мяндиным, прожившим девяносто лет. Старожил Печоры очень любил и ценил памятники старины, хорошо знал историю родных мест. Его предки были одними из первых поселенцев на Пижме. С помощью рыбака стали, например, известны сочинения Ивана Степановича Мяндина, крестьянского самородка, первого усть-цилемского писца и писателя, сына суворовского солдата «Повесть о быке», «Сказание о двух снохах», «Краткая российская история», «Миробитная история». Писец и писатель говорил о думах и чаяниях забитого и бесправного печорского крестьянина, страдавшего от гнета царя и духовенства, выступал против алчности, пьянства и жестокости богатеев.

Его потомок — Тимофей Мяндин подарил Пушкинскому дому хранящиеся у него много лет рукописи XV—XVIII веков, давал Владимиру Ивановичу адреса «держателей» старины — тех, у кого можно было отыскать памятники древнерусского слова.

Институт славистики, находящийся в Париже, в одном из томов своих «Ученых записок» поместил статью В. И. Малышева — «Великопечорское старообрядческое общежитие перед закрытием». В ней рассказывается об истории небольшого старообрядческого монастыря, возникшего около 1720 года на пустынном берегу Пижмы, в семидесяти километрах от Усть-Цильмы. Здесь имелась специально срубленная изба, в которой дети печорских старообрядцев обучались грамоте, книгописанию, ремеслам. Тут же была и большая рукописная библиотека. Предки Тимофея Михайловича Мяндина одно время находились в этом скиту, который просуществовал почти 125 лет.

Свою новую работу Владимир Иванович и посвятил старожилу печорского края. К статье, изданной на французском языке, предпослано посвящение на русском — «Пижмцу Т. М. Мяндину».

Потом в Сыктывкаре вышла книга В. И. Малышева «Усть-Цилямские рукописные сборники XVI—XX веков». С ее страниц зазвучали, казалось бы, навсегда забытые слова Древней Руси, заговорили печорские любители книги — переписчики, писатели — выходцы из рыбаков, охотников, ремесленников и землепашцев.

Ученый сделал вывод — в этом крае была

своя рукописная книжная традиция, обширная письменная культура. Его жители знали слова, сказанные еще князем Святославом: «Добро есть, братие, почитание книжное...» Об этом говорят найденные сочинения выдающихся деятелей русской культуры XVI века — писателя, публициста и переводчика Максима Грека; «Сказание о царе Константине» и «челобитные» Ивана Пересветова; «Вертоград многоцветный» и «Рифмологий» Симеона Полоцкого, апокрифы, дидактические сборники; переписка, извлеченная из крышек переплетов, заклеенная туда вместе с деловыми, иногда очень ценными бумагами.

Владимиру Ивановичу удалось установить, что из среды усть-цилимцев выделилось несколько крупных переписчиков-профессионалов, которые создали даже свой характерный почерк, названный В. И. Малышевым печорским полууставом. Они размножили немалое количество памятников древнерусской литературы, переделывали и несколько сокращали текст старинных произведений, пытались писать сами, используя местный материал.

И были еще экспедиции. Более десяти из них Владимир Иванович Малышев посвятил дальнейшему изучению Печорского края. Он еще и еще раз прошел по всем населенным пунктам, расположенным по притокам суровой и холодной Печоры, собирал остатки древних рукописных богатств.

А доставались они нелегко. Книги, как дорогое наследие старины, «дедову память», потомки старообрядцев передавали из поколения в поколение и не всегда с охотой показывали посторонним.

Как-то Владимир Иванович узнал, что у одной из жительниц деревни Скитской имеется интересный Поморский сборник XVIII века с сочинениями Феофана Прокоповича. Раз пришел, два. «Не продам», — настойчиво говорила хозяйка. Но после долгих бесед, многочасовых убеждений, она сдалась — Поморский сборник перешел в руки Малышева и стал достоянием Пушкинского дома.

Но с каждой поездкой у Владимира Ивановича появлялись новые друзья, новые «поставщики». Так хитроумный книжник и заядлый рыбак Сидор Нилыч Антонов из деревни Скитской сначала доставил пять рукописных книг, хранившихся у него в рыбацкой избушке, потом отыскал еще десяток, а затем еще семь. И кто знает, сколько достанет еще.

Или М. П. Михеев из этой же деревни, славащейся обилием книг. При одной из первых встреч с В. И. Малышевым он твердо заявил, что у него нет ничего «письменного», а позднее сам принес такие редкости, как «Житие Зосимы и Савватия Соловецких» (XVII век), сборник с сочинениями Аввакума, — двенадцать лет пролежавшие в земле.

И, может быть, это еще не все: люди сказали, что в двадцатые годы к М. П. Михееву по наследству перешло все собрание рукописей последнего наставника скитской молельни. Значит, можно ждать новых даров от него.

* * *

В поиски новых «книжных месторождений» включались ученики Владимира Ивановича, люди, так же как и он, влюбленные в русскую литературу. Искатели рукописей побывали на Мезени и Пинеге в Архангельской области, на Север-

ном Урале, в Карельской и Коми АССР, Пермской, Горьковской и Новгородской областях. Они привезли более тысячи рукописей — сокровища обнаруживались в просторных, на века рубленых избах Крайнего Севера, а иногда и на этажах в квартирах многоэтажных городских домов.

Рукописи и книги привозились в Пушкинский дом, обрабатывались, реставрировались. А дальше шла кропотливая кабинетная работа: нужно было расшифровать и прочитать найденные манускрипты, всесторонне исследовать их. Результат этой работы — в многочисленных трудах Владимира Ивановича, опубликованных в печати. Им был исследован «Стих покаянный о люте времени и поганых нашествиях» — рукопись, написанная поморским подуставом, яркий и злободневный отклик на события крестьянской войны XVII века, опубликован уникальный список «Слова о погибели русской земли».

Много лет отдал Владимир Иванович изучению найденного в Ленинграде неизвестного стихотворения «Повесть о Сухане», в котором рассказывается о борьбе русского богатыря с нашествием «неверной силы», с вражескими ратями царя Абука, вторгшимися в русские пределы. И не случайно это исследование В. И. Малышева носит посвящение: «Памяти брата Николая, павшего в 1941 году при защите южных рубежей нашей Родины». Маленькая тетрадка в бумажной обложке дала жизнь книге, вышедшей в издательстве Академии наук СССР. Рецензии на нее появились не только в газетах и журналах страны, но и в Праге, Варшаве, Софии, Париже, Нью-Йорке.

* * *

Были другие книги и исследования, не менее важные и интересные. Но с особенным увлечением Владимир Иванович всю жизнь вел поиск всего, что связано с именем замечательного писателя допетровской Руси — неистового протопопа Аввакума Петрова, чье «Житие» А. М. Горький назвал «жемчужиной древнерусской литературы».

Еще со школьной скамьи Малышева покорила гордый и яростный мужицкий голос Аввакума, который был бит кнутом «за многие неистовые речи», но, несломленный, непокоренный, писал в остроге на бумаге и бересте «пламенные скаски», «грамотки с большой бранью», а также «памяти» конвою и Новгородскому приказу. «Никого не боюся, — гневно восклицал Аввакум, — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диавола самого!»

Владимир Иванович прошел по всем «аввакумовым» местам, побывал в Сибири, Боровске и Мезени, в «нижегородских пределах», где прошла молодость неистового воителя против царя и церковников. Он нашел несколько неизвестных доселе писем Аввакума к иноку Авраамю, к семье и другим лицам. Одно из них было послано 30 мая 1666 года из «Темной палаты» — темницы Николоугрешского монастыря, и наполнено трогательной заботой о близких, взволнованностью за свою судьбу, за дело, ради которого он оказался в заточении.

Владимир Иванович еще раз побывал в районе ныне исчезнувшего с лица земли города Пустозерска — первого русского города за Полярным кругом. Здесь 14 апреля 1682 года, вместе с другом и «соузником» Епифанием, за «великия

на царский дом хулы» был сожжен протопоп Аввакум.

Если в первый свой приезд Владимир Иванович еще застал на месте Пустозерска около десятка изб, то теперь не было и их. Никто в округе уже не помнил об «аввакумовых грамотках», о которых говорили студенту в 1934 году. Сейчас на месте Пустозерска стоит трехметровый каменный обелиск, поставленный по инициативе В. И. Малышева.

Исчезли и «аввакумовы пенышки» — четыре больших обгорелых пня, торчавших на луговине неподалеку от болотца и Никольского ручья. Тут, по мнению ученого, и принял свою пламенную мученическую смерть автор бессмертного «Жития».

И все же нашлись и другие ранее неизвестные произведения «огнепального» Аввакума. Вот новая редакция его «Жития», где содержатся важные эпизоды из его биографии — рассказы о встречах и спорах с «овчеобразными волками» Симеоном Полоцким и Епифаном Славинецким, описания пребывания в остроге, изумительные по драматизму рассказы о голоде и смерти сына в Сибири. Вот новые списки послания «всем горемыкам», отрывки из «Жития» и послания к сибирской братии, выписки из «Книги бесед».

Около двух столетий сочинения мятежного Аввакума находились под строгим запретом, и все же народ сохранил их, донес до нашего времени, передав в надежные и бережные руки потомков.

Но самым удивительным, прямо-таки ошеломляющим было последнее приобретение Пушкинского дома — у рижского собирателя, знатока старообрядчества Ивана Никифоровича Заволоко сохранился подлинный автограф аввакумовского «Жития». В небольшую книжку в залоснившемся переплете из оленьей кожи была искусно (не сразу и заметишь) вплетена рукопись старца Епифания, пустозерского союзника Аввакума.

О начальных и самых страшных днях раскола рассказывает этот бесценный документ минувшей эпохи, о мужестве и несгибаемой воле мятежного писателя, который из острога — «места тундряного, студеного, безлесного... утоля мздой караул, посылал ко единомысленикам своим» «посланейца» и карикатуры, критикующие власти.

На покупку автографа Академия наук СССР выделила немалую сумму — четыре с половиной тысячи рублей. Однако они и негодились — Иван Никифорович Заволоко отказался от оплаты, передал рукопись в дар Пушкинскому дому безвозмездно.

* * *

...Откуда у Владимира Ивановича Малышева эта самозабвенная, неизбывная, на всю жизнь, любовь к древней русской книге? Зародилась она еще в детстве, в том древнем пензенском городе Наровчат, где он родился, провел детство и юность, вступил в пионеры и комсомол.

Город этот, затерянный среди раздольных полей и зеленолистных лесов, имеет любопытную историю — он возник много столетий назад и в XIV веке имел два названия: татарское — Мохши и мордовское — Наровчат. Здесь был улусный центр и даже монетный двор, выпускавший свои мохшинские монеты. Но в конце XIV столетия эта некогда прекрасная столица Наручатской орды исчезла с лица земли. По мнению археологов, которые вели здесь раскопки, город разрушил Тимур во время войн с Тохтамышем. Овеянная легендами, загадочная история родных мест вызвала неистребимый интерес к прошлому.

...За стеклами массивных дубовых шкафов Пушкинского дома — строгие переплеты «досельных» книг, потемневший, но все еще сохранивший благородную желтизну, пергамен рукописей, свитки старинных документов. Их не было здесь до 1949 года. Все они, составляющие сейчас самое молодое в стране собрание древностей, «пришли» сюда в два минувших десятилетия.

А постоянным и верным опекуном древнехранилища является его основатель — доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев — увлеченный искатель, человек редкостной скромности и бескорыстия. Известный писатель Иракий Андроников сказал о нем: «Как же назвать этот упорный, увлеченный, самоотверженный труд? Только подвигом! Не иначе!»

Недавно этот подвиг отмечен правительством — в апреле 1972 года В. И. Малышеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

О. САВИН

О Р Д Е Н

Евгений БУГАЕНКО

1

Подвиг был совершен почти полвека назад в районе легендарной Волочаевки. И с того памятного времени орден Боевого Красного Знамени ждал хозяина — храброго пулеметчика Народно-революционной армии.

А мужественный воин, искалеченный бело-гвардейской пулей, даже не подозревал об этом.

...В Хабаровский государственный архив пришло письмо-заявление, каких приходит немало. Гражданин Шведов Иван Никитич убедительно просил «навести данные и выслать справку о прохождении военной службы с 1920 по 1922 годы, о ранении и лечении в госпиталях...»

Проситель коротко и скромно сообщал о себе: служил в 3-м Сибирском полку, в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Бой под Волочаевкой, поход вдоль реки Уссури, до села Васильевки, ранение. Запомнил Шведов, что везли его в санитарном поезде и что лечился в госпиталях Благовещенска и Улан-Удэ. После госпиталей — курорт, к которому ехали по Баргузинскому тракту.

Затем Шведова демобилизовали и отправили домой. И с тех пор, с августа 1922 года, он безвыездно живет в селе Матвеевка Целинного района Курганской области.

Вот и все.

Сотрудники архива проверили картотеку участников гражданской войны на Дальнем Востоке, просмотрели документы тех лет, но нужных товарищу Шведову подтверждений не нашли. Тогда, уже не надеясь на удачу, взяли приказы о представлении к наградам... и на первой же странице приказа № 110 Военного совета Восточного фронта прочли знакомую фамилию: Шведов Иван... Отчество в приказе не было указано. В соседней графе — краткое описание подвига:

«С начала боев товарищ Шведов вел себя, как один из отличных и бесстрашных бойцов роты. В бою под поселком Кукелевским рота наткнулась на проволочное заграждение, за которым стоял неприятельский пулемет и не давал преодолеть это препятствие. Товарищ Шведов быстро отыскал цель — пулемет противника — и открыл из своего пулемета меткий огонь, сбил его и первым бросился в атаку с криком «Ура!», увлек за собой всю роту.

В бою под Васильевкой, находясь на участке 1-го батальона, был тяжело ранен и по отходу батальона попал в плен. Дождавшись ночи, товарищ Шведов выбрался из плена и был отправлен в госпиталь».

И все бы хорошо, да вот не сошлись две цифры: номер полка и номер роты. Шведов Иван Никитич писал, что служил в 3-м стрелковом полку и был ранен под Васильевкой.

Приказ утверждал, что Шведов Иван — навод-

чик пулемета — служил в 1-м стрелковом полку, в 6-й роте и совершил подвиг под Кукелевским.

Сотрудники архива обратились с письмом к самому Шведову, просили уточнить номер части, номер роты, припомнить подробности боев, названия населенных пунктов и, в частности, вспомнить события, связанные с селом Кукелево, который в приказе именуется поселком Кукелевским.

Ответное письмо не изобиловало фактами. За лаконичными строками слышался голос усталого человека, теряющего надежду: в это время Шведов лежал тяжело больной, после паралича.

Он сообщал: «Рота, в которой я служил, была за номером 3. Служил я пулеметчиком в пехоте. А деревню Кукелевскую я не помню... Шли мы от Волочаевки с боями, и много было деревень, и потому я не смог запомнить...»

Значит, пулеметчик, и притом — в пехоте. В приказе тоже речь идет о пулеметчике при стрелковой роте. Но по-прежнему не совпадал номер роты.

Ему посылали еще письма, но почти на все вопросы он отвечал: не помню. Правда, между этими «не помню» порой мелькали картинки сражений, кое-какие детали. Так, в одном из писем Шведов рассказал, как под Васильевкой его полк зашел в тыл белогвардейцам и завязал там бой, для него, Шведова, последний. А ведь приказ, если вдуматься, гласил о том же: пулеметчик Шведов был ранен в тылу противника и ночью выбрался к своим...

Хабаровчане запросили Центральный Государственный архив. Оттуда ответили:

«...По картотеке бюро по учету потерь на фронтах гражданской войны сведений о ранении Шведова И. нет».

Иными словами, нет в архивах документа о ранении.

Но ведь в приказе командира говорится: «находясь на участке 1-го батальона, был тяжело ранен...»

Проще всего было проверить фамилию по спискам полка. Но беда в том, что списки и 1-го и 3-го полков в тех архивах, куда мы обращались, отсутствуют. И вряд ли они сохранились вообще.

Но сохранились военные газеты двадцатых годов.

Газеты писали о беспримерном мужестве целых полков (увы, все они были названы Н-скими), о доблести Народной армии, партизан. Назывались и фамилии: командир батальона Усов первым ворвался на сопку Июнь-Корань и там, на вершине, его настиг белогвардейский снаряд; Ткаченко, начальник пулькоманды, награжден серебряными часами; Лебедев Максим, бывший офицер, сражался на стороне народа, самоотверженно ходил в бой, был ранен пятнадцать раз, но возвращался в строй, погиб в бою.

И вот в газете «Боец и пахарь», которая в 1922 году выходила в городе Чите, в тексте

оперативной сводки, мелькнуло знакомое название:

«Наши части 17 февраля имели бои с арьергардом противника у поселка Кукелево. Сбитый с позиций неприятель бежал в южном направлении. В тот же день нами занята станция Дормидонтовка. Арьергард противника 18 февраля был выбит со станции Вяземская. Преследование продолжается».

А в зимних номерах за 1922 год зашла речь и о Васильевке. Причем не вскользь, а с подробностями боев. И оперативные сводки, в которых шла речь об этом укрепленном районе, были достаточно объемны.

«...В продолжение 27 и 28 февраля противник подтянул из своего тыла свежие части и, располагая значительным численным превосходством и опираясь на заранее подготовленные позиции, пытался остановить наше продвижение к югу.

После невероятно тяжелого боя наши доблестные войска к вечеру 28 февраля прорвали проволочные заграждения и овладели первой оборонительной линией неприятеля, расположенной на высотах севернее и западнее поселка Васильевка, и, продвигаясь далее, атаковали вторую линию обороны противника, также имевшую проволочные заграждения, причем даже кустарник и лес перед окопами были оплетены проволокой. Наши стрелки с ручными гранатами, невзирая на ураганный огонь, с неподдающимся описанию мужеством, разрушали проволочные заграждения и преодолевали все полосы его, стремительным ударом овладевали окопами противника и на плечах бежавшего врага ворвались в поселок Васильевку, где завязался ожесточенный уличный бой, в результате которого противник был выбит из поселка и панически бежал в южном направлении...»

В последующих номерах газет речь пошла о пунктах, расположенных гораздо южнее того места, откуда увезли в госпиталь пулеметчика Шведова. Листать подшивку дальше не имело смысла. Но вот глаз случайно зацепился за заголовок: «В огне. По словам участников и очевидцев боев».

Читаем:

«Поселок Васильевка был так сильно укреплен белыми, что о взятии его лобовой атакой и думать было нечего. К тому же, за противником оставался перевес и в технике и в живой силе. И вот этой силе мы противопоставили наш революционный порыв...»

А дальше — именно то, что мы искали, то, о чем писал И. Н. Шведов:

«Наш Н-ский полк был послан в обход Васильевки с запада. Однако белобандиты догадались и выслали нам навстречу сильный отряд с орудиями и пулеметами...»

Да ведь это подтверждение рассказа зауральского Шведова!

«Наш Н-ский полк был послан в обход Васильевки с запада...»

Один полк, — заметьте, только один полк! — послан в обход с запада. Именно там разгорелся сильный бой. Но Шведов тоже писал о том, что его часть была направлена в обход, в тыл противника. Он указал: полк или меньше. И тоже с запада. Значит, речь идет об одной и той же воинской части. Почему же в приказе стоит номер полка: 1-й, а Шведов называет: 3-й? Почему?

Газета дала ответ и на этот вопрос. В номере за 9 апреля под рубрикой «Наш герой» шел рассказ о... пулеметчике Шведове Иване! Правда, заметка слово в слово повторила текст приказа о награждении, но одна строчка была добавлена, был назван номер части: 3-й батальон!

Кандидат военных наук, доцент Н. С. Шишкин в книге «Гражданская война на Дальнем Востоке» пишет:

«В течение лета 1922 года Народно-революционная армия подверглась значительной реорганизации. В мае штаб Восточного фронта был расформирован. Из Сводной и Читинской бригад сначала была сформирована Сводная стрелковая дивизия трехбригадного состава, а затем 2-я Приамурская стрелковая дивизия в составе трех полков...»

Не здесь ли отгадка нашей загадки? Не отсюда ли пошли «совпадения» и «несовпадения»? Скорее всего, отсюда. В течение лета 1922 года (когда Шведов лежал в госпитале) началась реорганизация. Переформирование затронуло и соединение, в которое входили 1-й и 3-й полки, а именно Читинскую бригаду.

Но возникает новый вопрос: заметка о подвиге Шведова опубликована в газете, приказ о награждении объявлен в войсках. Почему же не был вручен орден?

2

С Иваном Никитичем Шведовым мы встретились в его доме, в курганском селе Матвеевке.

Он очень болен. Говорит взволнованно, и воспоминания сопровождаются скупыми слезами, которые, как ни крепись, навертываются на глаза.

Многие факты и события растаяли за пеленой времени. Но кое-что все-таки помнится.

Еще до Волочаевки и Васильевки были степи Забайкалья, схватки с бандитами Семёнова. Там, на привалах, между атаками Иван Шведов пригляделся к ручному пулемету системы «Льюис» и сделал вывод, что из пулемета бить белых куда сподручней и веселей, чем из винтовки.

От Волочаевки часть, в которой служил Шведов, направили в погоню за белыми по долине Уссури, в обход Хабаровска. Шли по морозу, по снегу, полуголодные, замерзшие, уставшие. Шли до первого выстрела, сминали белых, хоронили товарищей и опять шли.

По пути встречались села, деревни. К ним не стремились. Потому что в деревне, в селе жарче бой, там враг цепче держится и тяжелее потери. А на отдых, после боя, на сон все равно располагались в тайге. Даже освободив населенный пункт, уходили из него — свирепствовали болезни — и разбивали лагерь километрах в пяти, спали у костра, на ветках, а то и прямо в снегу. Иногда, просыпаясь после выюги, откапывали из сугробов товарищей, иногда после такого отдыха, как после боя, отправляли в тыл, в госпиталь друзей. Обмороженных. Сломленных болезнью.

Только один раз — он уже забыл, где расположено это райское место — бойцами разрешили ночевать в селе. Шведов и его товарищи зашли в избу, дохнули теплом — и разомлели. Хозяйка, приветливая, заботливая, довольная, что

выгнали белых офицеров, что пришли свои, захлопотала у печи... Она насыпала в котел картошки. Потом принесла из сени огромных мороженных карасей, таких огромных никто из бойцов раньше не выдывал. Подивились они, глядя, как хозяйка ловко складывает рыбу рядами поверх картошки. Чудно варит! А попробовать не смогли, не хватило сил. Усталость пересилила голод. Притихли, примолкли — и будто сговорившись, чуть не враз забылись.

Заснули кто где притулился.

Утром с лихвой наверху упущенное: вернули хозяйке чистый, будто вымытый, котел. И до сир пор не забылся вкус той картошки и тех карасей. А вечером того же дня наткнулись на заградительный отряд и после короткой схватки скоронили на поляне павших товарищей. Ночевали опять в тайге, у костра.

3

Волочаевку называли ключом к Хабаровску. Васильевка и Бикин служили ключом к Приморью. Газеты тех лет называют Васильевский укрепленный район второй Волочаевкой.

Белые использовали укрепления царской армии, понастроили новые, опутали все подступы к селу прочной, оцинкованной американской колючей проволокой, стянули войска, артиллерию. Очевидцы боев утверждают: «О взятии Васильевки лобовой атакой нечего было и думать».

Полк, в котором служил Иван Никитич Шведов, шел вдоль Уссури, по берегу. Васильевку должны были штурмовать комбинированным ударом: в лоб и с тыла. Часть Шведова заходила в тыл с запада. На рассвете роты вышли из тайги, рассредоточились и двинулись полем.

Поле было чистое-чистое. Снег в ту пору выпал глубокий, едва не по колено, мягкий, пушистый.

И только вдаль, у опушки, взгляд цеплялся за провололочные заграждения.

Когда мирное ласковое небо предательски расколосось грохотом разрывов, стуком пулеметов, частыми ружейными залпами, когда стегнула по рядам шрапнель, белая снежная пелена окрасилась черными пятнами дымящейся земли и алыми пятнами крови, командиры передали по цепям: только вперед! И сами бойцы поняли, что только ворвавшись в расположение белых и смяв их, можно было спастись и победить. И народоармейцы ринулись вперед. Вперед! Вперед!

В таких перипетиях для цепей атакующих самое страшное — губительный огонь пулеметов. И Шведов старался помочь товарищам — бил из своего «люйса» по частым вспышкам. Так было и на этот раз.

— Вперед! Вперед! — звал командир.

И бойцы пробивались по снежной целине. Бежал, проваливаясь, Шведов. Припав на колени, ловил в прицел черные фигурки белогвардейцев...

И вдруг словно ударили поленом по ноге — перевернулось небо, вылетел из рук пулемет. Закричал:

— Ой, братушки, ногу отрубили!

Подполз заряжающий Белов, ругнулся:

— Чего дуришь!? Цела нога!

Посмотрел: и верно, на месте нога, только алое пятно медленно окрашивает снег. Сам акинулся на заряжающего:

— Чего рот раззявил! Бери пулемет — и жарь вперед!

Белов взял пулемет, побежал. А Шведов уронил голову на снег и смотрел в холодное голубое небо, в котором лопались барашки шрапнельных облачков. Почему-то подумал, что под кустом будет не так опасно, и, напрягая силы, пополз к ближайшему кустарнику. И тут же заметил, что наши цепи отходят. Да, да, отстреливаясь, отходят к тайге. А до нее — ой, как далеко! Бежал сюда — вроде быстро, вроде близко, а теперь...

Дополз до кустов. Там человек пять раненых. Тревожатся:

— Отошли наши.

— Каюк нам. Саблями порубают...

Наступила тишина. Удивительная тишина. Время от времени в стороне белых сорвется одиночный выстрел (может, добивают раненых?) — и опять тишь.

Лежали долго.

Когда вечерние сумерки стали затягивать землю, Шведов подал голос:

— Отходить надо, братушки!

— Куда? Где наши, ты знаешь? Может, их уже за Козловку прогнали?

— Ползти надо назад, назад... Пока белые не наступают...

Он обрезал полы шинели, перемотал окровавленную ногу, закрепил перевязку ремнем и, собравшись с духом, пополз: «Давай за мной!» Следом за ним поползли еще двое или трое...

Полз — это громко сказано. Выцарапывался. Цеплялся за надежду, как утопающий за соломинку. Терял сознание, приходил в себя и вновь переползал на сантиметры...

Так и наткнулся на санитаров.

4

Госпиталь. Курорт. Потом Иркутск — демобилизация и дом.

А что же товарищи? Полк? Переписывались ли с ними Шведов?

Как всегда при сложных, запутанных условиях, ответ был предельно прост: Иван Никитич в то время не умел ни писать, ни читать.

Сейчас это звучит почти невероятно — неграмотный. Но перенесите мысленно в те годы. В Народно-революционной армии служили, в основном, крестьяне, рабочие, кто силен был духом, волей, правдой и не очень силен в букварях и грамматиках.

Вот какой любопытный случай рассказал Иван Никитич.

В их часть пришел новый солдат — бывший гимназист. Отдыхать ему не давали: по очереди бойцы диктовали письма женам, матерям, детям, посылали редкую дорожную весточку на родину. Нешадно эксплуатируемый гимназист взбунтовался и потребовал:

— Учитесь сами грамоте. Буду с вами заниматься...

Через несколько дней в жарком бою за небольшое село белые оттеснили наших солдат, а «учитель» попал в плен.

Бойцы заахали: «Кто же теперь будет учить грамоте?» И потребовали, чтоб командир вновь вел их в бой. И так силен был их напор, что белые дрогнули. Ворвавшись в село, народоармейцы первым делом разыскали сарай, где был за-

перт незадачливый грамотей, освободили его и тогда уж бросились в погоню за противником...

Но завершить «курс наук» Шведову так и не пришлось. В родном селе, куда он вернулся после демобилизации, грамотных было и того меньше.

— Один раз, летом 1922 года,— рассказывает жена Шведова,— нам пришло письмо от Ивана Никитича. Кто-то в госпитале написал за него. Мать,—она еще была жива,—бегала по всей округе, искала, кто бы почитал...

Необходимо учесть и еще одну деталь. Шведов был ранен в конце февраля 1922 года, а приказ командарма о представлении его к ордену написан в мае 1922 года. Приказ же Реввоенсовета был издан только в апреле 1924 года. За это время Иван Никитич уже потерял все связи со своим полком.

В Президиум Верховного Совета СССР, в Министерство обороны были отправлены документы—итоги трехлетних поисков. И вот февральским днем раздался телефонный звонок:

— Говорит полковник Кабаля, облвоенком Курганской области. Сообщаю: 23 февраля Шведову Ивану Никитичу, бывшему пулеметчику Народно-революционной армии, вручен орден Красного Знамени...

Вскоре пришло письмо от сына И. Н. Шведова: «...Радости у папы не было конца. Он даже заплакал... Папа говорит, что теперь он здоров, и в самом деле даже бодрее стал... Его приняли в почетные пионеры. Люди приходят и поздравляют его...»

Так закончился этот поиск.

СЛЕДОПЫТЫ О РАБОЧЕМ КРАЕ

Ф Р О Н Т В Т Ы Л У

Есть на Уралмаше две школы—28-я и 144-я. Следопытские отряды обеих школ посвятили свой поиск истории прославленного завода.

Недавно ребята начали очередной этап экспедиции. Он посвящен фронтовым бригадам завода. В этой работе им помогают коллектив Дома пионеров имени Николая Островского, актив заводского музея боевой и трудовой славы Уралмаша, областного краеведческого музея.

В Доме пионеров собрано немало интересных исторических документов тех времен. Вот, например, несколько строчек из протокола заседания завкома комсомола Уралмаша совместно с комсомольским активом, секретарями и членами комитетов от 4 августа 1941 года. «На повестке дня вопрос—о практических мероприятиях на август. Слово берет инструктор ЦК ВЛКСМ тов. Голенберг. Он говорит о необходимости скорейшей перестройки всей работы на военный лад. Ставятся задачи: каждый комсомолец должен давать не менее двух норм в смену; привлечь девушек к изучению второй специальности; каждый комсомолец должен изучить военную специальность».

Какой след эти и многие другие комсомольские постановления оставили в судьбах молодежи военного времени?

На главном стенде музея школы № 28 фотография выпускницы Любы Глазыриной. Она закончила школу в 1938 году. Любин комсомольский билет, выданный райкомом ВЛКСМ Орджоникидзевского района, также хранится в музее. Судьба Любы Глазыриной обычна и необычна.

В 1938 году девушка поступила работать на завод в инструментальный цех. Была электросварщицей. Профессией овладела быстро. Товарищи любили Любу за трудолюбие, доброту и общительность.

Осенью 1941 года в механическом цехе крупных узлов Уралмаша создали первую в стране

фронтовую бригаду. К концу войны на заводе было уже 510 фронтовых бригад. К созданию одной из них причастна и электросварщица Люба Глазырина. В музее школы № 144 можно увидеть удостоверение № 4862. В нем говорится, что приказом Народного комиссара танковой промышленности Союза ССР от 18 октября 1943 года Любовь Архиповна Глазырина награждена значком «Отличник соцсоревнования Наркомтанкопрома». Энергичная, деловая девушка стала стахановкой-двухсотницей. Ее избрали комсоргом цеха. Дел прибавилось. Она стала не только организатором высокопроизводительного труда, но и заботилась о сборе теплых вещей и белья для воинов-фронтовиков, о проведении субботников и воскресников в фонд обороны.

Но Люба рвалась на фронт. В октябре 1943 года просьба ее была удовлетворена. Люба Глазырина воевала в десятом гвардейском орденов Суворова и Кутузова Уральско-Львовском добровольческом танковом корпусе. Прошла с ним весь боевой путь. Прославилась и как стрелок-снайпер, и как медсестра.

После войны гвардии рядовая Любовь Архиповна Глазырина вернулась в свой цех с медалью «За отвагу». Позади были фронтовые дороги Украины, Польши, Германии. Вскоре она поступила в педагогический институт и стала учительницей.

Собирая материалы о героях тыла, следопыты узнали о том, что уже в первые месяцы войны из 1882 комсомольцев Уралмаша 1630 были стахановцами, 760 двухсотниками, 128 трехсотниками.

В школьных музеях пока не было материалов о самой первой в стране фронтовой уралмашевской бригаде Михаила Попова и о многих других, прославившихся своим трудом в годы Великой Отечественной войны. Ведь поиск был только начат.

Помочь ребятам решила заводская газета

«За тяжелое машиностроение». В редакции была организована встреча за круглым столом с членами фронтовых бригад, в которой приняли участие и следопыты.

Участников этой встречи особенно заинтересовало выступление Сергея Анатольевича Козлова. Он работал в составе первой фронтовой бригады Михаила Попова. Сергей Анатольевич по-прежнему расточник, мастер высшего класса, ему присвоено звание «Почетный уралмашевец». Он вспоминает:

«Смена у нас была удивительно дружная. Миша Попов был нашим мастером и часто беседовал с новичками — молодыми рабочими, эвакуированными из разных городов страны. Вот во время этих бесед с людьми, которые уже испытали, почему фунт лиха, Миша и надумал создать фронтовую бригаду.

Сначала в ней были одни расточники. Потом пришли электросварщики, слесари. Мишу избрали бригадиром.

Осваивали мы расточку корпусов танков. Попов великолепно подготавливал работу каждому на каждый день, умел достать все необходимое, чтобы бригада работала в полную силу.

Очень быстро мы набрали такой темп, что о нас стали говорить как о самой передовой бригаде. Молодые все были. Энергии, задора, несмотря на трудности военных лет, хоть отбавляй».

Однажды случилось непредвиденное. В Магнитке поставили на капитальный ремонт стан. Это значило, что выпуск танков мог резко приостановиться. Такого «ЧП» нельзя было допустить. И тогда Попов поручил рабочим станка, на котором трудился и Сергей Козлов, срочно сделать расточку отверстий в станине и валках, необходимых для ремонта магнитогорского стана. Ребята не уходили домой, они потеряли представление о времени. Поспят два часа в цеховом коридоре — и снова за дело. Заказ выполнили раньше, чем намечалось. За отличный труд полагалась награда. В тот же день начальник цеха вызвал к себе рабочих и вручил им семь пачек махорки. «В то время она была дороже денег, потому что сгоняла сон», — заметил Сергей Анатольевич.

Гремела в войну слава и о фронтовой бригаде токарей Ивана Забалуева из цеха обработки литья. На встречу в редакцию она пришла почти в том же составе, в каком трудилась в годы войны. Как-то был получен срочный заказ — осваивался новый вид вооружения. До отгрузки оставалось двое суток, а дел было невпроворот. Одна из сложнейших деталей должна была пройти цикл отработки на станках бригады. В цех пришел главный инженер: «Надо что-то придумать, ребята». И ребята придумали. Бригада применила конвейерный метод обработки. Каждый член бригады выполнял одну операцию. Через двое суток, как и требовалось, заказ был сдан.

Вспоминались и смешные случаи. Об одном из них рассказал Николай Дмитриевич Бары-

кин. Он был тогда самым младшим в бригаде, только-только пятнадцать исполнилось. Станком управлял со специально сделанного для него поста. Однажды на шихтовом дворе ребята нашли парадные медные каски и мечи. И когда старшие рабочие вернулись в цех после короткого перерыва, они с трудом узнали своих молодцов, надевших на головы надраенные до блеска шлемы, вооружившихся мечами. В цехе потом долго шутили: «Да перед такими бравыми рыцарями никакой Гитлер не устоит!»

Сейчас все члены этой бывшей фронтовой бригады — ударники коммунистического труда.

А вот имя прессовщика Николая Тарашнина, члена одной из фронтовых бригад кузнечно-прессового цеха Уралмаша, связано с незабываемым движением того времени, которое условно называют «Отцы и дети».

В 1942 году на Уралмаш в кузнечно-прессовый цех прибыла группа тринадцатилетних подростков из Великого Устюга Вологодской области. Все они только окончили школы ФЗУ. Кузнецы поглядывали на них с недоверием: «Разве управятся эти дети у молотов?!»

И кто-то заметил:

— Управятся, если у этих детей будут заточенные «отцы».

«Отцом» Николая Тарашнина стал Леонид Михайлович Журавлев, старший мастер цеха. Он и определил Николая к небольшому 75-килограммовому молоту, на обрезку облоя после штамповки деталей. Николай и его товарищи работали по двенадцать часов, почти наравне со взрослыми. Леонид Михайлович и впрямь относился к подростку, как к сыну. Случалось, что слипались глаза у Коли от усталости, когда работа была еще в разгаре. А Журавлев тут как тут. Подойдет, похлопает по плечу, спросит: «Ну как, не спишь еще, сынок? Держись. Уже немного осталось!»

И Коля держал марку кузнеца.

Прошли годы, а «отец» и «сын» и поныне друзья, хотя много перемен произошло в их жизни. Леонид Михайлович Журавлев стал заместителем директора Уралмашзавода по производству, а Николай — бригадиром на гидравлическом 500-тонном молоте, ударником коммунистического труда, отличником соцсоревнования министерства.

Когда Леонид Михайлович приходит в кузнечно-прессовый цех, обязательно заглянет на рабочее место Николая. Сначала молчаливо постоит, посмотрит, как он уверенно работает, потом, как и много лет назад, похлопает по плечу, скажет:

— Вижу, сын, дела идут у тебя неплохо!

А Коля любит повторять старую, военных лет, поговорку: «Что боец фронтовой, что боец трудовой — все на линии передовой!»

...Много было в военные годы таких бойцов, как Люба Глазырина, Михаил Попов, Иван Забалуев, Николай Тарашнин, на передовой линии тыла. Поиск восстановит их имена.

М. ЕРГИНА

СТЕПАНУ РАЗИНУ

Зимой 1919 года скульптор Сергей Тимофеевич Коненков работал над композицией, посвященной Степану Разину. Много лет спустя в книге «Мой век» Коненков писал: «...Для меня это был не подряд, пусть и почетнейшего свойства, а настоятельная необходимость представить на суд людской своего Разина».

О работе скульптора узнали казаки с Урала, служившие в 1-м Оренбургском социалистическом полку имени Степана Разина. Они стали собирать деньги на памятник, и в феврале 1919 года в Москву приехала делегация полка и передала казачьему отделу ВЦИК 8174 рубля 50 копеек.

Сергей Тимофеевич удивительно быстро выполнил заказ правительства. Уже 1 мая 1919 года состоялось открытие композиции. На торжество приехали представители многих казачьих полков.

С. Т. Коненков позднее вспоминал: «В этом была какая-то своеобразная переключка эпох. Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных дончаках, как былинные герои — наследники славы Разина... Никогда не забыть мне,

как шел Владимир Ильич к Лобному месту. Он шел без пальто, в своем обыкновенном черном костюме, со стороны Исторического музея. Ликующая толпа, словно по мановению волшебной палочки, расступилась перед ним, образуя широкий коридор через всю площадь... Он взшел на Лобное место и начал говорить речь о Степане Разине... Речь была короткой, но произнес ее Владимир Ильич с огромным подъемом. Когда, спустя много лет, я решил взяться за скульптурный образ Ленина, он как живой стоял передо мной именно таким, каким я его видел на Лобном месте во время произнесения речи о Степане Разине».

На Лобном месте композиция «Степан Разин с ватагою» находилась недолго. Выполнена она была из дерева, и потому на открытом воздухе могла быстро прийти в негодность. Через две недели все семь фигур перенесли в Первый Пролетарский музей. Сейчас она хранится в Русском музее Ленинграда.

...Зимой 1969 года в гости к Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии, народному художнику

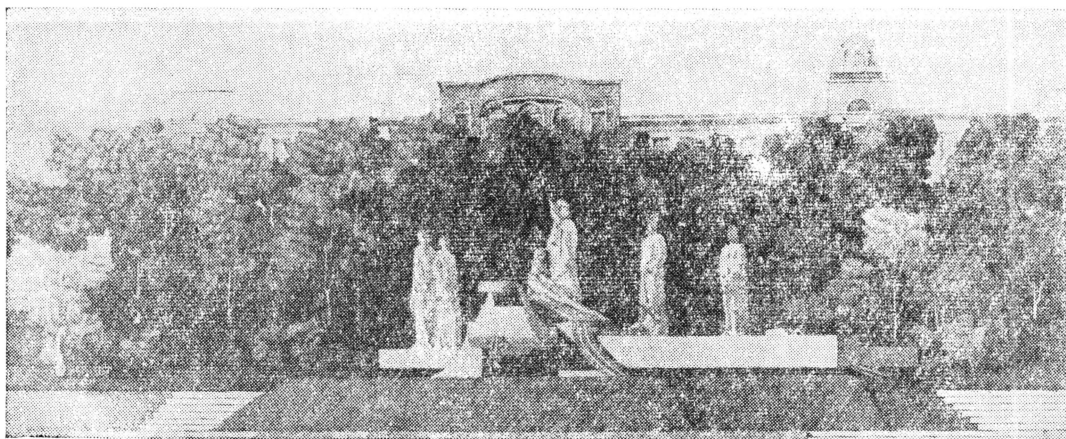
СССР Сергею Тимофеевичу Коненкову приехала делегация донских казаков. Они попросили скульптора вернуться к теме Разина. Коненков уже работал над новым вариантом композиции под несколько измененным названием «Степан Разин с дружиной».

Летом 1971 года ее отлили в бетоне на Московском экспериментальном скульптурно-производственном комбинате. По решению секретариата правления Союза художников СССР скульптура устанавливается в Ростове-на-Дону.

Степан Тимофеевич поставлен художником в центре композиции. Рядом с ним — княжна. Справа от Разина — верные соратники его. Слева — фигуры лихого донского казака и стрельца.

Если в 1919 году С. Т. Коненков изобразил действительно удалую казачью вольницу, то в новом варианте он передал и высокую духовную общность этих людей, и народную сущность разинского восстания.

Ю. НЕМИРОВ

Д. БИЛЕНКИН

чужая природа

научно-фантастический рассказ

Ошеломляющее, прекрасное, почти забытое небо! Оно распахнулось и приняло, после однообразия космоса, где только звезды и мрак, после долгого заточения — вихрь, блеск облаков, отсветы морей, зов тверди. От бьющих в иллюминаторы лучей потускнели лампы. Выключить, скорее выключить эти жалкие заменители солнца! Пусть настоящий, промытый воздухом свет проникнет в каждый уголок, сотрет последнюю тень!

Щурясь, с улыбкой недоверчивой радости люди смотрели друг на друга. Так выбирают из катакомб. Так выходят из космоса.

Словно подстегнутые нетерпением, стрекотали экспресс-анализаторы. Есть кислород, можно дышать, есть ветер, который коснется лица, вода есть и зелень, совсем как на родине.

Свердлин мельком взглянул вверх, туда, где стыла фиолетовая даль покинутого космоса. И поспешно отвел глаза. Не надо вспоминать, не надо...

Вот награда за все. Вниз один за другим падали автоматы-разведчики. Заняв экран, открывались переданные ими голограммы чужого мира. Белый песок у моря; отягченные плодами ветви; степь, над которой реют птицы; выбитая зверями тропа... Все, как на Земле. Почти как на Земле. Ярче, чем на Земле.

Лавина цифр в окошечках анализаторов. Температура, давление, влажность, радиация... Аппарат захлебнулся и смолк: теперь он перемалывал органику. Бактерии, травы, вирусы, насекомые, споры, фитонциды, пыльца, опавшие листья...

Люди ждали. Волнуясь, с нетерпением и надеждой. Спал прежний бесшабашный восторг. Кругом одни сосредоточенные лица.

— Добра не жди...

Все встрепенулись. Конечно, это был Фёкин, — единственный, кто при виде неба не выразил радости.

— Ты, пессимист! — набросились на него. — Не каркал бы раньше времени!

— Цо? — Фёкин прищелкнул, губы его искривились. — Погулять без скафандра захотелось? Ветерком подышать? Ах, мальчики, мальчики... Нельзя надеяться на лучшее.

— Почему? — спросил Свердлин.

— Потому, — уже серьезно ответил Фёкин. — Предполагать надо худшее. Тогда не будет разочарований, если плохое осуществится. А не осуществится... Самая приятная радость — нечаянная. Как видите, мой пессимизм сулит больше счастья.

— Нет, — покачал головой Свердлин. — Нет. Я жду от этой планеты всего, и ожидание дает мне радость. Стыдно признаться, но я жду даже осуществления

своей маленькой заветной мечты. Здесь найдется тот уголок природы, которого нет на Земле, но который мне снится. Я вижу его. Укромное озеро в полосах света и тени, нежный песок под босыми ногами, стройные, до неба, деревья, теплынь, тишина...

— Ностальгия, — строго заметил врач. — Ты видишь наше озеро среди наших сосен. На Земле, кстати, таких мест сколько угодно.

— Но везде коттедж, или палатка, или стоянка для реалетов!

— Или комары, — добавил Фёкин.

Звякнул сигнал, и спор был забыт, так как пошла информация. О вирусах и звёздах, деревьях и птицах, цветах и микробах. О всем, что есть жизнь, которая во Вселенной куда большая редкость, чем гений среди людей.

— Маски, — прошел облегченный шепот. — Только маски!

Автоматы перестраховались. Несколько другие тут были цепочки белков, другие их составляли аминокислоты, но разница была незначительной, и это решало все: чужая жизнь не могла повредить людям. Даже маска была лишь предосторожностью, от которой позднее можно будет отказаться.

— Ну, Фёкин, что же ты теперь не радуешься?

Тот ничего не ответил. Даже яркое солнце, не желтое здесь, а белое, не могло истребить залегших на его лице теней.

Начался спуск. В реве и грохоте атмосферы пронзило космическое сверло. Трещинами разбежались электрические молнии. Лопался нагретый воздух. И долготой еще после посадки не стихал гром.

«Силой, — подумал Свердлин. — Мы берем планету силой, мощностью наших гигаватт. Как вражескую крепость. Ничего, все успокоится...»

Все успокоилось. Улеглась волна на озерах, улетели сорванные ураганом листья, снова раскрылись цветы. Корабль стоял посреди выжженной плещи, опираясь на могучие титановые опоры. Черта гари отделяла его от мира чужих деревьев и трав.

Избежать этого было нельзя. Так полагалось даже по инструкции — стерилизовать почву в зоне высадки. Превратить ее в пепел. Не допустить, чтобы какой-нибудь выюнок оплел опору. Лишняя на этой планете предосторожность, но ина-

че корабль просто не мог бы сесть, и в девяноста девяти случаях этот недостаток был достоинством, что и подтверждала инструкция.

День сменился вечером, прошла ночь, — локаторы неумолимо прощупывали окрестности. Ничего. Все, что могло бежать, — бежало, а что не могло, то погибло. Ничто не приближалось к искусственной пустыне, ничто не возмущало покоем. В десятках, сотнях, тысячах километрах от корабля, все проверяя и перепроверяя, несли свою вахту автоматы. Там кипела жизнь, и на усиках-антеннах одного из них какой-то паучок уже плел паутину, словно автомат был обычной корягой. Только разум способен реагировать на вторжение чужаков, но разум тут не было, а природа одинаково безразлично принимает и метеорит, и звездолет.

Иногда ветер и до корабля доносил, кроме гари, запах диковинных цветов и трав, но его пока чувствовали только приборы, которые бесстрастно раскладывали запах на компоненты: безвреден, безвреден, безвреден...

Все же запах мешал спать, ибо люди знали, что он есть.

Миллиарды бит новой информации, наконец, сняли последний запрет. Утренняя роса выпала даже на гари, и восход солнца застал людей в пути.

В лесу пели птицы. Руки сами собой выключили двигатель вездехода, притихшие люди сидели и слушали. Над деревьями вставало белое солнце. Оно посылало в зенит луч, который дрожал, как впившаяся в небо хрустальная стрела.

— Двинулись, — сказал капитан.

Начинался долгий экспедиционный день.

Вездеход полз по голубым корневищам, раздвигая шуршащую траву, объезжал топкую чернь болот, вспугивал шестиногих зверьков с кофейными задумчивыми глазами, брал, взрыхляя почву, откосы, и одна непотревоженная даль сменяла другую.

Потом люди вышли, неуверенно ступая по пружинящей подстилке красноватого мха. На них были легкие костюмы, и только маски отъединяли их от всего, что было вокруг. Можно было нагнуться и голой ладонью погладить никем не виданные соцветия; можно было запрокинуть голову и дать процеженному листовому лучу пощекотать кожу лба; можно было лечь навзничь, можно было идти не

по прямой... Такая малость, но как много она значила после миллиарда шагов по прямым, разлинованным коридорам! Непривычным казалось даже то, что каблук неравномерно вдавливался в почву. Какое поразительное ощущение после одинаковой упругости корабельного пола! Забылось самое простое: что воздух может омывать тело неравномерной и ласковой волной; что холодок тени граничит с угольным жаром солнца; что существуют рытвины... Кто-то упал, потому что ноги отвыкли учитывать неровность земли. Упавший рассмеялся первым, за ним рассмеялись другие. Это надо же — утерять такие навыки, наслаждаться тем, что прежде не замечалось и не ценилось!

Они слегка ошалели, ведь ощущения тоже способны пьянить. Формулы предупреждали, что так будет. К черту формулы! Планета гостеприимна, доступна от полюса и до полюса; они молоды, и жизнь прекрасна!

Успеется, все успеется. Исследования подождут, гипотезы подождут. Это их планета! А ты о чем думаешь, Фёкин?

...Забавно все это. Ну, достигли. Многих это мучений стоило — достигли. И тут, ей-ей, неплохо! Мы, можно сказать, счастливы. Но ведь на Земле мы добивались не меньшего счастья. Только быстрее. И без таких трудностей. Без многолетнего отказа от простых земных радостей. Без риска, наконец. Иная рыбалка на заре и вот такая прогулка по чужой планете, в сущности, равноценны с точки зрения удовольствия. Так чего же мы добились?

...Победы, унылый ты пессимист, победы! Дело не в количестве, а в качестве. В невозможном, которое мы сделали возможным. Выше мы стали на голову, вот что! Крепче, уверенней. Лучше мы стали понимать самих себя. Больше знаем и больше можем. Пик для альпиниста не самоцель, даже если он так думает. Берутся не физические высоты, а духовные. Без этого нет роста, а где нет роста, там движение поворачивает вспять, назад, и над нами закрывается крышка гроба. Вот птица в небе, — и та понимает, что жизнь — это движение. Как она кувыркается, как чертит над нами круги... Ее оперение чудо: лазурь и золото! Она боится нас, но мы ее притягиваем. Все неизвестное притягивает, потому что опасность там, где неизвестность, и чтобы выжить, надо знать. А птица явно хочет жить...

Птица сложила крылья. Лазурь и золото сверкнули на солнце, раздался вскрик, но прежде чем люди успели опомниться, на груди Свердлина бился трепещущий, еще живой комочек. Он в ужасе стряхнул его с себя, комочек упал к ногам, дернулся и затих.

Люди ошеломленно смотрели друг на друга.

— Она атаковала?

— Такая птица?

— Самоубийство?

— Нелепо!

— Что же тогда?

— Приготовить оружие!

— Зачем?

— На всякий случай.

— Но наши белки несовместимы!

— Пусть так, предосторожность...

— Внимание! Сзади!

Куст опрокинулся, вылетело почти невидимое в своей скорости тело, вспышка дезинтегратора испарила его раньше, чем оно успело обрести форму и вид.

— Назад! К машине!

Когда страгивается лавина, сознание еще успевает отметить те первые камни, которые, срываясь, зловеще и звонко щелкают по склону. Затем уже нет частностей, есть лишь масса, огромная, смутная, бешеная в своей скорости.

Так было и здесь. Потемнело, хлынуло отовсюду; смешалось. Летящими, падающими, бегущими клочьями больших и малых существ, казалось, двинулась сама природа, — приступом, обвалом, стеной. И фиолетовые вспышки дезинтеграторов разили, сминали, рвали то, что было плотью ринувшейся стихии, то, чем люди недавно восхищались и что теперь, обезумев, восстало против них. Они бежали и с содроганием палили во все живое, ужасаясь и не понимая, что произошло, почему место идиллии стало вдруг местом бойни.

— Биосфера сошла с ума! — переводя дыхание, выкрикнул капитан, когда герметика брони вездехода укрыла их от живого потопа. — Быстрее к кораблю!

Послушно включился двигатель, и трава, прилипшая было к металлу, была смята первыми оборотами колес.

— Стойте... — Свердлин едва мог говорить. — Да стойте же! Мне показалось...

— Что?

— Смотрите...

Масса живого, которую не могли ос-

тановить ни выстрелы, ни гибель, редела, таяла, разлеталась брызгами существ, которые немедленно исчезали, будто не они только что составляли единое слепое целое. Вскоре лишь груды обугленных трупов напоминали о скоротечном сражении. Будто ничего не произошло, все также мирно светило солнце, и деревья поодаль, чья листва не была сожжена, тихо струились в потоках воздуха.

Нигде, ни в одной звездной системе люди не сталкивались с такой нелепой бессмыслицей.

— Тем не менее мне это кое-что напоминает. — Биолог задумчиво смотрел на мертвые груды тел, рану, выжженную в светлой зелени чужого мира. — Аналогия, конечно, чисто внешняя...

— А именно?

— Атаку фагоцитов. Механическое падение на все чужое...

— Нелепо, — сказал капитан.

— Нелепо, — согласился биолог. — Если вдуматься, тут даже и сходства нет. Никто не нападал на наши механизмы. Никто не обрушивался на наш корабль...

— Никто не нападает на вездеход, — добавил Свердлин, берясь за ручку дверцы. — Поэтому, возможно, все решит простой опыт.

— Куда?! Не смей!

— Позвольте! Раз никто не нападал и не нападает на нас, пока мы в этой коробке, значит, всему виной мы.

— Мы?

— Наше белковое родство и одновременно несходство со всем, что нас здесь окружает. Это не атака фагоцитов. Организм принимает и металл, и пластмас-

су, но чужие белки он не приемлет.

— Реакция несовместимости? — удивился капитан. — Биосфера не организм!

— Очень странная, а потому, может быть, верная мысль, — высказался биолог. — Биосфера, конечно, не организм, но система, способная реагировать, как единое целое. Хотя... Нет, не получается!

Где и когда биосфера вела себя подобным образом? Где и когда она прикидывалась доступной и позволяла нам обойтись без скафандра?

— Заманивала ложью анализов, казалась смиренной, чтобы потом жестоко изгнать? — вздохнул Фёкин. — Кто-то мечтал о новой Земле... Кто-то спешил прослыть оптимистом...

Свердлин ничего ему не ответил.

— Опыт разрешается? — спросил он.

— Да.

Он вышел из вездехода, из герметичной коробки, из походной тюрьмы и встал среди цветущих трав, голубого воздуха, тишины лесного мира. Один на один с кроткой, такой земной, такой близкой человеку природой, в чьей глубине таился отпор, слепой и бешеный, как шквал тайфуна, призванный стереть человека, точно злокозненного микроба. И натиск не заставил себя ждать. Зашуршал листвою лес, освобождая дорогу притихшей было жизни, стаи птиц выросли в небе...

— Вот и все, — подавленно сказал Свердлин, захлопнув дверь, за которой

кипели тысячи существ, чей вихрь уже застилал солнце. — И тут нужны скафандры. Нужна изоляция, чтобы нас не чужали... Что ж, двинулись.

Вездеход заскользил обратно, по прежним своим следам, все быстрее и быстрее, словно убегал от разочарования.

Шипел кондиционер, нагнетая осточертевший, рожденный химией воздух. За стеклом доносилось великолепие чужого дня.

Опять заточение, думал каждый. Тело в оболочке скафандра, точно вокруг ледяной космос. Чужая жизнь отторгает нас. Беззащитны одни только мертвые миры... А у входа в любой космический сад, перед водопадами и лесами, незримо горит одна и та же надпись: «Постоянным вход воспрещен».

— Между прочим, человеку свойственно приручать, — внезапно сказал Свердлин, когда впереди обозначилась громада звездолета. — Не так уж существенно, конь это или биосфера. И это прекрасно.

Рисунки Е. Стерлиговой

ПЕРВЫЕ ИХТИОЛОГИ

Неизвестно, когда начались ихтиологические изыскания на Урале. Но уже в 1704 году на реке Пышме работала настоящая экспедиция, изучавшая рыбные угодья и запасы. Об этом свидетельствует книга «Сибирского приказа» за номером 1403, хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Весной того же года тобольский воевода послал на Пышму боярского сына Моисея Маркеева и подьячего Якова Михайлова изучить рыбные богатства реки.

Как показали расспросы, большинство припышминского населения занималось рыбо-

ловством «про свою нужду». Основные породы рыб в Пышме — «белая рыба», то есть карась, чебак, окунь, пескарь. Отмечены лещ и щука.

Рыбачили «зимом удами в прорубях», «запирали запор во льду». А летом ловили неводом-полуредником, «частиком», поплавной сетью, сетью саночной, кривдами и мордами.

Правда, Маркеев и Михайлов записали, что «лов рыбы малой», и сетовали, что оброк рыбаков не обложись.

Жители слобод Белоярской и Пышминской показали, что «оброчных и безоброчных вод и рыбных промыслов и ловель у них нет и преж сего не бывало».

Но оказалось, что 65 необрочных ловель на Пышме все же давали рыбу «в продажу» с выручкой 47 рублей, а «на себя» — 48 рублей 12 алтын 2 денги. В книге есть даже имена наиболее извест-

ных рыбаков, мастеров ловли.

«Рыбные инспектора» умалчивают, были ли раки в Пышме. На этот вопрос можно найти ответ в «Адрес-календаре Пермской губернии на 1892 год». Здесь приводятся выписки из анонимной работы, официального «Краткого статистического обозрения Пермской губернии за 1832 год», сообщающие, что «раки имеются по рекам, кои воды принадлежат к системе Каспийского моря, в реках же, выходящих из восточной стороны Урала, так же, как и в Сибири, не существуют». В 1832 году раки появились во всех реках Зауралья. Их привез на Урал шадринский купец Ф. И. Фетисов, пустил их в реку Исеть, откуда они и распространились по другим рекам и озерам.

Арк. КОРОВИН, краевед

ПО ТРОПАМ

ДЕРСУ УЗАЛА

К 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева

В конце прошлого века на карте русского Дальнего Востока было много белых пятен. Этот загадочный край притягивал к себе ученых и пытливых землепроходцев. Не минула страсть к открытиям и Владимира Клавдиевича Арсеньева. Он — тогда молодой офицер — добивается перевода в Восточно-Сибирский линейный батальон. «С юных лет, — писал Арсеньев, — я заинтересовался Уссурийским краем и тогда уже перечитал всю литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости».

С большими трудностями добирался Арсеньев из Петербурга до Владивостока, но впоследствии всегда с удовольствием вспоминал об этом пути и особенно любил рассказывать об одном случае. Прибыв в Красноярск, подпоручик Арсеньев узнал, что его воинская часть уже три года назад... отбыла во Владивосток. Отмахав несколько тысяч верст на перекладных по сибирскому бездорожью, Арсеньев догнал батальон. Тот шел к месту назначения в походном порядке, то есть пешком. Успели смениться офицеры, обновился и солдатский состав, а батальон все шел и шел. Когда Арсеньев догнал его, до Владивостока оставалось еще триста верст.

Во Владивостоке Арсеньев был назначен начальником охотничьей команды полка, так в то время называлась команда полковой разведки. Это было в 1899 году.

Кроме подготовки разведчиков, Арсеньев обязан был собирать топографические и географические сведения по югу русского Дальнего Востока. Начались таежные походы. Встречи с аборигенами Уссурийской тайги, жившими в разбросанных стойбищах, наблюдения за их жизненным укладом давали массу впечатлений и материалов, которые впоследствии Арсеньев изложил в своих научных работах. Молодому исследователю неведомы еще были тайны тайги, он еще плохо ориентировался в лесу, в горной системе Сихоте-Алиня. Ему требовался опытный проводник, и такой человек вскоре нашелся.

В одном из своих походов Арсеньев встретился с таежным охотником Дерсу Узала. Следопыт, умевший читать книгу леса, знавший повадки животных и птиц, нравы и обычаи орочей, гольдов и удэгейцев, гольд Дерсу Узала стал неизменным спутником Арсеньева,

Успех и известность писателя пришли к Арсеньеву уже в наше, советское, время, когда Арсеньев выпустил одну за другой свои книги. В эти годы шло освоение освобожденного от интервентов Дальнего Востока. Новоселам эти края были незнакомы. Желая дать советскому читателю доступную книгу о Приморье, Арсеньев тщательно отредактировал свои прежние работы и, объединив их, издал в 1925 году книгу «В дебрях Уссурийского края».

Писатель Михаил Пришвин, прочитав книгу, обратился с теплым письмом к Арсеньеву: «...Пользуюсь случаем выразить Вам мое удивление и восхищение Вашим трудом. Имейте в виду, что в свое время, когда книга только вышла, я послал ее Горькому, с просьбой, если она ему понравится, помочь ее распространению. Горький что-то сделал, а у меня хранится его восторженное письмо о книге».

Книга, «В дебрях Уссурийского края» привлекла внимание Горького и при его содействии получила широкую известность. Столь чуткий ко всему романтическому, Горький признал в образе Дерсу Узала одну из самых привлекательных в литературе фигур.

«Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично. Для меня он более живая фигура, чем «следопыт», более художественная. Искренне поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для нашей молодежи, которая должна знать свою страну».

Письмо Горького было опубликовано, и это привлекло еще большее внимание к Арсеньеву. Он стал получать массу писем от писателей, ученых, исследователей. В одном из писем к Арсеньеву академик Комаров писал:

«Не знаю, как и благодарить Вас за Ваши интересные книги о путешествиях. Картины тайги, бурные потоки, вьюги и над всем этим симпатичный, вдумчивый облик Дерсу, одним словом и наука, и эстетика, и этика, — все есть на этих прекрасных страницах, которыми я просто зачитался... Для местной власти Вы не человек, а

клад, ибо Вы знаете и можете помочь в разъяснении наиболее запутанных вопросов».

Сам Арсеньев, записывая в дневник все, что он видел и наблюдал за день, никогда не думал о том, что он пишет или, вернее, напишет, художественное произведение. Он был правдивым натуралистом, вверявшим свои думы и переживания рабочему дневнику. Из многочисленных дневников Арсеньева видно, что там можно было почерпнуть много материалов для создания новых художественных произведений. Известно, что записывая сказания и легенды, которые слышал он от удэгейцев и орочей, Арсеньев собрал исключительно ценный этнографический и фольклорный материал, полный чарующей поэзии и драматизма.

Влияние книг Арсеньева сказалось не только на том, что Приморским краем начали многие интересоваться. К Арсеньеву обращались с просьбами взять в одну из экспедиций, хоть кем-нибудь, соглашаясь на любые обязанности. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, которые получал Арсеньев.

Творчество Арсеньева оказало влияние и на писателей. Герои некоторых рассказов Пришвина являются как бы продолжателями рода Дерсу Узала. Фадеев, работая над романом «Последний из Удэге», неоднократно обращался к тем работам Арсеньева, где тот описывал быт, нравы и обычай этого народа.

Арсеньев по праву считается создателем нового краеведческого направления в отечественной научно-художественной литературе.

Рассказ о Владимире Клавдиевиче будет не полон, если не остановиться на его внешнем облике. Очевидны вспоминают: «Было в его подтянутой фигуре многое от строевого офицера, но еще больше от охотника. Его энергичное лицо, с глубокими складками на щеках, глаза в том особенном прищуре, какой бывает у людей, привыкших много смотреть вдаль, подобранная осанка сдержанного, привыкшего больше молчать, чем говорить, человека, — все это было того порядка, когда понимаешь, что не очень охотно пускает он в себя, и по старой привычке — приглядываться к людям — должен Арсеньев хорошо раскусить встречного, прежде чем так или иначе раскрыться. Такие люди всегда кажутся немного суховатыми, но внешняя эта суховатость обычно свойственна тем, кому пришлось со множеством людей встретиться, множество разнообразных характеров узнать и, вероятно, не в одном из них разочароваться прежде, чем набрести на удивительного гольда, на вселенскую душу Дерсу Узала».

Где бы Арсеньев ни находился — в купе вагона, в кают-компании парохода, в гостях, на соборании или в кружке молодежи — он незаметно для окружающих всегда переходил к воспоминаниям о прошлом, о природе и богатствах Приморского края и своими рассказами завораживал слушателей.

Мечтал Арсеньев о светлом будущем Приморья. И говорил, что наступит такое время, когда «главным лицом здесь станет не перекупщик, который отбирает у таежных жителей соболей в обмен на блестящую погремушку. Вот помянете когда-нибудь мое слово, главным лицом на Дальнем Востоке будет инженер, учитель, ученый, образованный человек. И будет их много, вот увидите. Тогда скажете: Арсеньев предсказывал».

Владимир Клавдиевич, отдавая все силы и знания изучению Приморья, был горячим, искренним патриотом все годы своей жизни. Небезынтересно отметить, что в период белогвардейского разгула в Приморье, в тяжелые дни апреля 1920 года, когда отряды партизан вынуждены были отходить в тайгу, Арсеньев снабжал их картами и планами уголков и районов, где партизанам удобнее всего было расположить свои базы.

Арсеньев был исследователем с широким кругозором. Он был географом, краеведом, топографом, археологом и историком, ботаником и охотоведом, и, наконец, писателем-художником.

Арсеньев внушил любовь к Дальнему Востоку очень многим. И в тех преобразованиях, которые осуществляются на Дальнем Востоке, в будущем его освоении никогда не будет забыт труд этого замечательного человека.

Подобно Дерсу Узала, он не умер, а просто надолго ушел в любимую им Уссурийскую тайгу.

Г. СУШКОВА, ст. библиотекарь Дальневосточного государственного университета

«УРОКИ» АРСЕНЬЕВА

Иные события нашей жизни, хотя и давние, встают в памяти и сегодня живо и ярко. Такими были для меня те незабываемые летние дни 1928 года, когда мы, группа студентов Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской и Московского университета решили побывать в каникулы на Дальнем Востоке. Нам неожиданно повезло: во Владивостоке провести с нами экскурсию в дебри Уссурийского края, в горы Сихоте-Алиня, согласился сам Владимир Клавдиевич Арсеньев, знаменитый путешественник, знаток Дальнего Востока.

Путешествие на корабле до одной из бухт Японского моря прошло очень интересно. Все было ново для нас. Владимир Клавдиевич рассказывал нам о Дальнем Востоке, о его истории, природе и народах, заселяющих эти места.

Но особенно ценными, запомнившимися на всю жизнь показались для нас его «уроки» жизни в тайге и таежной этики.

Помню, на одном из привалов, когда мы, позавтракав, собрали свои вещи и встали, чтобы отправиться дальше, Владимир Клавдиевич поднял руку и остановил нас.

— А кто же будет убирать весь этот мусор? — и показал с укором на оставленные нами следы пребывания.

Куда девался его юмор и ласковость, с которой он обращался к нам прежде! Кто-то заметил:

— А зачем убирать? В этих дебрях и человек-то не бывает!

— Нет, нет! — воскликнул Владимир Клавдиевич. — Человек-то здесь бывает, хотя и редко, разве охотник какой или искатель жень-шеня, а вот звери разные бывают постоянно. Здесь они пасутся, приходят на водопой, некоторые за добычей. Вот видите, здесь рыли кабаны, а под теми кустами кто-то лежал... Приберите, приберите, иначе звери будут избегать этих мест.

Нам стало неловко за свою оплошность. Мы забросали землей дымящийся костер, мусор закопали в яму и покрыли травой и сухими ветками.

Или вот еще урок, преподанный нам Арсеньевым.

Сопка, по вершине которой мы шли гуськом, сплошь заросла травой по пояс. Ее колючие стебли крепко сплелись, — недаром такую траву называют «держитрава». Особенно трудно было идти первому. Приходилось нагибаться и грудью раздирать траву.

Владимир Клавдиевич подбадривал нас, подшучивал, — он-то шел легко и, казалось, нисколько не устал. Наконец, он встал впереди группы и крикнул:

— Смотрите, как надо идти в такой траве!

И он пошел, не грудью, а коленками раздвигая траву, и она перед ним как бы расступалась.

Дни стояли жаркие. В походе пот с нас, как говорится, катился градом и очень хотелось пить. Мы стали просить Владимира Клавдиевича устроить привал где-нибудь у воды.

— Где же здесь вода? — сказал Арсеньев. — Сопки без-

водны. Надо было напиться на привале так, чтобы весь организм пропитался влагой, вот тогда и не устали бы.

Но, оглядевшись, вдруг успокоил нас:

— Скоро будет вода. Видите, по поверхности травы идет зеленоватая полоса? Это вчера здесь прошел на водопой медведь. Пойдем по этому следу и найдем воду.

— А почему вы считаете, что медведь прошел вчера? — допытывались мы.

— Очень просто, трава за ночь успела подняться, осталась только зеленоватый след, да, видите, кое-где травинки поломаны.

Мы пошли по следу, который вскоре круто свернул вниз к лесу. В долине Владимир Клавдиевич остановился.

— Ну, вот и вода!

Схватив кружки, мы заметались по поляне в поисках воды, но... ее не было.

— Где же вода?

— Вот здесь, раздвиньте траву, — и будет вам вода.

Но и под травой воды не было.

— Да разберите камни! — подсказал Владимир Клавдиевич.

И верно: разобрав камни, мы увидели воду.

Чай из нее оказался очень приятным.

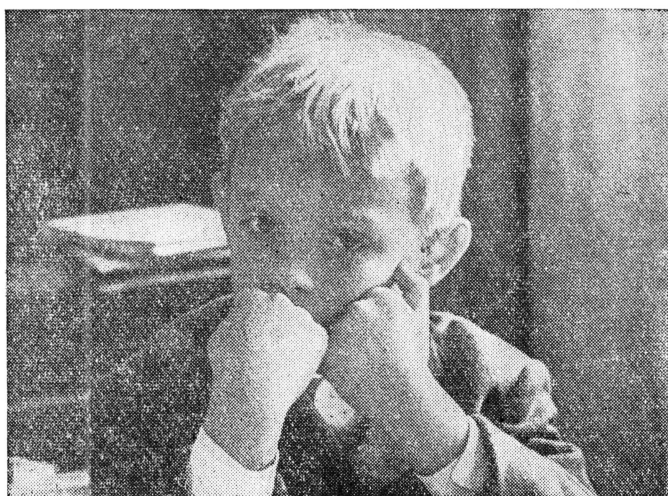
— Это потому, — сказал Арсеньев, — что в этих местах часто попадают минеральные источники. Пейте вволю. Хотя холодную воду пить приятнее, но горячим чаем лучше утолишь жажду и дорогой долго не захочешь пить.

Н. БЛИННИКОВ

УРОК

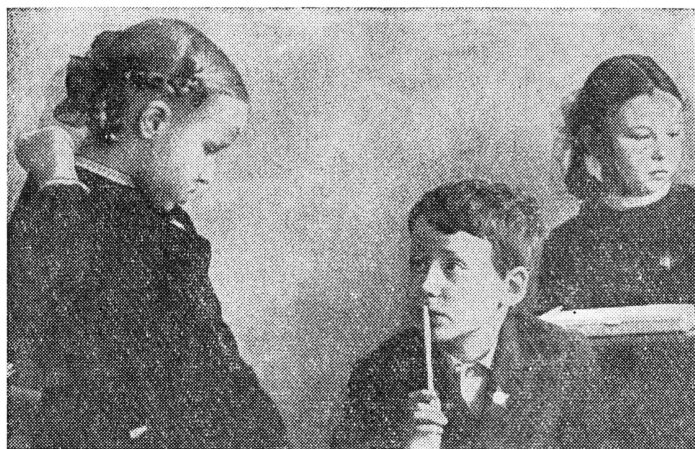
Фото М. Горфинкеля (г. Свердловск)

СЛОВО

МЫСЛЬ

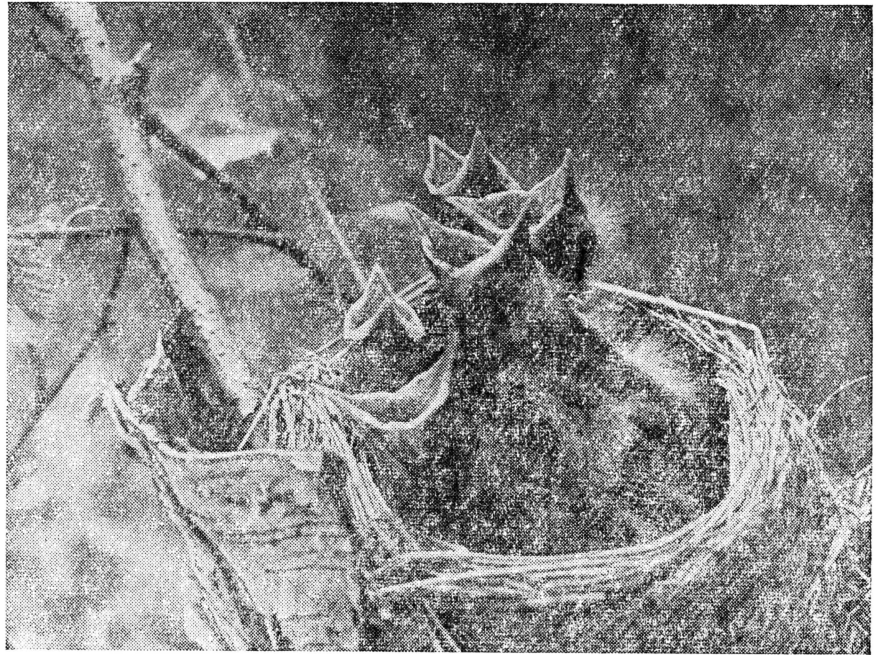
ДЕЛО

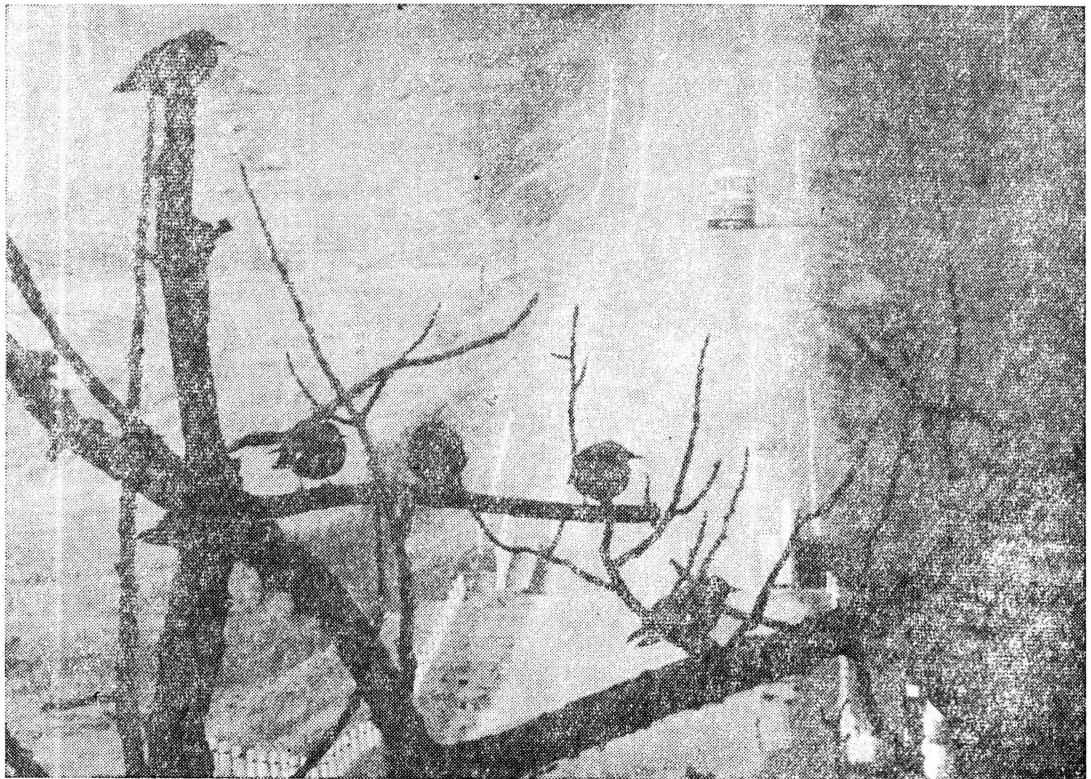
УТРО

Фото И. Тарцевского (г. Свердловск)

КВИНТЕТ

Фото Н. Яковлева
(г. Свердловск)

ПОРА В ДОРОГУ.

Фото О. Кононенко (г. Вологда)

МАШИНИСТЫ

В. ТУРУНТАЕВ

Рисунки В. Бубенщикова

С той стороны, где ведется монтаж третьего блока, ГРЭС напоминает огромное живое существо, которое питается металлом и бетоном. Ее кормилец, зеленый тепловозик серии ТГК-2, неустанно, словно челнок, снует по ниткам-путям промплощадки, подает на станцию платформы с трубами, балками, сварными конструкциями, деталями турбин и котлов. А со станции обратно на промплощадку вытягивает платформы с мусором и ломом.

Тепловозик на промплощадке не сразу и увидишь среди черных и бурых железных машин. Но, незаметно делая свое дело, он, этот тепловозик, за полтора года по крохам перевез два энергоблока крупнейшей в Европе тепловой электростанции — с промплощадки на то место, где она теперь стоит. А теперь перевозит третий. Перевезет его — примется за следующий, пока ГРЭС не задымит на полную мощность.

...Прошлым летом жара стояла почти весь июль. Машинисту еще куда ни шло — он у открытого окошка сидит, его ветерком обдувает, а помощник (он же и составитель) все бегаёт под палящим солнцем: то стрелку перевести, то платформу отцепить или прицепить. В минуты передышки Гена — помощник машиниста, смуглый, высокий, хорошо сложенный двадцатилетний парень в черной рубашке с закатанными рукавами и эластиковых брюках цвета «электрик», — поднимается в кабину тепловоза и присаживается на корточках перед эмалированным чайником, накрытым пустой консервной банкой, жадно припадает губами к его носику. Потом тоже садится к окошку — с левой стороны — и отирает тыльной стороной ладони пот с лица.

С машинистом они одногодки, и хотя Леша с виду куда моложе — он более щупл, как говорят, мельче костью, лицом и волосами посветлее и выбрит чисто, тогда как щеки помощника густо зачернены трехдневной щетиной, и пиджачок на Леше чистый и голубая отглаженная

сорочка застегнута на все пуговицы, галстук повязан аккуратно, — в отношениях их, товарищеских, доброжелательных, откровенно дает себя знать старшинство Лешы. И не только потому, что он машинист, а тот всего лишь помощник-составитель. Это — старшинство старшего брата над младшим, добровольно принимаемое обеими сторонами, как само собой разумеющийся факт.

— Как думаешь: дадут мне аванс? Рублей хоть десять, до полочки дотянуть, — советуется помощник с Лешей.

Тот, медлительный и в движениях и в словах, отвечает не сразу.

— Напиши заявление. Должны дать.

Гена всего несколько дней как пришел на стройку и пока сидит без денег. С Лешей они знакомы давно, несколько лет живут в одном поселке, и у Лешы наверняка нашлась бы лишняя десятка на неделю-другую, но ни Леша не предлагает Гене займы, ни Гена не собирается просить у товарища денег. И не потому, что Леша жалко давать, а Гене стыдно просить. Тут совсем другое: хоть в чем-то, хоть в денежных делах да надо же быть самостоятельным мужчиной. Гене не все равно, какая это десятка: плата, пускай вперед, за свой собственный труд, или заработанные другим деньги. Все это Леша понимает и, соблюдая такт, щадит самолюбие товарища.

— Читал в «Неделе» о Набережных Челнах, — меняет Гена тему разговора. — Сильнейший город будет. За пять лет население вырастет в десять раз. Каждый день человек по двести прилетает работать. Вот податься бы туда — может, машинистом поставят. А что?

Леша поворачивает голову, серьезно смотрит на своего помощника и говорит:

— Торопись. А то потом тебе там нечего будет делать.

Не поймешь — шутит он или всерьез говорит. Но Гена словно бы и не слышит ничего. Мысли его там, в Набережных Челнах. Он сладостно мечтает вслух:

— ...Никаких палаток. Сразу будут селить в благоустроенные квартиры. Ну, первое время, конечно, придется пожить в частных домах...

— Тебе сколько лет? — спрашивает Леша.

— Двадцать пять, — немного удивленно отвечает Гена.

— Двадцать пять... А пристани все никак не найдешь. Хватит прыгать-то. Посиди. Давно бы уж машинистом был, кабы сидел на месте.

Тут Леша безжалостен, почти жесток.

Тепловоз гудит, трогается с места. Гена спускается на подножку. Немного погодя прыгивает и бежит вперед переводить стрелку. Возле сварочного цеха ждет прораб отдела оборудования Алексей Федорович. Показывает рукой на платформу с толстыми гнутыми трубами.

— Надо в цех забросить.

Машинист и помощник некоторое время оценивающим взглядом смотрят на платформу, словно решают в уме уравнение с тремя неизвестными: платформа стоит между тепловозом и тяжелым «эмпээсовским» составом. Если ее сейчас втянуть в сварочный цех, то тепловозу из цеха можно будет выйти только вместе с платформой, после того, как с нее сгрузят трубы. Но это долгая история.

Гена предлагает:

— Давай перепрыгнем!

Машинист, не отвечая, оборачивается к прорабу. Тот смотрит куда-то в сторону и словно бы ничего не слышит.

— А, не стоит, — вяло отмахивается Леша.

— Да почему — не стоит? — Гена, в свою очередь, посмотрел на прораба, уставился на него блестящими черными глазами-щелочками: — Алексей Федорович, поможете нам — переведете стрелку?

— Переведу, — неохотно ответил прораб.

Дело деликатное, связанное с некоторым риском. Но не заирать же, в самом деле, тепловоз в цехе.

Задача состоит в том, чтобы поменять местами тепловоз и платформу, чтобы тепловоз оказался между платформой и «эмпээсовским» составом, втолкнуть ее в цех, а затем отвести тепловоз назад.

И вот следует красивый, стремительный маневр. Тепловоз подходит к платформе с трубами, подцепляется к ней и тянет ее за собой к стрелке. Скорость все нарастает. В какой-то момент — все искусство состоит в том, чтобы верно угадать этот момент, — Гена на ходу, стоя на платформе, отцепляет тепловоз от платформы. Тепловоз убегает вперед. Как только он проскакивает стрелку, стоящий наготове прораб переводит ее, и отставшая от тепловоза платформа — Гена уже прыгнул с нее — уходит на другой путь и там останавливается. Теперь Леше ничего не стоит подвести тепловоз к платформе с противоположной от цеха стороны. Еще минута, и платформа с трубами заброшена в сварочный цех, а тепловоз бежит выполнять новое задание.

После обеда — до конца перерыва еще минут двадцать — машинист и его помощник отдыхают на сквознячке в кабине тепловоза и за разговором то и дело прикладываются к чайнику, в который Гена уже успел набрать свежей воды из ключика. Ключик бьет в несколько шагах от того места, где остановлен тепловоз.

Гена вдруг ударяется в воспоминания о том, как он работал в «эмпээсе», на магистральных

локомотивах. На железную дорогу он пошел после девяти классов. («В десятом один месяц отучился».) Первое время был учеником слесаря в депо, затем его перевели кочегаром на освободившееся место. Тем временем он вечером закончил десятый класс и после профтехшколы сдал экзамены на помощника машиниста.

— Ты на паровозе-то не ездил? — спрашивает он у Леша.

— Нет, — качает тот головой.

— Работенка не из легких. Особенно зимой. Пропрессовываешь пальцы дышл — если рукавиц не надел, руки прямо так и прилипают к железу. А уж когда пурга... В окно смотришь — бегунков не видно. У нас, на Южном Урале, как начнут ветры дуть — хоть караул кричи. Бывало, что приходилось вызывать в подмогу дополнительный локомотив.

— Да и так, поди, хватало дел, — с сочувствием покивал Леша.

— Что ты! — обрадованно подхватил Гена. — Топку чистить — вот морока. Она, проклятая, длинная. Прокачиваешь, прокачиваешь ее вручную...

— Почему же вручную? А сервомоторы?

— Так ведь я на «Лебедянском» ездил. На нем никаких сервомоторов: вручную, колосниковым ключом прокачивали! Один раз уголь нам препаршивый загрузили — с землей, с глиной. «Козел» образовался капитальный. Всю топку затянуло: шлак спекся в куски и никак не проваливается в поддувало. Тут уж и машинист подключился, тоже взялся за железку. Машинист у меня хороший был дядька, Тимофей Михалыч. Спокойный такой, все с улыбочкой, а как приходит время смену сдавать, посерьезнеет сразу: «Вы уж, ребята, постарайтесь, чтоб блестел паровоз»... Ну, так вот. Качаем мы, качаем, а «козел» все такой же, как был. Что ты будешь делать! Хочешь не хочешь, а надо лезть в поддувало. А там — температура! «Тимофей Михалыч, — говорю, — запишите адресок. В случае чего — пару слов мамаше...» Смеется: «Ладно, полезай. После продикуешь». Натянул я на голову все, что было можно — шапку, шарф, ватник, — чтоб не обожгло сверху, взял в руки шланг и — туда, в пекло. Направил струю в «козла», он и разрыхлился по-маленьку. Нам на чистку топки и набор воды всего двадцать минут давали. Вот и успевай. А не уложился — значит, вышел из расписания. За это строго взыскивали. А тут мы крепко сели. Дежурный подбежал: «Машинист, отправляйтесь!» Какое — отправляйтесь: пока чистили топку, она поостыла, давление снизилось до шести атмосфер вместо четырнадцати. Представляешь?

Леша кивнул.

— Надо было сперва опять разогреть топку, а то где-нибудь на перегоне свободно могли застрять — с таким-то низким давлением. А уже на пять минут опаздываем. А следом — другие поезда идут... Потом нас с машинистом вызывали к начальству для объяснения. Я на всякий случай прихватил с собой кусок того угля. Это нас и спасло от наказания. Кому-то все же, видно, влетело: после того случая уголек нам стали давать такой отменный, что не жизнь пошла, а машина...

Гена отпил из чайника, вытер губы и начал новый рассказ:

— Однажды у меня в пути авария случилась. Смешная такая авария. Я тогда только с паровоза на тепловоз перешел. Ехали из Карталов в Ай-

дырлю. Половину пути проехали, — все как будто нормально. Когда миновали Бреды, я пошел в дизельное помещение проверить работу агрегатов. Ну, как обычно. Посмотрел, нет ли пробога газов, нет ли течи в водяном соединении, пощупал рукой, не нагрелся ли генератор. Послушал, нет ли стуков в компрессоре. В первой секции все нормально. Иду во вторую. Смотрю — масло во все стороны брызжет. Фонтан. Фейерверк. Кинулся к аварийной кнопке, сразу остановил двигатель. Масло — на полу, на потолке, на стенах, на двигателе, течет ручьями, льется дождем, и я уже сам весь промаслился. Оказывается, лопнул резиновый рукавчик, который соединяет центрифугу с маслопроводом.

Как раз был крутой подъем, а тут на пульте зажглась красная лампочка — сброса нагрузки дизеля второй секции. Тепловоз еле тянет, машинист в панике, а отойти никуда со своего места не может. Пока меня дождался — извелся весь. Ну, я рассказал, что произошло. Делать нечего, пришлось ему вести состав на одной секции. Да еще без помощника: меня он сразу отослал обратно в дизельное помещение. Весь оставшийся путь до Айдырли, а потом от Айдырли до Карталов я почти только тем и занимался, что убирал масло. Макал в него тряпку и отжимал в ведро. Двенадцать ведер наотжимал. Смешно, правда? Как станция — я бегу на свое место в кабину, а проехали станцию — опять масло убирать. И потом еще — неделю наверное целую — обе наши бригады в поездках все убрали масло...

Немного помолчав, Гена неожиданно заключил:

— Нет, что ни говори, большие поезда водить интересней.

— Чем же?

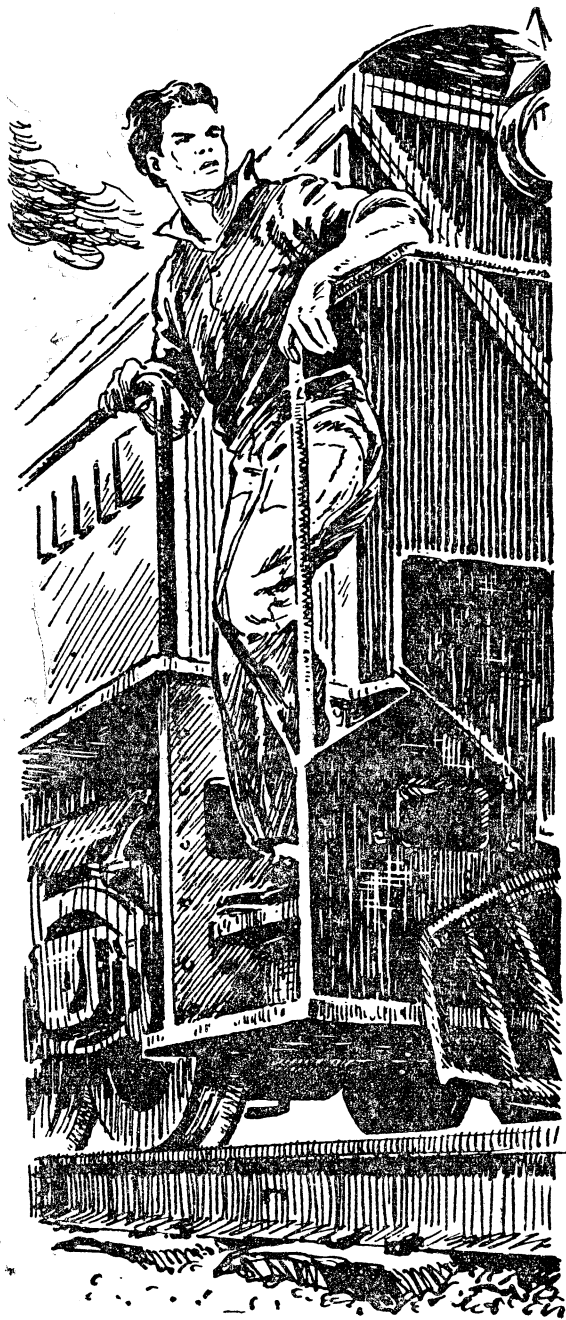
— Ответственности больше. И скорость: не едешь, а летишь. На пассажирских особенно. Смотришь вперед и нервы у тебя — как струны. Вот и станция. «Стрелки по прямой, путь свободен!» — ты ведь отчеканиваешь это, словно боевое донесение. А машинист тоже по-военному отвечает: «Понял: стрелки по прямой, путь свободен!» Потом дежурный по станции показывает белый диск. Я — снова: «Дежурный дает на проход!» — «Понял: дежурный дает на проход!» И уже станцию будто ветром сдуло, а ты мчишься дальше...

Леша не выдерживает, начинает возражать: — Ну, проехал одну станцию, проехал другую, третью. Потом возвращаешься назад. Потом — снова туда и снова возвращаешься. Месяц, год, два года... Как стояли станции, мимо которых ты проносился, так и стоят. Ну, может, где за это время вместо старого вокзала новый построят, или заводские корпуса замаячат на горизонте. Так ведь ты какое к ним отношение имеешь? Они, заводские-то корпуса, без тебя возникают. Ты лишь со стороны на них поглядываешь. А тут, — Леша кивнул в сторону электростанции, — тут вот она, твоя работа! Белоярскую атомную вот так же возил, платформу за платформой, а теперь смотрю на нее и сам удивляюсь: как-то не верится, что вся она прошла через мой тепловоз. А ведь прошла. Моя она, выходит, Белоярская-то атомная. И эта будет моей.

— А ты не хотел бы водить большой тепловоз? — спросил Гена, прищурившись.

Вместо ответа Леша поглядел на часы:

— Поехали на девятую нитку.

Гена поднялся.

— Сам виноват, — продолжил разговор Леша. — Никто тебя не гнал с большого тепловоза.

— А... Ясно, что сам виноват, кто же еще, — и Гена вышел на боковую площадку.

Верно, никто не гнал его с большого тепловоза, а даже напротив: когда пришло время, его послали в Свердловск на курсы машинистов. Он кончил их на «отлично», и гернись он опять в свое депо, то был бы сейчас не помощником-составителем, а машинистом и водил бы большие поезда по большим дорогам и наверняка не было бы у него причин тосковать по другой, более интересной, по его мнению, работе.

Но именно в то время, как возвращаться Гене в депо — ни раньше, ни позже, — прочитал он в газете о строительстве Белоярской атомной. От Свердловска до стройки рукой подать. Сел в автобус, через два часа — уже там. Прошелся по поселку — и все понравилось: Дворец культуры, магазины, дома. И даже само название поселка — Заречный.

Зашел Гена в железнодорожный цех стройки. Начальник ему пообещал: «Вот только получим новый промышленный тепловоз — поставим тебя машинистом. А пока поработаешь помощником на паровозе».

Гена согласился на такое предложение. Ну и как тут рассудить: было ли это его ошибкой? Он на секунду представил на своем месте Лешу. Нет, тот вряд ли бы так, вдруг, сорвался с места. И сюда-то, на новую стройку, он с Белоярской атомной не как-нибудь перешел, а переводом. Однако всяк живет своим умом и у каждого свой характер. Ничего такого плохого, если разобраться, не было в том, что Гена приехал работать на Белоярскую станцию, и если бы только начальник железнодорожного цеха, Евгений Валерьянович Швецов, сдержал свое слово, с Геной не случилось бы того, что случилось...

Месяца два Гена проработал помощником на «кукушке», и его послали в Муром получать новый тепловоз. Получил, привел. На этот тепловоз поставили машинистом другого, а Гену — на старый, тоже машинистом.

Ну, это не беда, что на старый. Редко бывает, чтоб пришел человек, и ему сразу новую машину дали: ты сперва покажи себя. Тут начальник цеха, может быть, даже правильно поступил. Не беда и то, что ездил Гена без помощника, с одним составителем: тепловоз был совсем маленький, и по штатному расписанию не полагалось на нем иметь помощника.

Все как будто шло своим чередом. Но однажды Гена узнает, что его тепловозик переводится на односменную работу, а он, Гена, — снова помощником машиниста на паровоз.

Вот тогда обиделся Гена смертельно и ушел работать на электростанцию дежурным слесарем. И тут тоже попробуй разберись: с одной стороны, то, как обошлись с ним — форменное издевательство над человеком. Не всякий на его месте стерпел бы. А с другой — конечно: уйди ты куда хочешь от начальника, который с тобой обошелся по-свински, но зачем же уходить от самого себя, от своего призвания? Зачем было уходить с железной дороги, без которой ты просто-напросто не можешь существовать? Неужели ты не знал, не чувствовал, когда уходил, что вернешься назад? Три года словно вычеркнул из жизни —

ни стажа теперь нет, ни практики. Все надо заново набирать.

...На девятой нитке стояла платформа с упакованным в ящики оборудованием. Подогнали ее в корпус электростанции, поставили под разгрузку и — назад, на седьмую нитку, где уже ждала платформа, груженная железобетонными плитами — для кровли главного корпуса. Потом опять доставили трубы в сварочный цех, вытащили из корпуса две платформы с мусором.

В главном корпусе творилось что-то невообразимое: на втором котле шли предпусковые работы. На днях должен был состояться пробный его пуск, уже и государственная комиссия приехала. А пока есть еще время, устранялись мелкие недоделки: едва ли не на каждом квадратном метре поверхности котла сидело по человеку в зеленой защитной каске. Голубые бенгальские огни электросварки то вспыхивали, то гасли по всей сорокатикилометровой высоте.

Рядом со вторым котлом уже поднимались под самую кровлю на вид легкие, насквозь просматриваемые конструкции каркаса третьего котла.

— Скоро на турникете будем возить стотонные блоки, — Леша оценивающим взглядом окинул конструкции.

— Вот это, должно быть, интересная работа, — высказал предположение Гена, желая сказать товарищу что-нибудь приятное.

Леша пожал плечами.

— Да мне все интересно тут. Ну, габариты большие — только и разницы. А так... — он подумал и, помедлив, поправился: — Хотя, пожалуй, первый раз было страшно...

...Первый раз это было в ночную смену. Может быть потому так ярко и запечатлелись в памяти все подробности. В начале смены прораб сказал: «Надо, чтоб к утру верхняя радиационная часть котла была в главном корпусе. Через час кончится погрузка, а там уж все будет зависеть от тебя». Леша заранее подвел тепловоз к платформе с установленным на ней ярко-желтым турникетом — специальной сваренной из толстых стальных труб площадкой для транспортировки крупных блоков. Два «козловых» крана уже подняли на тросах верхнюю радиационную часть, и она медленно приближалась к платформе. Яркий свет прожекторов заливал погрузочную площадку. Гудели электромоторы. Кричали и размахивали руками рабочие. Вот блок завис над турникетом, стал медленно-медленно снижаться. Пролет между ним и верхней кромкой турникета становился все меньше, меньше... Когда блок всей своей громадой опустился на платформу, та осела под его тяжестью.

Леша подвел тепловоз к турникету. Не доверяя помощнику, сам спустился вниз, проверил сцепку. Если платформа с блоком, чего доброго, оторвется от тепловоза и пойдет под уклон — не миновать беды: стотонным тараном врежется она в главный корпус, все круша и сметая на своем пути...

Вперед шел прораб. Машинисту его не видно было из-за турникета. Все указания прораба Леше передавал помощник, который шел сбоку. Малейшая неровность рельсов — и от прораба уже поступает сигнал: «Тише, тише!» Леша и без того все время вел тепловоз на тормозах. Чуть стоило отпустить — прораб тут же принимался сигнализировать: «Тише, тише!»

Минут сорок продолжался весь рейс. Пеш-

ком это расстояние можно в пять раз быстрее пройти — тут меньше километра. Вот, наконец, прораб выбежал из-за турникета и велел остановиться. Открыли ворота. На самой малой скорости Леша ввел состав в главный корпус... Когда он пришел заступать на следующую смену, верхняя радиационная часть уже была поднята.

...Громкоговоритель донес голос диспетчера: — Машинист тепловоза!.. Машинист тепловоза!..

«Что там еще?..» — Леша остановил тепловоз, выставил в окно и напряг слух.

Подбежал Гена, влез в кабину.

— Слышал, куда посылают?

— Слышал, — кивнул машинист. — Там прораба не видно?

— Идет, — Гена присел на корточки, выпил воды и, зажав между коленями руки, устоял в одну точку в полу. На лбу и на верхней губе у него блестели капельки пота.

Подошедший в этот момент прораб разъяснил задание: надо срочно доставить на стройбазу два вагона с грузом.

— Там уже ждут, — добавил он.

Всего каких-нибудь пять километров было до стройбазы и — надо же! — как раз на перегоне заглох двигатель. Тепловоз остановился.

Леша, не проронив ни слова, попробовал запустить двигатель. Это ему удалось, но лишь только он убрал ключ со стартера, как машина опять заглохла.

— Реле, — высказал догадку Гена.

— Дай сигарету, — попросил Леша.

— Последняя, — ответил Гена, доставая из заднего кармана измятую пачку.

Он не узнавал лица машиниста: так оно потемнело. Оба они прекрасно понимали, что значит застрять на перегоне: здесь проходят магистральные поезда. В любую минуту мог выскочить из-за поворота состав...

Леша неумело закурил, раза два затыкнулся и отдал сигарету помощнику. Затем они открыли люк, чтобы проверить промежуточные реле, через которые замыкается электрическая схема, и увидели, что у шестого реле обгорели и погнулись все три лапки, которые при повороте стартера должны прижиматься к электромагнитной катушке. Случись это на промплощадке — ну, что ж: затратили бы минут двадцать на ремонт, припаяли бы новые лапки либо поставили новые реле. А тут...

— Давай соединим напрямую, — сказал Гена.

Леша быстро взглянул на него:

— Это запрещено!

— На перегоне стоять тоже запрещено, — возразил Гена.

Леша посмотрел по схеме:

— Вообще-то можно. Нам ведь только доехать.

При таком прямом соединении тепловоз на ходу ведет себя, как обычно, но во время остановки машинисту надо держать ухо востро: если двигатель не выключен, рука все время должна лежать на тормозе. Стоит только отпустить руку, и тепловоз тут же тронется с места.

Быстро подсоединили провод к вентилю гидравлики.

— Поехали!

Леша включил предельную скорость, на которую только был способен тепловоз — около тридцати километров в час. Вон уже за соснами и стройбаза. Еще немного — и закончился перегон.

Едва перескочили стрелку, как сзади послышался шум приближающегося поезда. Застучали на стыках тяжелые колеса шестидесятитонных пульманов, доверху наполненных углем...

— В рубашке мы с тобой родились, — облегченно вздохнув, проговорил Гена.

Леша не ответил. Он даже не оглянулся на проносившийся за их спинами длинный состав, который тянули два магистральных тепловоза.

Когда въехали на стройбазу и остановились у разгрузочной площадки, Гена спрыгнул на землю и полез под вагоны рассоединять рукава и ставить башмак. За эту минуту — пока он там возился — Лешу прошиб холодный пот. Вцепившись обеими руками в ручку прямодействующего тормоза, он держал ее мертвой хваткой до тех пор, пока Гена опять не поднялся в кабину.

— Наконец-то! Ты там возишься внизу, а я все думаю: ну, как пойдет тепловоз!

— Так ведь ты держал ручку? — спокойно отозвался Гена, присаживаясь на корточки перед чайником.

— Держал. И все боялся, что она сама прыгнет.

Гена засмеялся:

— Так не бывает.

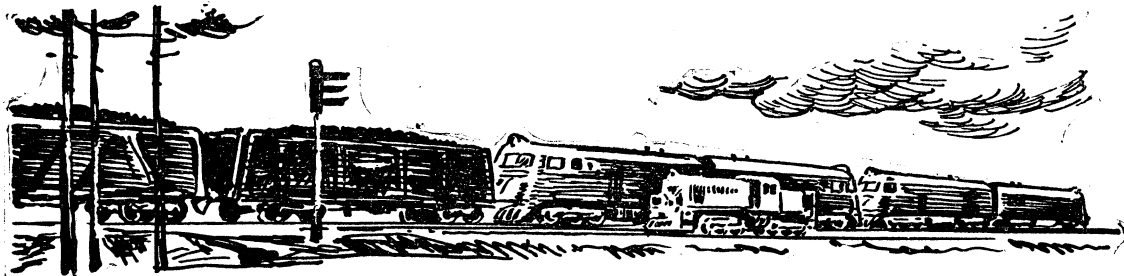
— Знаю, что не бывает, а все равно боялся! Давай запасное реле!..

..Вечером, сдав тепловоз другой бригаде, Леша и его помощник побрели на автобус. Жара спала, и усталость чувствовалась меньше.

— На водную махнем завтра? — спросил Гена.

Леша кивнул.

Этой ночью ему приснилось, будто он вел на огромной — дух захватывало — скорости большой, тяжеловесный состав. Вот уж скоро и станция, на которой предстояла остановка, пора было замедлять ход. Но почему-то помощник лихо отчеканил: «Дежурный дает на проход!» И Леша, удивленно и растерянно — ведь останавливаться надо! — отозвался: «Понял, дежурный дает на проход!» Тепловоз продолжал мчаться на полной скорости...

ИЗЪ ВУКИ ВЪДИ

БЕЛЫЙ ГУСЬ

В «Пословицах русского народа», собранных В. И. Далем, есть один забавный рассказик.

Как-то шли по дороге два странника: слепой и его вожатый. Вожатый похвалился, что похлебал молока. «А какое оно?» — спросил слепой. «Сладкое да белое», — ответил вожатый. «А что такое белое?» — не понял слепой. «Как гусь». «А что такое гусь?» Вожатый согнул руку костью: «Вот такой!» Слепой пощупал и понял, что такое молоко.

Это, конечно, шутка. На самом деле человек, ни разу не видевший предмета, о котором ему рассказывают, вряд ли сможет представить его в своем воображении в полной мере. Когда мы слышим привычные слова, называющие знакомые предметы, то сразу понимаем, о чем идет речь.

Хлеб, рука, стол, самолет, пионерский галстук — образы этих предметов мгновенно вырисовываются перед нами.

Но теперь возникает вопрос: откуда берутся значения, каковы их исторические судьбы?

Возьмем, к примеру, то же прилагательное **белый**. **Белый снег, белое молоко, белый гусь, лебедь...**

Много тысячелетий тому назад в индоевропейском языке был корень **бха-светить, сиять, блестеть**, давший в славянских языках **бе-**. Со временем с помощью суффикса **-л** возникло отглагольное прилагательное **белый** со значением **блестящий, сияющий**, которое постепенно перешло в разряд качественных. Производные этого корня можно обнаружить в украинском, болгарском, сербохорватском, польском, литовском, греческом и других языках.

В современном русском языке есть немало слов, образованных с помощью прилагательного **белый**. Так, Белоруссия названа потому, что живущий в ней народ — белорусы — имеют светлые, белокурые волосы, национальную одежду белого цвета. Белье — первоначально белое, некрашеное полотно, а затем уже изделие из этого полотна. Впоследствии стали шить белье из розовой, голубой, зеленой ткани, однако название изделия осталось прежним. И нас ничуть это не удивляет.

В говорах слово **белье** встречается с иными значениями. **Белье** — лучшая, праздничная одежда (в противоположность плохой, суровой). А в Хохломе **белье** — это неоконченные изделия из дерева. Названы они так потому, что эти деревянные изделия покрывают белой краской перед тем, как ставить в сушильную печь. И только после просушки расписывают разными красками.

С помощью прилагательного **белый** возникло и слово **белка**. Еще в древнерусском языке было два названия белке: **бела** — белка и **веверица** — тоже белка. Оказывается, этот зверек имел и белую шкурку. Вот и получилось, что белку стали называть **бела веверица** — буквально — белая белка. Сейчас такого зверька увидишь разве что в зверинце. Со временем **бела веверица** превратилось просто в **белку**. Название живет по-прежнему, несмотря на серые или коричневые шкурки зверюшек.

Существующие ныне слова, особенно те, которые называют предметы, сопровождающие человека на протяжении всей его жизни, уходят своими корнями в седую древность. И одним из первых, наверно, родилось слово **мать**, потому что первые «настоящие» звуки, издаваемые младенцем (ма-ма) становятся и первым его словом. Правда, не во всех языках они совпадают по значению. Если в русском языке **дед** — старик, отец матери, то в грузинском **дедом** зовут **мать**, а **матерью** — **деда**. Откуда пошла такая пуганица? Ответ помогут найти... сами младенцы. Если внимательно прислушаться к их лепету, то можно заметить, что произносятся они немало звуков: **тя-тя, ба-ба, ма-ма, де-да**. Грузинские

малыши, наверно, очень хорошо «говорили» **де-да**. Из этих звуков и возникло слово **деда**, которым называли грузинскую маму.

Вот так из первых звуков возникают первые слова, но значения, как видим, они получают разные.

Но не надо думать, что значения слов остаются раз и навсегда данными. Уж на что конкретны слова **мама** и **дед**, но и они могут получать другие значения и даже переноситься на другие предметы. **Матерью** мы называем свою **Родину**. **Матерью** можно называть и то, что является источником жизни, энергии. А в просторечии **мать** — обращение ко всякой пожилой женщине. **Дедом** зовут не только **отца матери**, но и вообще **пожилого человека, и предков, живших в старину**. А в русских говорах есть слово **дедок** со значением **лопух, репейник**. По-видимому, такой перенос значения был вызван тем, что колючки репейника чем-то похожи на бритую бороду старика. По народным верованиям в прошлом **дедом** звали **домового** — духа, оберегающего дом от нечистой силы. В некоторых местах и до сих пор **дед** — **медведь**, потому как он хозяин леса.

Конечно, всем известно, что **вежливый** — значит **учтивый, благовоспитанный**. Но в некоторых северных русских наречиях **вежливый** не кто иной, как **колдун на свадьбе**.

Подобное описание свадебных обязанностей **вежливого** найдем в «Словаре областного архангельского наречия», составленного еще в прошлом веке известным русским собирателем диалектной лексики А. Подвысоцким. ...Вежливый должен охранять свадьбу от враждебных духов, ограждать молодых от злонамеренных чар, предупреждать те случайности, которые считаются недобрым предзнаменованием: чтобы лошади в свадебном поезде не останавливались, не рвались и т. д. Вежливый осматривает все углы и пороги в доме, пересчитывает камни в печках, кладет замок на порог, дует на скатерть свадебного стола, нашептывает разные на-

говоры над одеждой молодых и над лошадиной сбруей...

Почему же колдуня на свадьбе или деревенского знахаря называли вежливым? Может быть, он особо вежливо со всеми обращался? Нет, совсем по другой причине. Прилагательное **вежливый**, как в современном литературном языке, так и в говорах, восходит к глаголу **ведать** — **знать**. Диалектное **вежливый** — это **знающий заговоры, ведающий средствами защиты от злых духов, способы изгнания болезней**. Подобным образом развилось значение у слова **вежливый** и в литературном языке: **знающий правила поведения, приличия, воспитанный, отличающийся учтивостью в обращении с окружающими** человеком.

А бывают такие случаи, когда значение претерпевает какие-то изменения, а потом вновь возвращается к своим прежним смысловым границам.

В селе Осинцево Зайковского района Свердловской области можно услышать, например,

такие слова: «Кто-то по хлебу брод прошел». Или: «На самой высокой траве кто-то брод сделал». Здесь слово **брод** означает не «мелкое место поперек реки, удобное для перехода», а «след на траве и хлебных посевах». Заглянем в «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского: **брод** — **путь, проход**. Как видим, они довольно близки к диалектному значению. Однако, если мы справимся в этимологическом словаре об исходном значении слова **брод**, то найдем: **топкое место, брод**. Из слова **брод** образовался глагол **бродить**, первоначальное значение которого — **переходить реку вброд**. Вероятно, уже в древнерусском языке это значение расширилось — означало **всякий путь, проход в чем-то**. Как раз последнее значение, более широкое, по сравнению с первоначальным, и отмечено И. И. Срезневским. Но впоследствии слово **брод** возвращается к своим прежним смысловым границам, поэтому и имеем ныне в лите-

ратурном языке: **брод** — **мелкое место поперек реки или озера, удобное для перехода**. В говорах же такого возвращения не произошло. Сохранили говоры и древнее значение глагола **бреду, брести** — **переходить через реку вброд**. В литературном языке слова **бродить** и **брести** пошли по пути расширения значений: сейчас эти глаголы означают уже **просто движение**, а не «переход через реку вброд». И теперь эти родственные слова имеют довольно четкие смысловые различия: если бродить можно беспорядочно, в различных направлениях, то брести — это двигаться преимущественно в одном направлении...

А почему в говорах **первая трава** и «**веснушки на носу у девчушки**» получили название **весна**? Может быть, оттого, что и трава вырастает и веснушки высыпают на носу, когда зацветет солнце? Как по-вашему?

А. БЕЛЯЕВ

«ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ»

Уже не первый год я с интересом читаю в «Уральском следопыте» статьи под рубрикой «Аз, буки, веди». Я живу в Нязепетровске Челябинской области и часто встречаю «знакомых незнакомцев». О некоторых из них и хочу вам рассказать.

Захтепа

Весной 1956 года я проходила государственную практику в больнице города Нязепетровска. Помню, после ночного дежурства зашла утром в приемную комнату и стала расчесывать волосы. Акушерка, сидевшая на диване, посмотрела на меня и спросила:

— Захтепа-то у тебя есть?

Я решила, что захтепа значит заколка для волос. И ответила ей так: «Захтепа есть, но всего одна, и если вам отдам ее, то волосы нечем будет держать».

Она посмеялась вволю надо мной, а потом объяснила: «Захтепа, захтепка — это ухажер, кавалер».

Межеумок

Сидят на диване две санитарки. Тихо разговаривают. Слышу: «Вот и еще один межеумок появился». Думаю, про дурачка разговор ведут. Слушаю дальше. Оказывается, муж ушел от жены, межеумок значит разведенный, без жены.

Задымок, задымка

Пилю дрова со старым фельдшером. Поработали, сели отдыхать. Иван Степанович предлагает: «Хватит на сегодня, осталось на **задымку**». Я переспросила: «На задымку?» Он ответил: «Ну да, немного осталось, на **растопку**».

Будёнок

Сижу на приеме в сельском медпункте. Жду фельдшера. Входит его жена Анна Степановна. Спрашиваю: «А где Иван Степанович?» «Да уехал на **будёнок** в город за лекарствами».

«Что это за **будёнок**?» И слышу в ответ: «**На один день**. Значит уехал утром, а вечером обратно».

Б. УЖЕГОВА

ОЗЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Мы не можем просто гулять по раздолью нашей Родины, мы должны быть участниками ее переустройства и творцами новой жизни». Эти слова академика А. Е. Ферсмана стали девизом следопытов чимшинской школы № 2 в Башкирии.

Один из отрядов следопытов уже несколько лет изучает озера республики. В Башкирии их более тысячи. Свой первый поход ребята совершили на самое большое в Приуралье озеро — Аслы-куль. От рыбаков они узнали много интересного о природе и характере Аслы-куля.

Местные жители рассказывали, что во время бурь со дна озера вымываются стволы сосен — видимо, в далеком прошлом на месте водоема был большой хвойный лес. Следопытам тоже удалось достать со дна озера большой кусок ствола, он хранится теперь в школьном музее.

На высоком южном берегу Аслы-куля находятся две горы — Карагаз и Олы-Нура. Первая названа так потому, что на ее склонах когда-то росли лиственницы (по-башкирски «карагач»). Напротив, на северном берегу, поднимается гора Кече-Нура, которая, судя по форме и слагающим ее породам, была когда-то продолжением Олы-Нуры. Следопыты пришли к выводу, что в прошлом на месте Аслы-куля была холмистая возвышенность, покрытая хвойным лесом, и образование озера связано с карстовыми явлениями. Последнее подтверждается и сохранившимися легендами. Так, в деревне Алга со слов деда Мухарьмова ребята записали такой рассказ. «Давно это было. Однажды ночью разразилась страшная гроза, земля стала сотрясаться, деревья стонали и гнулись, дождь лил потоком. К утру все стихло, и люди были поражены невероятным зрелищем: на месте лесов появилось озеро».

Другая легенда рассказывает, почему вода в озере соленая.

На берегу озера в Орышкулье жили когда-то башкирские бай. У одного из них была красавица дочь Баянсылу. Полюбили Баянсылу два джигита — Марадым и Идукэй. Баянсылу не знала, за кого выйти замуж, и сказала: «Кто окажется бо-

лее ловким и сильным в борьбе, тот получит меня в жены».

Марадым был убит в поединке, и бай Идукэй получил право на руку Баянсылу. Назначили день свадьбы. Пришли богатые бай, их жены, пришел и отец убитого Марадыма. Он преподнес жениху чашу с отравленным кумысом. Идукэй выпил кумыс и тут же умер. Баянсылу осталась одна. Тогда разгневанный отец Идукэя приказал выбросить в озеро весь яд, который можно было найти в округе. После этого вода в озере стала соленой — «ачилы», и озеро назвали Ачилы-куль (теперешнее Аслы-куль).

Старожилы рассказали ребятам, что раньше вода в Аслы-куле была прозрачной, дно чистым, а теперь здесь много ила. Следопыты выявили причины этих изменений. На берегах лес вырублен, земли вокруг озера теперь распаханы, усилились эрозия и снос в водоем почв.

Местные жители приводили многочисленные примеры, говорящие о целебных свойствах воды и ила. Ребята записали эти ценные сведения.

Из материалов, собранных в первом походе, были составлены альбом, коллекции пород, слагающих берега озера, гербарии прибрежных растений.

Следопыты решили продолжить изучение Аслы-куля и написали в отдел гидрологии Казанского филиала Академии наук. Оттуда пришло подробное задание.

Второй поход превратился в настоящую экспедицию. Следопыты вели теперь исследовательскую работу: производили промеры глубин, делали топографическую съемку, изучали водный режим озера, источники и речки, впадающие в него, определяли расход воды, вычисляли площади зарастания Аслы-куля, измеряли температуру воды на разных глубинах.

Результаты получились очень интересные. В частности, было установлено, что в озере Аслы-куль нет резких перепадов глубины и резких изменений температуры. Это значит, что оно не имеет подводных источников и питается в основном водой ручьев, дождевыми и вешними водами.

Во время экспедиции школьники выясняли современные и старые названия рек, ручьев, родников, оврагов, деревень. Собирали сведения о прошлом и современном использовании земель вокруг Аслы-куля. Вот, например, деревня Бурангулово. Она основана около 300 лет тому назад. По преданию, земли ее принадлежали башкирскому баю Бурангулу. Однажды утром он поднялся на одну из гор, и перед ним в лучах восходящего солнца открылось озеро, а вокруг него леса на высоких холмах, изумрудно-зеленые луга на склонах. «Лучшего места для стоянки и выпаса лошадей и овец не найти», — решил Бурангул. Так появилась стоянка на берегу озера, а впоследствии — деревня Бурангулово.

Следопыты записали рассказы старожилков о тяжелой жизни бедных башкир в прошлом, увидели, какие большие перемены в их жизни произошли в годы Советской власти.

Такую же исследовательскую работу провели юные гидрологи на озере Кандры-куль — одном из красивейших в Башкирии. Живописные горы и леса окружают Кандры-куль. Недаром называют это место «Башкирским югом».

В пойме реки Дёма, на участке от деревни Абдуллино до деревни Кучумово, насчитывается свыше 80 больших и малых озер. Все они образовались в результате изменения русла Дёмы. По заданию ученых Казани ребята изучали и эти относительно молодые озера: делали промеры глубин, наблюдали за жизнью подводного мира, за состоянием воды, ледовым режимом. А главное — активно участвовали в охране этих озер. Вот один из примеров. В 1969 году в связи с сидь-

ными морозами лед был толще обычного. Озера «горели», под толстым льдом рыба задыхалась от недостатка кислорода. В это время браконьеры хищнически вылавливали ее. И тогда следопыты стали рубить небольшие лунки, чтобы спасти рыбу, организовали патрульную службу.

В последние два года гидрологи чишминской средней школы выполняли задание Башкирского филиала Географического общества СССР. Они исследовали озера Бирского района, расположенные на низменном левобережье Белой. Наиболее живописное из них и богатое рыбой — озеро Шамсутдин.

После знакомства с его берегами и бесед с местными жителями закипела работа. Топографы принялись за топографическую съемку, гидрологи — за измерение глубин озера и температур воды, биологи — за изучение растительности и животного мира, а группа краеведов-корреспондентов занималась сбором сведений об окружающей природе и хозяйственном значении озера. Так была составлена физико-географическая характеристика Шамсутдина.

В отзыве о работе следопытов было особо отмечено, что подробное описание озера Шамсутдин сделано впервые и очень обстоятельно.

В этом году юные гидрологи школы по заданию Башкирского университета и Геологического управления изучали озеро Долгое в Уфимском районе, снова их работа получила высокую оценку.

Л. Т. ТИМАШЕВА, заслуженная учительница РСФСР

ТАК НАЧИНАЕТСЯ...

...ЯЙВА

На южном склоне высокогорного плато Кваркуш рождается один из наиболее крупных притоков Камы — река Яйва.

Маленьким родничком, пробившимся на живописной лесной поляне, начинает свой более чем трехсоткилометровый путь к Каме горная Яйва.

Яйва — река интересной и примечательной судьбы. В далеком прошлом по ней проходил путь от Соли Камской в Сибирь. На ее берегах, в деревне Григоровой, в 1617 году Яковом Литвиновым была открыта первая на Урале медная руда. Ныне Яйва играет важную роль в жизни севера Пермской области. В нижнем течении она используется для судоходства и массового лесосплава. В среднем течении река снабжает водой крупнейшую на Урале Яйвинскую ГРЭС.

Своеобразна природа верховий и истока реки. Роскошные альпийские луга сменяются здесь моховыми болотами, суровая темно-хвойная тайга — живописными зарослями ивняка и рябины, карликовая полярная береза — высокоствольной и стройной альпийской елью (она встречается на Урале только в одном месте — именно там, где берет начало Яйва).

Здесь, в месте пересечения многочисленных туристских троп, проходящих вдоль и поперек Уральского хребта, в прошлом стояла небольшая охотничья избушка. Добрым словом вспоминают ее туристы, охотники и пастухи-оленоводы. Сейчас, когда Яйву все чаще посещают туристские группы, когда ее верховья и притоки — горные

речки Кадь, Чикман, Жигалан — используются для сплава на плотах и байдарках, следует подумать о сохранении и благоустройстве истока, хорошо бы восстановить охотничью избушку, поместить в ней стенд, рассказывающий о Яйве, ее богатствах, об условиях сплава на плоту и байдарке, особенно в условиях использования нижнего течения реки для лесосплава и судоходства. И установить прочный — на долгие годы — мемориальный столб.

Кто возьмется за это? Может быть, пермские следопыты, которые особенно часто бывают у истока Яйвы, и Пермский областной совет по туризму?

...МЕЖЕВАЯ УТКА

Верховья этой реки, одного из притоков Чусовой, находятся, примерно, в двадцати километрах от крупного промышленного центра Свердловской области — города металлургов и машиностроителей — Нижнего Тагила.

До слияния с Чусовой река проходит через живописную местность, где глухие таежные леса из ели и пихты чередуются с кедровниками и сосновыми борами, скалистые обнажения сменяются лесистыми горными вершинами.

Прошлое Межевой Утки примечательно во многих отношениях. Оно связано со становлением и развитием горнозаводского дела на Урале.

Более 230 лет назад на этой горной реке были построены Висимский и Висимо-Уткинский заводы, созданы уникальные плотины и «судоходные» гавани (сохранившиеся до настоящего времени), проводился сплав весенних караванов. В Усть-Утке, бывшей тогда наиболее крупной караванной пристанью, вольный мастер Максим Утемов построил в 1860 году первый на Урале пароход с железным корпусом.

В поселке Висим, что стоит на берегу Межевой Утки, родился и долгое время жил Д. Н. Мамин-Сибиряк, сейчас здесь мемориальный музей, ежегодно привлекающий многочисленных посетителей. Верховья реки радуют любителей уральских самоцветов щедрыми находками узорчатых камней.

В районе истоков реки, у склонов горы Синой, находится удивительно своеобразное озеро — Бездонное. Оно расположено в месте пересечения Межевой Утки со старым Висимским трактом, в глубокой каменной чаше, окруженной крутыми склонами. Озеро совершенно круглой формы. Его прозрачные зеленоватые воды не скрывают каменистого дна — на глубине в десять и более метров видны серые массивные плиты, отсюда уходящие еще дальше вглубь.

В прошлом местные жители не раз пытались измерить глубину озера, но безуспешно. Поэтому и назвали его Бездонным. Глубины водоема и в самом деле удивительны — уже в трех-четыре метрах от берега они достигают тридцати метров, а к центру увеличиваются до пятидесяти.

Другая примечательность озера — погребенный в нем лес. Сквозь прозрачные воды на склонах подводного берега видны многочисленные стволы елей и сосен, нагроможденные в хаотическом беспорядке. Удивительную картину представляют эти деревья, стоящие на выступах дна.

Этот подводный или, как называют его местные жители, «мертвый лес» образовался в результате того, что при растворении известняков, из которых сложены берега, огромные глыбы вместе с деревьями сползли в воду и оседали на каменистом дне.

Есть в этом озере и подводные пещеры. А населяют его простейшие организмы, каких не встретишь в других уральских водоемах. Из обычных озерных рыб в Бездонном озере живет только озерный голяк.

Много еще не раскрытых загадок таит это лесное озеро, питающее своими водами Межевую Утку и ждущее детального изучения и заботливой охраны.

В. ГОЛОВКО, инженер-гидролог

ВОЛК

Я, мой товарищ Володя и его девятилетний сынишка Саша разбили палатку на берегу красивейшей белорусской реки Припяти. Володя занимался рыбной ловлей, а мы с Сашей исследовали окрестности, делали снимки.

В тот день Володя поднялся очень рано и на лодке уплыл в один из заливов, где рыба ловилась лучше. Мы с Сашей спали. И вдруг сквозь сон слышу: «Скорей ружье! Ружье неси!» Я вскочил, схватил ружье и бегом на берег. Мой товарищ в лодке на середине реки, а возле лодки...

— Волк! Волк! — орал Володя, что есть мочи. — Стреляй!

Волк, подгоняемый лодкой, подплыл к берегу у обрыва. Вы бы видели его стремительный прыжок на высоту более двух с половиной метров. Это — стрела. Молния. Поднял я ружье, но выстрела не последовало.

Когда Володя высказал все то, что говорят в таких случаях охотникам, которые почему-либо не стреляют или делают промах, я привел ему свои аргументы. Во-первых. Дробь у меня для стрельбы по уткам. Для волка такая дробь ничто. Во-вторых. Я не мог стрелять потому, что Володя был рядом с волком. И в-третьих. Ружье у меня было без патронов. Я их спрятал от любопытных глаз Саши. Да и вообще, кричал бы ты лучше: «Неси фотоаппарат!» Отличный бы получился снимок!

В. МИЦКЕВИЧ, техник
Киев

К 90-летию со дня рождения А. П. Бондина

Имя Алексея Петровича Бондина, девяностолетие которого в августе этого года отметила общественность Урала, прочно вошло в нашу уральскую литературу, наряду с прославленными именами Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова.

Пьесой «Враги» (она с успехом ставилась в годы гражданской войны красноармейскими и рабочими коллективами) А. П. Бондин открыл самую первую страницу в истории советской уральской литературы и до конца жизни преданно и влюбленно служил ей, оставив нам целый ряд талантливых книг.

Это и удивительно и, в то же время, знаменательно, потому что Алексей Петрович был просто рабочим и многие годы делил свое время между двумя рабочими местами — слесарным станком и письменным столом.

Книги А. П. Бондина (некоторые из них адресованы ребятам — сборник рассказов «В лесу», повесть «Моя школа») дороги нам еще и потому, что это книги об уральском крае.

О А. П. Бондине как краеведе написано, к сожалению, еще очень мало. Предлагаемая вниманию читателей заметка Е. Замятина, заведующего Нижне-Тагильским мемориальным музеем писателя, дает некоторые штрихи, рисующие эту сторону деятельности нашего замечательного земляка.

МАГНИТ ОСОБОГО ЧУВСТВА

В 1936 году в статье «За что я люблю Тагил» уральский писатель Алексей Бондин писал: «Мы любим свою Родину, прекрасную Родину, освещенную гением Владимира Ленина. А свой край, свое село, где родились, выросли, пережили горе и радость, — магнит, притягивающий с неизмеримой силой какого-то особого чувства, — любим еще больше».

Безусловно, край, где родился художник, воспитывался и рос, всегда дорог его сердцу. Это место часто определяет судьбу писателя, наделяет его творчество своеобразным колоритом. Мы не мыслим Расула Гамзатова без орлиных скал Кавказа, Михаила Шолохова — без станицы Вешенской. Так же немислим Алексей Бондин без Урала, без города Нижнего Тагила.

Родная тагильская земля, взрастившая Бондина, всю жизнь питала его творчество. Он умел видеть, слушать, понимать ее. Мы не ошибемся, если скажем, что автор «Моей школы», «Логов» и «Ольги Ермолаевой» был талантливым краеведом. Достаточно открыть любую книгу Бондина, чтобы убедиться в том, насколько хорошо он знал свой край, его природу, людей труда. Литературные критики не раз отмечали, что обилие фактического материала поражает как в ранних, так и поздних, уже зрелых произведениях писателя.

Как же собирал он этот материал?

В 1930 году, задумав переработать повесть «Платина» в роман, Алексей Бондин, в то время слесарь паровозного депо станции Нижний Тагил, взял отпуск и пешком обошел весь Висимский район — давнее место добычи платины. Скрупулезно изучал он технику старательских работ, быт старательских артелей, новые производственные отношения, изменение психологии рабочих на приисках, особенно тех, где работали первые советские драги. С добычей платины Бондин познакомился впервые еще в 1900 году, работая на при-

исках графа Шувалова. Жизнь старателей нашла отражение в его повести «Платина», которая потом переросла в роман «Лога».

Любил Алексей Петрович уральскую природу, часто совершал длительные охотничьи прогулки и лодочные путешествия по рекам Тагилу, Медведке, Ватихе, Утке. Поэтому в произведениях Бондина описания природы так точны и ярки.

В начале двадцатых годов в Тагиле было организовано Общество по изучению местного края — ТОИМК. Алексей Петрович стал активнейшим его членом с первого дня организации, участвовал в розыске материалов о революционном движении 1905—1906 годов в Тагиле. В «Сборнике материалов революционного движения в Тагильском округе» напечатан ряд его статей на эту тему. С большой охотой принимал участие в создании выставки, посвященной десятилетию Советской власти.

Будучи руководителем Тагильской Ассоциации пролетарских писателей и старым рабкором «Тагильского рабочего», Бондин в 1939 году разработал план книги «История Тагильского завода» и обратился через газету к старожилам города с призывом: «Напишем историю нашего завода». К сожалению, смерть помешала выполнить ему этот план.

Не успел он также написать давно задуманную повесть «Братья Салаутины», посвященную воспоминаниям рабочих людей на тагильских заводах в середине 18 века. Не успел опубликовать и фольклорные записи, которые собирал всю жизнь как в одиночку, так и с помощью учащихся-краеведов (только часть этого материала была напечатана в 1935 году в журнале «Штурм»).

Память о писателе-краеведе жива в сердцах его земляков.

Е. ЗАМЯТИН, зав. музеем А. П. Бондина

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ

Третью сотню лет гуляет по свету легенда о Невьянской башне. Будто бы в XVIII веке в ее подвалах заводчик Демидов тайно чеканил фальшивую монету, а когда нагрянула ревизия, приказал затопить подземелья вместе с находившимися там рабочими.

Легенду эту использовали и Алексей Толстой [кстати, сам побывавший на Невьянском заводе в качестве инженера-практиканта] в романе «Петр Первый», и Евгений Федоров в «Каменном поясе», и уральский писатель Александр Исетский в рассказе «Куранты», и многие другие писатели и очеркисты. Всех их привлекала так до сих пор и не разгаданная тайна старой башни. Писалось о ней и в «Уральском следопыте» (см. № 2 за 1958 год).

В своих письмах читатели нередко спрашивают нас — удалось ли историкам, наконец, внести ясность: что в легенде правда, а что вымысел?

В ответ на эти вопросы в 1973 году журнал предполагает напечатать большой очерк. Автор его, свердловский инженер-геолог С. А. Лясик, увлеченный краевед, исследователь горнозаводской истории Урала, подошел к загадке Невьянской башни с необычной стороны. С помощью новейших технических средств и методов он обратился к немому, но объективным свидетелям прошлого. Он произвел анализ руд алтайских и уральских рудников Демидова, чтобы выяснить, было ли в них серебро и золото: спектральным анализом сажи из дымоходов, идущих из подвалов башни, определил — могли ли там когда-то плавить серебро и золото; нанеся на план следы обнаруженных в разные годы признаков подземных ходов, дал вероятную схему «технологического процесса» потайной фабрики и т. д.

И если еще не все до конца ясно в этой истории, то очерк С. А. Лясика, несомненно приближает нас к разгадке старой тайны.

А что еще предложит журнал в новом году любителям истории и географии! В портфеле отдела краеведения есть

интересные материалы к 250-летию Екатеринбург — Свердловска, редкие зарисовки города XVIII и XIX веков, очерки о путешествиях по Уралу в прошлом веке ученых Аткинсона и Гельмерсена.

Наверное всех интересует, как произошли и что означают названия их родных городов, сел и поселков, рек, озер и гор. На эти загадки поможет ответить наша новая рубрика «Страна Топонимия». В публикациях этого раздела смогут принять участие и сами читатели.

Все мы хорошо слышали и много читали об испытателях-летчиках. Но мало кто знает об испытателях тихоходных машин — тракторов. Есть, оказывается, и такая профессия. Может, она не полна опасностей, как у воздушных асов, но романтики в ней не меньше.

В одном из номеров за 1973 год мы и расскажем об испытателях тракторов.

...Карл Линней, первый классификатор растений и животных, отнес эту травку к роду папакс, что в переводе означает — панацея. Да, если можно какое-то лекарство назвать панацеей — лекарством от всех болезней, — так это, прежде всего, легендарный женьшень, корень жизни..

О женьшене, о других лекарственных растениях — ландыше, лианах, наперстянке, кендыре, толокнянке, элеутерококке — увлекательно рассказывает доктор биологических наук Б. Сергеев. Его статья «Сокровища русского леса» будет напечатана в одном из первых номеров будущего года.

В портфеле редакции — научно-популярные статьи о том, как человек приручает... микробов, как учатся «мыслить» кибернетические машины, о чудесах без чудес в бионике, о том, как недавно были обнаружены химические свойства у инертного газа ксенона и как это открытие века в химии изменило — даже! — облик таблицы Менделеева. В будущем году редакция предполагает печатать очерки об ученых, репортажи с переднего края пятилетки, интервью, материалы под рубрикой «На все руки» — о новинках ребячьей техники.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.

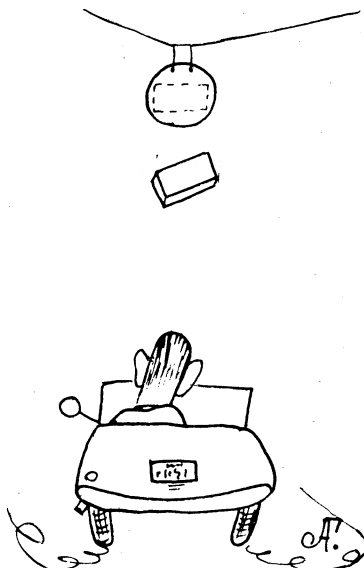
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 11139. Подписано к печати 26/VII 1972 г. Бумага 84×108^{1/16}=2.6 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,55. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 312.

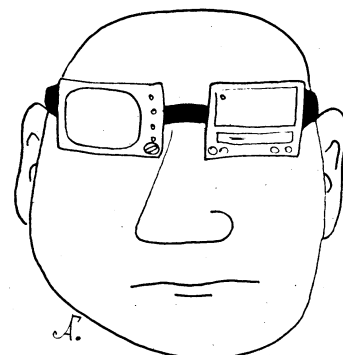
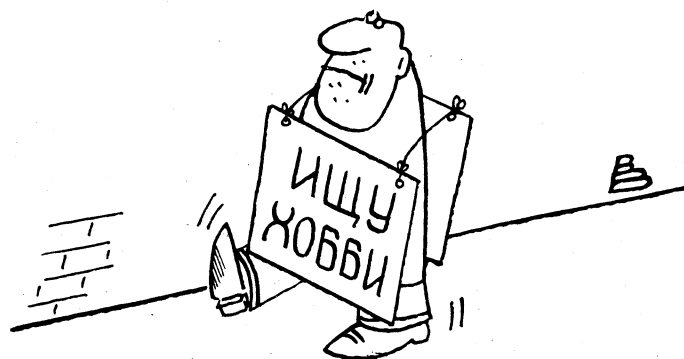
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

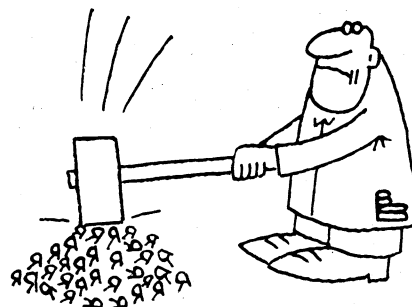
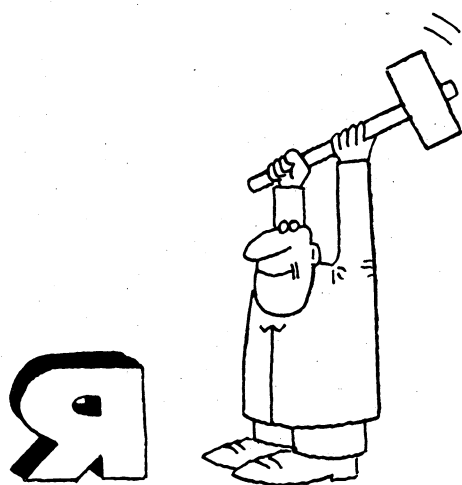
Рисунки А. Гитлина
и В. Васильева

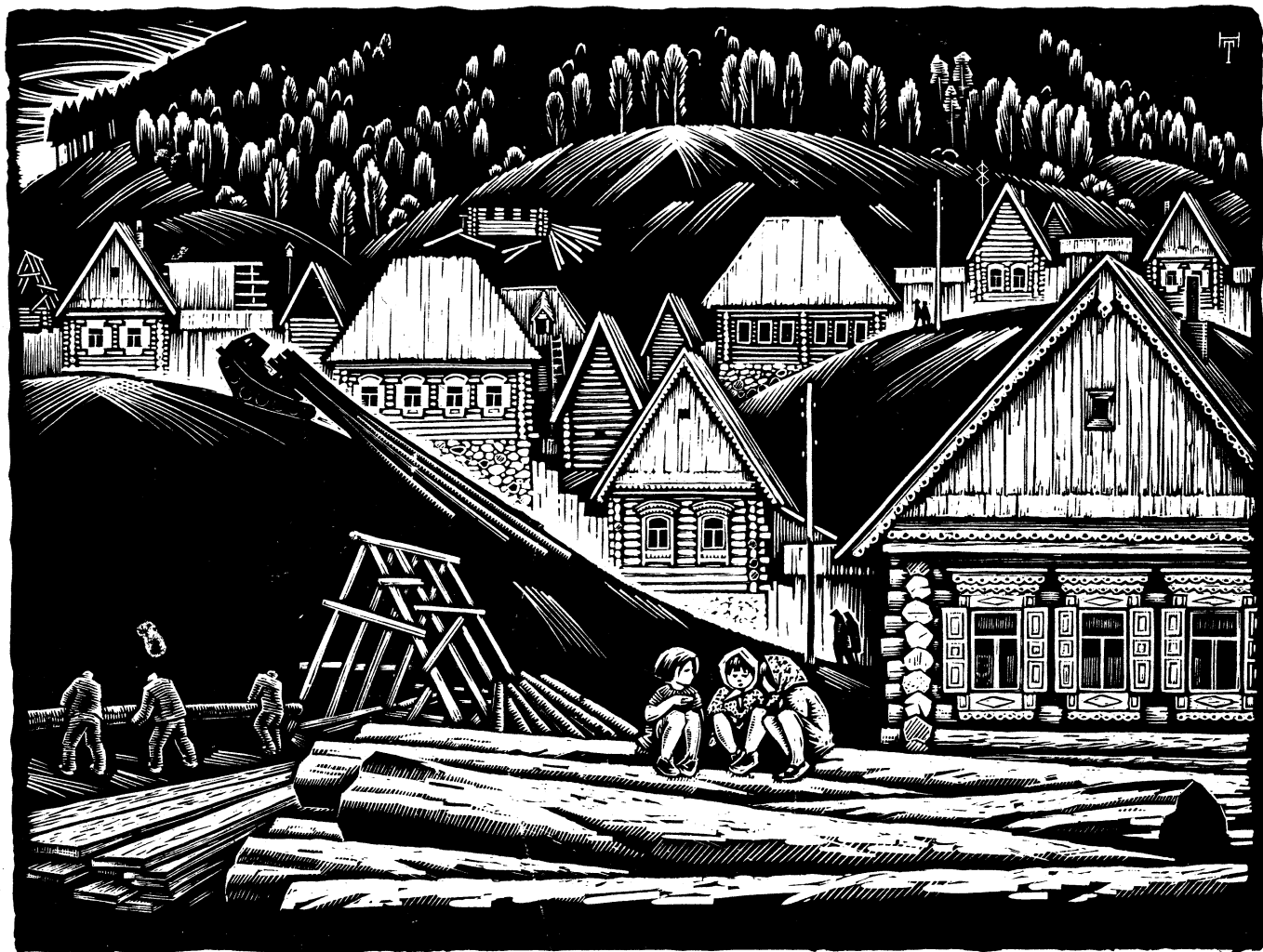
ПОСЛЕДНЯЯ МЕРА

КРУГОЗОР

ИСКОРЕНЕНИЕ ЭГОИЗМА

Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЛЕСНОЙ ПОСЕЛОК

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН
Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ,
А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь],
В. ШУСТОВ